

Всеволод КОЛЕСНИК

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Всеволод Колесник

**Россия на перепутье. Историко-
публицистическая трилогия**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2012

УДК 94(47+57)"654"
ББК 63.3(2)6-07

Колесник В. И.

Россия на перепутье. Историко-публицистическая трилогия
/ В. И. Колесник — Издательский дом «Сказочная дорога»,
2012

ISBN 978-5-4329-0011-1

В трилогии вскрыты причины кризиса коммунизма в СССР, несостоятельности командной «плановой экономики», дан новый взгляд на возможные пути развития России. Особого внимания заслуживают идея о создании партии нового типа и новая идеология регулятивизма, являющиеся, по мнению автора, великим историческим шансом для России. Книга, написанная истинным патриотом, проливает свет на многие проблемы современности и представляет интерес для всех, кто обеспокоен судьбой Отечества.

УДК 94(47+57)"654"
ББК 63.3(2)6-07

ISBN 978-5-4329-0011-1

© Колесник В. И., 2012
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2012

Содержание

От автора	6
Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	48
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	73
Глава 12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Всеволод Иванович Колесник

Россия на перепутье

© Колесник В.И., 2012

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2012

* * *

От автора

К пониманию истории существует несколько подходов. Например, такой: все предопределено заранее, может быть свыше, у каждой страны своя миссия, своя судьба.

Такой подход не приемлю: невозможно предопределить то, что еще не наступило. Другие рассуждают так: раз история человечества состоит из отдельных человеческих судеб, то не идеи и законы, а люди правят странами и народами. При таком подходе человеку, который не правит, но который уникален и, возможно, гений, отводится роль безропотного существа, которое и рождено для того, чтобы зависеть от воли не всегда умных родителей, воспитателей, начальников, амбициозных вождей или пророков, которые ведут народы сами не зная куда. Естественно, лучше, когда правит закон, а еще лучше – хороший закон. И чем общество справедливее, тем лучше закон. Закон зависит от социального строя. Иное для одного строя – норма, а для другого – преступление. Под справедливым обществом многие понимают коммунизм. Но коммунизм даже в энциклопедическом определении уже содержит противоречия. Необходима новая формация, альтернативная капитализму, но это не коммунизм.

В первой книге трилогии я пытался ответить на вопросы: закономерен ли был Октябрь и почему русский коммунизм приказал долго жить? Наряду с непримиримыми врагами коммунизма на Западе, творцы идеи «светлого будущего человечества» были, по моей версии, и его могильщиками.

Во второй книге я подвожу читателя к мысли, что в СССР никогда не было плановой экономики. Я русский коммунизм сравнил бы с айсбергом: в мировом океане сияла в лучах восходящего солнца только незначительная, его видимая часть, а остальное оставалось скрытым от людских глаз.

В третьей книге поставлен вопрос: прошла ли Россия переломную точку отсчета, после которой возврат ее к национальной русской государственности уже невозможен? Будет ли еще Россия стоять перед выбором? Если будет, то готовы ли мы к этому идейно? Только поэтому, как предпосылку создания новой русской действительности, следует нашей первой задачей поставить – отстоять свое право осмысливать и обсуждать свое прошлое, моделировать свою будущую судьбу. Рассуждать и мыслить свободно, не оговариваясь десятки раз, что мы, мол, в чем-то виноваты, не стремясь каждое здравое высказывание уравнивать другим, угодным нашим заклятым доморожденным врагам и Западу. Необходимо понять, что совершенно неправильно нашу жизнь в советское время рисовать только мрачными красками, даже если она и была в чем-то такой.

Не задумываясь о нашем прошлом, особенно советском, не делая необходимых выводов, к следующему повороту истории мы можем оказаться совершенно неподготовленными. Не допустить этого – вот первейшая задача, которую необходимо решать. Нужно понимать, что самыми важными вопросами являются вопросы идеологии. Вот почему в третьей, заключительной, книге трилогии речь идет не только о типе экономической системы, необходимой нам, но и о типе политической партии, которая будет способна воплотить новую идеологию в жизнь на благо России.

Выражаю благодарность Мыльникову Алексею Николаевичу за помощь, оказанную при написании трилогии, и прежде всего за критику, которая постоянно вдохновляла меня на поиски.

В.К.

Книга первая

Уроки становления страны Советов

Глава 1

Коммунизм как стереотип

Русский коммунизм потерпел катастрофу. Но именно когда рушатся под ударами какие-либо конструкции, на короткое время открывается глазу их внутреннее строение, обнаруживаются слабые точки. И в этот момент можно многое понять. Можно по-другому оценить и деяния «конструкторов». За суетой бытия, в пылу борьбы коммунисты – строители нового мира – не замечали слабые стороны теории правого дела. Хотя у Ленина есть ссылка на такие слова Маркса и Энгельса: «Наше учение не догма, а руководство для действия». Сам он на практике часто «ревизовал» марксизм. Но боязнь потерять авторитет, власть, услышать критику оппонентов по существу приводили Ленина и других марксистов ни к чему иному, как к догматизму и начетничеству (не так ли верующие ищут страницу, стих Писания, чтобы возразить или ответить приставучим атеистам). «Победоносное шествие» марксизма-ленинизма по планете остановилось, а пророчество Ленина о триумфе учения пролетариата в грядущую историческую эпоху так и не сбылось.

В том коммунизме, который был у нас, что-то было не так, раз он приказал долго жить. Если бы удалось из всего, что касается коммунизма, убрать весь мусор инсинуаций, догматизма и предубеждений! И с мифами бы покончить! Знаменитый английский философ Фрэнсис Бэкон считал причиной заблуждений разума ложные идеи – «идолы». Эти «идолы» мертвой хваткой берут людей за горло, душат мысль. Иногда эти «идолы» не стоят выеденного яйца, а за горло держат. При коммунизме были одни «идолы», теперь – другие.

Словечко «стереотип» придумали американцы. Стереотип – это предвзятое мнение о чем-либо. Например, житель Южных штатов США раньше «точно знал» (и от этой памяти американцам не избавиться никогда), что негры ленивы, прожорливы, похотливы и глупы, что они не способны научиться грамоте и что высшее счастье для них – быть рабами белого человека. Позже людей с темным цветом кожи стали «проталкивать» на видные руководящие посты в целях демонстрации пресловутой «демократии». Теперь вот въелся в сознание людей стереотип, что коммунизм – это плохо. Этот стереотип стал сейчас таким стойким, что нет возможности даже начинать разговор на эту тему – «Коммунизм». Тем более – пытаться преодолеть этот стереотип. Сложно жить в мире, в котором живучи (искусственно внедряемые в сознание людей) неверные оценки крупных событий, явлений прошлого, стереотипы мышления, перекосы теоретического, идеологического порядка.

Люди часто далеки от понимания существа вопроса, так как находятся в плену этих самых стереотипов, своих убеждений, являющихся результатом воспитания, образования, влияния окружающих людей, иногда явного зомбирования, но чаще всего – вследствие «твердых знаний». И чем увереннее человек в дискуссии себя чувствует, тем нагляднее демонстрирует неспособность понять и принять альтернативу оппонента. А ведь твердое убеждение, извините, это признак глупости... Все течет и меняется...

Некоторые считают (назовем это первым заблуждением), что доктрина коммунизма, изложенная классиками марксизма-ленинизма, была законченной, целостной, гениальной. На это есть возражение: все как раз с точностью до наоборот. Все там было сырое, «сваренное» наспех. Интересно, что, вооружившись «всепобеждающей теорией Маркса», никто, как ни странно, не отважился на бумаге описать коммунизм – то, что строили миллионы.

Сомнительным является безапелляционное отрицание Марксом и Энгельсом частной собственности, равно как и утверждение, что возможно материальное производство в обществе без эксплуатации трудящихся.

Заблуждение второе: если творец теории гений, то и возражать ему, так сказать, нельзя. Гений-то он гений, но он гений XIX века, а на дворе XXI...

Заблуждение третье: необходим, мол, научный подход в разработке новой доктрины коммунизма, его экономической модели. Оно рассыпается в прах, так как трудно назвать хотя бы двух-трех современных ученых-экономистов, кормящихся за счет рынка, которым это можно было бы доверить.

Заблуждение четвертое: без конкуренции, безработицы, кризисов никак нельзя – они-де являются стимулом роста производства, улучшения качества продукции; в конечном счете – производительности труда; плановая экономика совершенно неприемлема, только рынок и ничего более. Ерунда! Качество сейчас диктуется или конъюнктурными соображениями, или «придерживается» до последующих модернизаций. Производительность труда как бы отошла на задний план, на переднем плане – сокращение издержек. Плановая экономика была, есть и будет.

Заблуждение пятое. Народ, мол, сам все понимал, понимает и будет понимать. Никогда *всего* никто не понимает, так как сознанием людей манипулируют. Вообще-то, сколько людей – столько и мнений. И дело вовсе не в том, что надо идти в ногу и стройными рядами, – людей надо учить понимать действительность. Хотя это очень деликатный вопрос, но чем раньше начать народу говорить правду, тем лучше.

В начале мая 1919 года Ленин принял анархиста князя Кропоткина (между прочим – Рюриковича). Тогда страна переживала отчаянный период. Надвигался голод.

– Что же является главной опасностью текущего исторического момента? – спросил Кропоткин. – Угроза интервенции, свержение Советской власти, голод, разруха?

– Это серьезные трудности, – согласился Ленин с князем. И продолжил: – Но мы с ними справимся, и вы скоро убедитесь в этом. Не они главные.

Петр Алексеевич неожиданно для себя услышал, что есть проблема поважнее – как переделать то, что в человеческом черепе.

Речь шла о том, как человека-индивидуалиста преобразовать в коллективиста. А ведь это было тогда, когда идеи равенства импонировали народу. Опорой революционного правительства стали фабрично-заводские рабочие, бывшие крестьяне, объединившие вокруг себя многомиллионные слои тех, кому нечего было терять, кроме своих цепей. Но Ленину не удалось предвидеть, что станет с людьми, когда они заживут лучше. Современный человек горой за частную собственность, своего не отдаст, за доллары отца родного продаст. Сейчас мало кто захочет взглянуть на наше ближайшее прошлое (когда мы жили относительно достойно) хотя бы из чистого любопытства, не отдавая предпочтения никакой априорной доктрине, не становясь на позиции какой-либо социальной категории людей, не выдвигая никаких программ избавления людей от зла коммунизма или построения некоего «подлинного социализма с человеческим лицом». Современному человеку это просто *не надо*.

Заблуждение шестое. Ничего не надо предпринимать – все само собой «устаканится». Самое гнилое заблуждение. Необходимо давать по ушам недобросовестным, конъюнктикам-доброжелателям, всяким борцам за «правду», оплачиваемую подачками из-за бугра. В народе говорят: плохое быстро забывается. Утверждение такое связано с житейскими отношениями. Сложнее обстоят дела в общественной жизни, особенно если в ней живучи неверные оценки крупных событий, явлений прошлого. Тут забывчивость приведет к тому, что в будущих энциклопедиях и учебниках истории будут описаны события, далекие от исторической реальности.

Заблуждение седьмое – полное отрицание идеи коммунизма. Если рассматривать его абстрактно, то он – ни благо и ни зло, так как в нашей стране возник закономерно. Приписывать ему только то, чем он должен был быть согласно политической демагогии, или, наоборот, понимать его только как объективно существовавший факт, на который одни смотрят глазами пострадавших, а другие – выгадавших, значит, не быть в ладах с диалектикой и объективностью. Независимо от того, насколько правы были марксисты.

Благодаря Октябрю, пока существовал Советский Союз, все угнетенные народы мира имели наглядный пример, как им обустраивать свою жизнь, а капиталисты мало-помалу вынуждены были отпускать вожжи («дабы и у нас такого, как у них, тоже не случилось»), пока не дошли до пресловутых «демократических» свобод с пособиями наркоманам и нежелающим работать.

Главное – мы потеряли общество социальной справедливости. Хотя каждый знает, что абсолютной справедливости в мире просто нет. Ее и быть не может: один умный, красивый и здоровый, а другой – ленивый, да еще и кривой.

Являются, к тому же, и относительными сами критерии оценки явлений, как справедливых, так и несправедливых. Поэтому правильнее говорить о том, как нормы справедливости реализуются *в тенденции*. С тенденцией в СССР все было в порядке.

Утверждение, что при коммунизме общий жизненный уровень был *гораздо* ниже, чем в обществах другого типа, не совсем верно. Если при сравнении с западным обществом принимать во внимание ряд специфических факторов – гарантированный оплачиваемый отпуск, оплату времени болезни, бесплатное медицинское обслуживание, пенсии по старости и инвалидности, дешевое жилье, практически бесплатные детские сады, образование, обучение профессиям и др., то можно и поспорить. Основные жизненно важные потребности советских граждан так или иначе удовлетворялись. Действительно, работающие граждане у нас получали меньше, чем представители соответствующих профессий «там». Но и трудились они меньше. Степень эксплуатации есть отношение вознаграждения за труд к трудовым усилиям, затрачиваемым при этом. При коммунизме степень эксплуатации ниже. И следствием этого является и более низкий жизненный уровень.

В брежневский период общий жизненный уровень в Советском Союзе был самым высоким за всю историю России. А в некоторых районах (например, в Грузии) он был выше, чем в западных странах.

В стране никто (за редким исключением) не думал ни о каком возврате к капитализму. Даже жулики не помышляли об этом, поскольку имели возможность жить нечестным путем именно в условиях советского общества.

Итак, с коммунизмом не все ясно. Если мы скажем, что знаем подлинную историю нашей страны, то мы, конечно, скажем неправду. В России нет истории, а есть некие легенды, мифы, в которых история постоянно искажается в угоду то одному, то другому режиму. Историю перевирали и переписывали, как хотели, исходя из сиюминутной конъюнктуры, имея социальный заказ. В нашем случае идет неприкрытое искажение нашего революционного прошлого. Не пощадили даже декабристов.

Глава 2

Декабристы и революционные демократы, которые были

С дерзкой фантазией неутомимый Александр Бушков в очередной серии «России, которой не было» с подзаголовком «Блеск и кровь гвардейского столетия», покопавшись в архивах и найдя несколько ответов на чисто бытовые загадки того периода, в одночасье лишил декабристов исторического ореола мучеников. «Восстановив» таким образом историческую правду, сей популяризатор отечественной истории добавил к характеристике Ленина («узок круг был этих революционеров и страшно далеки они были от народа») несколько словечек из современного русского языка: паханы и т. п. Этим самым он добился своей цели – свел на нет цепочку: Пушкин – Одоевский – «из искры возгорится пламя» – ленинская «Искра».

Отказываясь присягать императору Николаю I, 14 декабря 1825 года часть войск Санкт-Петербургского гарнизона подняла мятеж. Офицеры-заговорщики воспользовались невежеством своих солдат и их привычкой к повиновению и подняли восстание против самодержавия и крепостничества.

Все, без исключения, заговорщики являлись членами тайных обществ. Завершившаяся победой война с Наполеоном, как это ни парадоксально, пошатнула царский режим: молодые впечатлительные русские офицеры столкнулись с развитой и неизмеримо более свободной, нежели в России, культурой Запада.

Спустя более сотни лет после победы Советской армии в 1945 году, советское правительство делало все возможное, чтобы оградить страну от проникновения западных идей и изолировать от общества тех, кто был готов к восприятию этих идей.

А тогда русские офицеры не могли не обратить внимание на то, что, несмотря на поражение, во Франции не прекращалась культурная и общественная деятельность. Для России же было характерно крепостничество, попрание индивидуальных прав и свобод.

Первое тайное общество в России появилось в 1816 году.

Оно было построено по типу масонских лож, в то время весьма активизировавших свою деятельность в стране.

За девять лет своего существования это общество неоднократно преобразовывалось и меняло название. В конечном счете оно разделилось на два общества: Северное, с центром в Санкт-Петербурге, и Южное – на базе Тульчинской управы, с центром в войсках 2-й армии на Украине. Северное общество склонялось к идее конституционной монархии с ограничением привилегий. Членам Южного общества, придерживающимся более радикальных взглядов, был ближе пример якобинцев времен Великой французской революции.

Радикальная философия Южного общества базировалась на идеях одного человека, полковника Павла Ивановича Пестеля.

Немец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Пестель был ярким русским националистом, сторонником централизованного государства. Пестель был как бы прообразом некоторых большевистских лидеров. Отличался от них только тем, что готов был рассматривать православие в качестве государственной религии, да евреев хотел выдворить из России, а Польшу превратить в государство-сателлит. Некоторые идеи Пестеля явно опережали время и производили ошеломляющее впечатление. Он намеревался уничтожить крепостничество и покончить с классовыми различиями, связанными с происхождением.

Считал, что должна быть проведена национализация земель, и давал гарантию, что каждый гражданин сможет получить в пользование земельный надел, достаточный для под-

держания семьи. Мало того – предвидел период диктатуры (чем не пророк?) до наступления в России реальной демократии.

Пестель был ярким противником самодержавия и твердо придерживался мнения о необходимости не только полного уничтожения института самодержавия, но и физического истребления действующего императора, всех претендентов на трон и всего царствующего дома. Болезненно-обостренное чувство насилия, развитое в Пестеле как в политическом мыслителе и теоретике, будет характерно для развивающегося революционного движения в России. О том, почему мятеж 14 декабря 1825 года продолжался всего один день и был легко подавлен, написано достаточно много. Но нас больше интересует то, как восстание декабристов и его подавление сказались на тридцатилетнем царствовании нового царя Николая I, присягать которому мятежники отказались. А все это послужило началом новой эры политических бескомпромиссных противостояний в России. Казнь и ссылка революционеров-декабристов развеяла миф о XVIII веке как эпохе российского просвещенного абсолютизма. Царизм начал преобразовывать Россию в полицейское государство. Нововведением явилось создание Третьего отделения Имперской канцелярии – прототипа печально известных учреждений, процветавших в России (и в период самодержавия, и в советские времена) и дошедших до наших дней. Охранка, ВЧК, КГБ разделяли с Третьим отделением грандиозную моралистическую концепцию охраны государства; прозаичные функции обычной полиции не шли ни в какое сравнение с деятельностью этих организаций.

Третье отделение должно было заниматься крупномасштабным политическим шпионажем, доносительством и пресекать в корне любую подрывную деятельность, чтобы (как это произошло 14 декабря) она не могла перерасти в государственную измену. Поскольку прежние административные органы проявили преступную небрежность, тайной полиции следовало действовать в обход обычных каналов, ее шеф становился доверенным лицом монарха и одним из наиболее высокопоставленных имперских сановников. Вскоре функции Третьего отделения были значительно расширены и включали решение таких, казалось бы, не связанных с его деятельностью вопросов, как политика в области культуры, статистика и т. п. Это очень показательно. И при Сталине секретная служба, занимая иерархическое место непосредственно за ним, так же «вникала» во все дела. Например, не только охраняла государственные архивы, но и создавала их в каком-то смысле по указке вождя.

Третье отделение заложило основы будущей системы российских спецслужб с их своеобразным подходом к таким понятиям, как государственная измена и подрывная деятельность в отношении государства. Многие государства, имеющие тайную полицию, к услугам агентов-провокаторов, конечно же, прибегают. Однако Россия была первым государством, где под действия спецслужб подводилась философская база. Логика была такая. Как зло является составляющей каждого человека, так и в обществе всегда зреет потенциальная измена; она может быть обнаружена и в литературной критике, и в исторических трудах, и в живописном полотне, на первый взгляд абсолютно безобидном.

Поэтому спецслужбы должны не просто предотвращать или карать явные действия, направленные на подрыв государства, но раскрывать неосуществленные преступления и сурово наказывать за возможность их совершения. Позже агенты спецслужб не только проникали в секретные организации, но и провоцировали членов их на противоправные действия. При таком подходе к делу всякого рода «органам» безработица никогда не грозит.

Со временем и революционное движение приобрело психологическое сходство со своими преследователями: дух инквизиторства, постоянный поиск «изменников» и уважение к законным нормам и правилам.

Посеянные Николаем I на русской почве семена тоталитаризма наиболее явно проявились в культурной сфере. До 1825 года основным источником тревоги являлись приходящие с Запада политические идеи, подвергавшиеся жестоким гонениям со стороны пра-

вящего режима. Французская революция положила конец идеям просвещения, с которыми носилось русское самодержавие. В 1815 году был сделан очередной шаг к реакционной политике, символом которой стал Священный союз, созданный по инициативе русского самодержца Александра I. Восстание декабристов заставило правительство осознать важность идей, как философских, так и политических, высказываемых представителями писательского люда. Теперь журналистика и литература подвергались особенно пристальному изучению. Под строжайшую цензуру попал Пушкин. Величайшему поэту России, связанному узами дружбы с декабристами, словно школьнику, пришлось выносить оскорбительное обращение, выслушивать то похвалу, то ругань в адрес своих произведений. Власть старалась подкупить литераторов и журналистов. Возникла новая популяция журналистов, так называемая продажная «желтая» пресса, оплачиваемая правительством.

Зарождавшаяся тогда русская культура формировалась в атмосфере крайней подозрительности. Попытка применения государством репрессивных мер при формировании культурной ткани России спровоцировала неизбежное: когда в основе этой ткани были искусственно удалены отдельные нити, русская литература активно включилась в решение политических и социальных вопросов, а высокопрофессиональная критика превратилась в один из основных способов революционной пропаганды.

Официальное преследование часто превращало рядовых мыслителей в «борцов за свободу», а очередную новость – в важнейшее событие в культурной жизни. Например, именно такой была судьба «Философских писем» Петра Яковлевича Чаадаева, взгляды которого сложились под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства. Сомнительное творение отставного офицера, не владевшего в достаточной мере русским языком, сыграло злую шутку с режимом: подвергнув критике «Философские письма» как работу сумасшедшего, власти только подлили масла в огонь.

Но было и иное. Известный критик Виссарион Григорьевич Белинский, проникшийся материализмом немецкого мудреца Фейербаха, выдвинул тезис о социальной направленности искусства. А Михаил Александрович Бакунин и Александр Иванович Герцен уже становятся у истоков русского научного социализма. Свои радикальные идеи они высказывали в салонах Санкт-Петербурга и Москвы, выступали с ними на европейской сцене, тем самым заложив начало революционной борьбы на родине. Наследие Бакунина является в основном частью западного анархизма. В России Бакунин имел не много последователей. Его жизнь была воплощением идеала радикализма, примером настоящей революционной деятельности. А Герцена с полным правом можно считать основателем народничества – специфической русской версии социализма. Он ратовал за развитие русских общинных начал, сочетая это с критикой буржуазного, «мещанского» Запада. Герцену очень симпатизировал столп русского консерватизма Константин Николаевич Леонтьев. И Герцен, и Леонтьев считали самым большим злом буржуазную западную демократию, которая опошляет человека. Герцен был близок к идеологам славянофильства, которые брали под защиту общину и артель, считая их залогом сохранения русской самобытности.

Социалистичность общины Герцену виделась в ее самоуправлении. В ней русские люди живут некоторым демократизмом (народоправство схода) и даже коммунизмом. Последний заключается в общем владении землей, которое Герцен считал зародышем коллективной общественной собственности.

Между последними годами правления Николая I и началом царствования Александра II лежит период наибольшей активности Николая Гавриловича Чернышевского, который, по словам американского историка Адама Улама, ни много ни мало, стоит у истоков большевизма. Книга Чернышевского «Что делать?» известна многим. Молодые радикалы запоем читали появившийся в начале 1860-х годов роман. Даже спустя десять-двадцать лет, когда уже удалось объяснить все туманные намеки, коими изобилует роман, читатели все еще

подпадали под его очарование. В романе просматривается влияние социальной среды, глубоко отличной от той, к которой принадлежали Герцен и Бакунин. Чернышевский был сыном православного священника. В этой среде духовный сан был фактически наследственным. Условия жизни рядового духовенства, которое не могло рассчитывать на высокое положение, не сильно отличались от условий жизни прихожан (основную часть их в XIX веке в России составляли крестьяне). С той лишь разницей, что священники должны были быть хотя бы минимально образованными людьми. Эта смесь бедности и образованности создавала основу для зарождения радикальной *революционной интеллигенции*.

Период с 1861 по 1881 год совпал с наибольшей революционной активностью; просвещенные классы были буквально пропитаны идеями социализма и революции. Лихорадкой было охвачено не только студенчество и молодая интеллигенция, но и часть бюрократического аппарата и офицерства. На эти же годы приходится усиление реакции и русского шовинизма. Это был непростой исторический период, когда произошло разделение общества на два лагеря: реакционный и революционный. Освобождение крестьян – всего лишь одно из значительных событий, произошедших в общественной и экономической жизни России XIX века. В этот период была заложена основа местного и регионального самоуправления. На фоне отставания большинства институтов государства шагнули далеко вперед реформы в системе судебных органов. Военные реформы избавили солдат от векового ужаса перед бесконечной службой. Эти фундаментальные реформы возбудили аппетит либеральных слоев общества. Стали раздаваться голоса (чаще всего представителей привилегированных классов) о необходимости учреждения народного собрания; в адресованных царю прошениях говорилось о необходимости ослабления или отмены цензуры, об отказе от произвола власти, налагающей взыскания без суда и следствия. Но решительный шаг к конституционализму сделан не был. Объясняется это не только сопротивлением режима, а главным образом невероятной активизацией революционного движения. Таким образом, сама революция нанесла реформам полное поражение и усилила реакцию в стране.

Глава 3

О роли личности Николая II в истории февральской революции

Люди, интересующиеся отечественной историей, наверняка задают себе вопрос: что произошло бы с Россией, если бы во главе ее в начале XX века стоял не Николай II, а другой, более решительный и способный к управлению государством монарх? Такое могло произойти. Известно, что отец Николая, Александр III, очень не хотел, чтобы царем стал его старший сын, предпочтение отдавал младшему – Михаилу, хотя был еще Георгий – следующий по старшинству из четырех сыновей. Но он болел туберкулезом и скончался в 1899 году. К 1894 году, когда умер император Александр III, он был еще цесаревичем. Скорее всего, на трон Георгий не сел бы. К тому времени он безвылазно находился на Кавказе. Врачи категорически запрещали ему жить в сыром и холодном Петербурге.

Михаил был любимцем родителей. Характер имел добрый, покладистый. Мог бы ужиться со всеми министрами, которых его брат Николай, став императором, лишь терпел и от которых избавлялся при первой же возможности. Но Михаил был еще молод, и Александр III, не веривший в способность Николая править страной, взял с него слово, что тот откажется от трона в пользу Михаила, когда тот подрастет. Но Николай II отказался от своего обещания отцу. Россия получила безвольного и не очень умного монарха. Николай Александрович Романов, тогда еще не царь, а наследник престола, едва не стал жертвой покушения во время путешествия по Японии. По настоянию родителей цесаревич Николай в конце 1890 года отправился в морской поход на Дальний Восток на борту броненосного крейсера «Память Азова». Вместе с ним в поисках восточной экзотики отплыли родной брат Георгий и двоюродный брат – греческий принц Георг. Августейшие путешественники посетили Египет, Индию, французский Индокитай. И даже приняли участие в охоте на слонов и тигров в индийских джунглях. Особенно Николаю понравилось в Японии. Там, в Нагасаки, он с греческим кузеном посетил заведение, которое в наше время носит название «Салон тату». Не удержался и попросил сделать на правой руке шикарную цветную татуировку дракона, чем весьма удивил сопровождавших их японцев.

В то время в Японии с помощью татуировок клеймили преступников, а добровольно их делали только представители местных преступных кланов. Кузены этим не ограничились и оказались в ресторане «Волга», часто посещаемом русскими моряками. Не обошлось и без девушек в номерах. Вернулись они на борт крейсера лишь в четыре часа утра. А потом произошло чрезвычайное происшествие. Посетив Киото, где Николая и его спутников встретили по высшему разряду, путешественники отправились на рикшах в город Оцу, расположенный на берегу озера Бива. После созерцания живописных пейзажей Николай уселся в повозку мощностью в одну человеческую силу. Кorteж путешественников растянулся на несколько сотен метров. Поскольку охранникам, сопровождавшим их, по японскому этикету запрещалось поворачиваться спиной к царственным особам, они проворонили фанатика, который нанес Николаю два удара мечом – катана. Раны оказались неопасными. Ему не суждено было погибнуть от руки японского самурая. Николаю II на роду было написано процарствовать 23 года и закончить свою жизнь в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Николай II оказался однолюбом. Будущий император в Виндздорском замке встретил Алису из великого герцогства Гессен-Дармштадта и влюбился в нее. Английская королева Виктория весьма благосклонно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника российского престола. Но царь Александр III, зная, что гемо-

филия (несворачиваемость крови) из поколения в поколение поражала членов гессенского дома, решительно воспротивился планам этого брачного союза. Но любовь победила, и царь вынужден был уступить. При православном крещении Алиса приняла имя Александры Федоровны.

Несмотря на взаимную любовь коронованной четы, брак не стал очень счастливым – очаровательная Алиса стала причиной будущих бедствий. Веселой и радостной принцессе суждено было стать на Русской земле мрачной царицей и фанатичной приверженкой православной церкви. Вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу она родила четырех дочерей, что подорвало ее здоровье, но никак не могла родить наследника престола.

Случилось так, что безвольный царь попал под влияние своей жены. «Я не верю никому, кроме своей жены», – признавался он другу детства князю Александру. Такое преклонение перед женой имело свои причины. В первые же дни стало проявляться соперничество молодой русской императрицы с овдовевшей императрицей Марией Федоровной. Желая облегчить горе овдовевшей матери, Николай в первые месяцы после смерти отца значительную часть времени уделял ей. Этому способствовало то, что после бракосочетания молодые жили в Аничковом дворце, хозяйкой которого оставалась вдовствующая императрица. У молодых не было даже своей столовой, поэтому кормились они у Марии Федоровны. Александра (Алиса) воспринимала это как ущемление своего законного главенства.

Жена усопшего монарха, пользовавшегося большим авторитетом подавляющей части российского общества, заслуживала большего почитания, чем молодая императрица, еще едва говорившая по-русски. Да и по официальному протоколу русского двора вдовствующая императрица имела преимущество перед молодой царицей. При всяких церемониях Мария Федоровна должна была идти впереди, опираясь на руку сына, а молодая государыня – сзади, с одним из великих князей. С этим следовало смиряться, не показывая своего недовольства. К церемониям можно было привыкнуть, гораздо труднее Александре было переносить реальное влияние на царя его матери. В первые годы царствования Николая II Мария Федоровна часто замечала затруднения своего сына, давала ему советы. Да и сам он обращался к ней с вопросами, как бы на его месте поступил его отец в той или иной ситуации. Материнские наставления императору раздражали молодую царицу, ей казалось, что свекровь обращается с мужем как со школьником. В борьбе за влияние на императора победила жена. Этой победой утвердилось то значительное влияние Александры на мужа, которое со временем стало одним из важных мотивов критики царской власти со стороны всех оппозиционных сил.

Страстное желание родить сына побудило царицу постоянно искать помощи у шарлатанов, авантюристов и «чудотворцев». Лишь после десяти лет супружеской жизни царица родила сына. Но наследник престола Алексей, увы, был подвержен гемофилии, болезни страшной и неизлечимой. Любая рана вызывала у мальчика кровотечение, которое долго не останавливалось. Царица, убежденная, что вера способна помочь горю, была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и за ее сына. И тут подвернулся Распутин. Все слухи о моральной распущенности «старца» отвергались как клеветнические, а он, зная, что кровотечение часто прекращается само собой, появлялся у постели больного мальчика всегда вовремя, и ему удавалось «остановить» кровотечение. Григорий Распутин стал для царицы рукой Провидения. Через царицу Распутин влиял на царя и добился многого, преследуя какие-то свои цели. В Петербурге вокруг Распутина сложился кружок влиятельных лиц. В нем были редактор газеты «Россия» Г. П. Сазонов, графиня Игнатьева, великая княгиня Милица Николаевна, фрейлина императрицы Анна Вырубова. Этот первоначально узкий круг людей, позже значительно расширившийся, являлся «тайной властью

императора, или конспиративной партией императрицы», которая подбирала кандидатуры членов кабинета министров.

Сам император с большим трудом «отбивался» от дядей – четырех братьев отца. Все они были, одни более, другие менее, старше его и, занимая высокие посты в государстве, считали своей священной обязанностью наставлять малоопытного государя. Но вместе с наставлениями они постоянно что-нибудь требовали от него. Каждый из них имел своих любимцев из генералов и адмиралов, которых они хотели повышать в чине и должности вне очереди, а своих балерин, жаждавших устроить себе «русский сезон» в Париже, облагодетельствовать. Николай буквально боялся оставаться в своем кабинете с ними наедине, в этом случае они почти всегда что-нибудь «урывали» у него.

Не без влияния Распутина был сменен Верховный главнокомандующий князь Николай (дядя царя). Без сомнения, это стало ключевым моментом в кризисе верхов в годы Первой мировой войны, что положило начало последнему этапу разложения русской монархии – так называемой «министерской чехарде». Суть ее состояла не столько в частой смене министров, сколько в их качественной замене. Прежних сановников, так или иначе противившихся воле проходимца, заменяли откровенными ставленниками «старца». Как и при каждой революции, канун русской ознаменовался тем, что государственная власть была развращена стремлением к личной выгоде, беспринципным карьеризмом, открытым цинизмом и пренебрежением к нуждам народа.

Редким исключением был Петр Аркадьевич Столыпин, который предпринимал попытки предотвратить революционные выступления путем реформирования порядков в стране. Он пытался создать в политическом плане какую-то связь между царем, правительством, обществом и представительными институтами. Но царь был далек от понимания этого и мало в чем ему помогал.

Но так как он затмевал своей решительностью безвольного царя, то оказался ему ненужным, как и многие другие, менее значимые государственные деятели, назначаемые и снимаемые с должностей царем по указке Распутина. Столыпин был убит левыми террористами при явном попустительстве охраны.

Раздраженный создавшейся обстановкой в стране и все больше поддающийся влиянию жены, Николай II стал совершать труднообъяснимые поступки.

Узнав, что в Лондоне король и палата представителей устроили прием в честь председателя ненавистной ему Думы, он стал размышлять, не стоит ли ему в качестве ответной меры принять ирландскую делегацию террористов из партии Шин фейн (шинфейнеры – члены ирландской политической организации, возглавившей национально-освободительную борьбу против английского господства). По разумению Николая II, виноватыми были все. Царь совершенно не ориентировался в ситуации.

Благодаря Думе политика стала доступна выборным представителям всех граждан. Но как раз об этом Николай II не желал и слышать. И это при том, что Четвертая Дума, избранная в 1912 году на пять лет, была намного более консервативной, чем предыдущие. Если в Первой Думе заседало 190 крестьян, то в этой подавляющее число депутатов были дворянами и 48 – священниками. Правое, левое крыло и центр находились примерно в равном соотношении, но при этом следует учитывать, что левые были в основном представлены кадетами. Крайне левые, сила которых проявилась во время забастовок 1905 года и позже – в 1912 и 1913 годах, получили право только на 15 депутатских мест.

В деревнях тяжело восприняли роспуск Первой и Второй Думы: крестьяне возлагали все свои надежды на предложения, направленные царю, а Николай II распустил собрания представителей, поддерживавших их просьбы и требования. «Кровавое воскресенье» разорвало священную связь царя с народом... Быстрому созреванию революции способствовало

ощущение того, что в верхах «завелась гниль». А для такого государства, как Россия, где вся легитимность власти стоит на авторитете, эта болезнь была смертельной.

Конкретная историческая особенность положения России заключалась в том, что во время правления Николая II российская монархия окончательно выродилась, деградировала. О том, каков был царь по своему психологическому и мировоззренческому складу, что происходило в царской фамилии и во всей «придворной камарилье», сейчас опубликовано достаточно. Из многих источников явствует, в настроениях высших кругов при дворе господствовали суеверия, мистицизм, антиинтеллектуальные течения.

И как было не случиться революции, если самым богатым помещиком и собственником в России был царь. При назначении Столыпина премьером встал вопрос о том, где жить главному министру страны. Весной 1907 года Николай II предложил Столыпину перебраться в один из пустующих (!) дворцов царской семьи на Елагином острове – это очаровательный большой белый дворец со стройными колоннами, высокими вековыми деревьями в саду, многочисленными флигелями, лужайками и конюшнями.

Участвуя в убийстве Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, князь Юсупов предполагал, что разыгрывается первое действие «возрождения» России.

Избавившись от старца, царь услышит, мол, голос народа, то есть Думы, соберется с силами, выиграет войну и возродит страну. На самом деле «возрождение» выразилось в революции, самой тотальной из всех, когда-либо имевших место.

Буржуазные масонские круги, земские деятели, военное командование, предчувствуя приближающуюся революцию, в самый разгар войны подготавливают выступление против Николая II как бездарного царя. Создаются различные общества, которые под видом оказания помощи правительству в спасении России постепенно берут в свои руки управление всеми делами страны. Ощущается нехватка продовольствия.

В феврале 1917 года для свержения царизма понадобилось пять дней. Все началось с того, что в Петрограде к середине сентября почти не осталось муки. Командующий военным округом генерал Хабалов решил ввести продовольственные карточки. Сведения об этом дошли до толпы, и на другой день у булочных выстроились очереди, а затем и у всех продовольственных лавок. Опустошенные за несколько часов, некоторые из них закрылись. Люди собирались толпами, били витрины. Беспорядки продолжались и в последующие дни, они происходили обычно после многочасовых ожиданий на морозе, после того, как толпа слышала неизбежное «ничего нет».

14 февраля Дума собралась на сессию, и несколько депутатов назвали в своих выступлениях министров «неспособными». Они призвали их уйти со своих постов, говоря, что во Франции народ в свое время сумел «сместить трон». Однако новый председатель Совета министров князь Голицын и его министры вынудили депутатов произносить свои речи в пустое пространство: они не явились в Думу, демонстрируя свое презрение к ней.

Предчувствуя бурю, левые депутаты пытались установить связь с нелегальными организациями.

В доме Максима Горького собрались для переговоров депутаты, в частности Керенский и большевик Шляпников, однако прийти к единому соглашению они не смогли: одни верили в революционное движение, другие – нет, и все ограничилось перебранкой между «оборонцами» и «интернационалистами». В это время социалистические партии и профессиональные союзы пытались организовать демонстрацию 23 февраля, в так называемый «день рабочих». Однако к соглашению прийти не сумели. И тогда решили выступить самостоятельно женщины.

Утром 23 февраля, когда работницы и некоторые присоединившиеся к ним рабочие строились в ряды, революционные организации обратились с призывом ко всем принять участие в демонстрации. В этот первый день женская демонстрация пополнилась рабочими,

которых уволила дирекция Путиловского завода. За ними вскоре последовали тысячи других трудящихся. Опасаясь беспорядков в центре города, власти распорядились закрыть конторы и магазины. Это было ошибкой: служащим предложили не выходить на работу, и они отправились посмотреть на демонстрацию, и многие присоединились к ней. Впервые в истории России рабочий класс вылез на свет божий из своего гетто, а другие социальные слои проявили к нему симпатию. Настроение в городе было довольно веселое. Казалось, что это праздничный день. Трамваи остановились, разъезжали казачьи патрули, которых приветствовала толпа. Всех поражала пассивность полиции.

На второй день, 24 февраля, снова основную роль играли работницы: они поставили перед собой задачу пройти по Невскому проспекту и привлечь к себе как можно больше внимания. В 8 часов утра к работницам присоединились рабочие, и все вместе двинулись с окраин города к центру. Однако на этот раз полиция оказалась на месте, пытаясь помешать демонстрантам пересечь мосты на Неве. Тогда демонстранты пересекли Неву по льду и выстроились в ряды на другом берегу реки. Во главе колонны несли красные флаги, демонстранты распевали «Марсельезу».

В конце Невского, на Знаменской площади, в огромной толпе уже раздавались крики: «Да здравствует Республика!» Казаки гарцевали на конях, толпа их приветствовала. Затем появилась конная полиция с криками «Разойдись!». Раздались выстрелы, демонстранты стали разбегаться, однако полиция, не имевшая на то указаний, их не преследовала. Поражало отношение к демонстрантам казаков.

На третий день, 25 февраля, основными организаторами забастовок и демонстраций стали большевики. Военный министр Беляев снова отдал распоряжение помешать демонстрантам пересечь Неву, однако стрелять не разрешалось «из-за неблагоприятного впечатления на союзников», но предписывалось заранее взломать на реке лед. Однако генерал Хабалов не отдал никаких указаний, и, так же, как накануне, люди с окраин смогли прорваться в центр города. На Знаменской площади произошел случай, то ли закономерный, то ли знаковый, но повернувший колесо истории: когда один из ораторов произносил перед манифестантами речь, появилась конная полиция. Полицейские намеревались разогнать демонстрантов, но никто со своих мест не двинулся. Один из полицейских прицелился в оратора, толпа закричала. В это время из снежного облака возник казак и сразил блюстителя порядка саблей. Толпа остолбенела от удивления.

Вечером в Совете министров происходила бурная дискуссия. Министр внутренних дел был вне себя от того, что Председатель Совета Министров в его отсутствие встречался с председателем Думы Родзянко. Он кричал: «Я прикажу арестовать вашего Родзянко и распушу Думу!» Это заседание оказалось особенно примечательным после того, как на него прибыл генерал Хабалов и зачитал полученную телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Четвертый день выпал на воскресенье. Петроградцы встали позже обычного. Выйдя из дому, они обнаружили солдат на боевых постах. Генерал Хабалов, считая, что с революцией уже покончено, послал телеграмму императору: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». А в полдень окраины пришли в движение, и в центре население вышло на улицу.

Солдаты сооружали заграждения на мостовой, вели наблюдения за тротуарами; приказы отдавали издали звуками горна. Однако люди подходили к солдатам, вели с ними мирные беседы, и солдаты отвечали им тем же. Офицеры неоднократно отдавали распоряжения прекратить переговоры с толпой. Командование нервничало, чувствуя, что теряет авторитет.

Пятый день, 27 февраля. Возмущенные приказом стрелять в толпу, полученным накануне, солдаты перехватили инициативу у рабочих. Они заперли в казармы своих офицеров, кое-кого из них расстреляли и присоединились к демонстрантам. Пристроившись к колонне

рабочих, они вместе направились к Таврическому дворцу, где заседала Дума. Революция победила. Унтер-офицеры ведут солдат к Зимнему дворцу. Часовые их приветствуют. Медленно ползет вниз императорский флаг, и тут же над дворцом взмывает красное полотнище.

Спросить бы у господ «демократов»: почему вы отменили Красное знамя, поднятое народом в Феврале, и почему вы упразднили Советы, установленные буржуазной революцией в России в 1917 году? Тенденциозное отрицание Октября, равно как и замалчивание Февраля, – одного поля ягоды.

Нас хотят отбросить не только в дооктябрьский период, не только в дофевральский период, а просто – в средневековье.

Николай II, спасаясь в Ставке в Могилеве от столичных хлопот и ненавистных министров, в злополучный день 23 февраля ничего не знал о том, что произошло в Петербурге. Он писал воздыхательные письма жене. На второй день событий он по-прежнему ничего не знал о демонстрациях и узнал о них лишь тогда, когда царица ему об этом написала. Но потом Ставка и царь были официально извещены о беспорядках в Петрограде.

Хабалов направил генералу М.В. Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего (по некоторым источникам – масону и причастному к заговору против царя еще в 1915 году), подробное сообщение о первых днях мятежа, а министр внутренних дел Протопопов дал телеграмму дворцовому коменданту Воейкову, который обычно ездил вместе с царем и находился с ним в одном вагоне, о том, что события носят хаотический характер и что «принимаются решительные меры для подавления беспорядков». Генеральный штаб и царь реагировали на сообщения аналогичным образом: первый отдал распоряжение командующему Северным фронтом сделать все возможное для ускорения прибытия надежных войск. А царь направил телеграфом Хабалову приказ, который мы приводили, – «завтра же прекратить в столице беспорядки».

А когда события стали приобретать угрожающий оборот, император принял решение о подавлении мятежа. Он наделяет генерала Иванова неограниченными полномочиями и объявляет о своем отъезде в Царское Село. Ничего из этого не получилось. Генерал Иванов не сумел добраться до столицы. И царь не доехал до Царского Села – железнодорожники перерезали ему путь, так же, как и Иванову. Пришлось царю вернуться в Псков, где он узнал, что армия и правительство требуют от него отречься от престола.

Глава 4

«Есть такая партия!»

2 марта, в день отречения царя, в результате переговоров Временного комитета Думы с Исполкомом Петроградского совета было создано Временное правительство. Великий князь Михаил, к которому перешла корона, также отрекся от престола в пользу Временного правительства.

Временное правительство соединило в своем лице законодательную и исполнительную власть, заменив царя, Госсовет, Думу и Совет Министров и подчинив себе высшие учреждения (Сенат и Синод). Оно считало себя преемником монархического государства и стремилось сохранить старый государственный аппарат. Однако на волне демократизации в состав ведомств и учреждений включались представители Советов, профсоюзов и других общественных организаций.

Овладеть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы. Временное правительство не было действенным. Тактикой его было не разрешение проблем, а оттяжка вопросов до созыва Учредительного собрания. *Либерализация* по всем направлениям и «двоевластие» усугубляли ситуацию.

И вдруг 3 июля – расстрел демонстрации, шедшей под советскими лозунгами. 3 июля нарушило неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом. Сформированный новый состав правительства стал сдвигаться вправо, его председатель Керенский (перешедший в партию эсеров) занял еще посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим.

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями: армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. Чтобы загнать солдат в окопы, пришлось снова ввести военно-полевые суды. Это предельно озлобило солдат и ничего не дало для укрепления власти. После короткого периода общего ликования на «празднике революции» Временное правительство стало испытывать нарастающее отчуждение, а потом и сопротивление не только крестьян и рабочих, но и части имущих классов.

Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Концы с концами не вязались ни в одном вопросе. Но главное – были отпущены вожжи.

Незрелость капитализма в России, которая оказалась препятствием к консолидации народа на основе «третьего сословия», как это было в западной части Европы, создала ряд специфических условий в формировании новых элит. Одной из таких элит оказалась руководящая верхушка рабочего движения.

В названии их партии (РСДРП) прослеживается влияние западноевропейских традиций. При численности аграрного и промышленного пролетариата, составлявшего менее одного процента населения России, первоначально партия имела в своих рядах не более 3000 членов. И то, что произошло с февраля по октябрь в России было нелогичным, неожиданным и единственным в своем роде. Причем большевикам удалось взять власть по той причине, что у них оказался Ленин.

Владимир Ильич Ульянов (псевдонимы: Ленин, В. Ильин, К. Тулин, Карпов и др.) родился в семье директора народных училищ Симбирской губернии. Теперь вполне точно по документам можно установить, что дед Ленина (по линии отца), Николай Васильевич Ульянов, был крепостным крестьянином деревни Андросово Сергачского уезда Нижегородской губернии. Отпущенный в 1791 году помещиком на оброк, этот, по-видимому, весьма

вольнлюбивый человек спустился вниз по Волге до устья и не захотел возвращаться и в конце концов стал «вольным» астраханским мещанином. Здесь, в Астрахани, он женился на молодой, восемнадцатью годами его моложе, девушке, которая – хотя точных документальных сведений об этом нет – была, по всей вероятности, крещеной калмычкой. Ее опекал астраханский иерей о. Николай Ливанов, который помог ее сыну Илье Ульянову, в пятилетнем возрасте оставшемуся без отца, получить гимназическое, а затем и университетское образование. В результате за два поколения совершился невероятный, но все же возможный для России «скачок» от беглого крепостного крестьянина до действительного статского советника.

В последнее время гораздо большее внимание привлекает материнская ветвь родословной Ленина. Отец его деда, то есть прадед Ленина, Давид Бланк, не только принял православие, но и отправил в 1848 году послание «на высочайшее имя», призывавшее создать такое положение, при котором все российские евреи откажутся от своей национальной религии.

Тогдашний министр внутренних дел Л. А. Перовский счел необходимым сообщить Николаю I о предложениях этого ленинского прадеда. Сын Давида, Израиль Бланк, еще за полвека до рождения своего внука (Ленина), в 1820 году, крестился с именем Александр Дмитриевич, окончил Императорскую медико-хирургическую академию, женился на дочери российского чиновника германского происхождения Ивана Федоровича Гросшопфа, потомственного дворянина. В 1847 году, выйдя в отставку, он купил имение в глубине России, в приволжской деревне Кокушкино, где и жила до своего замужества его дочь Мария – мать Ленина.

Отец Ленина, Илья Ильич, учился в Казани, в том числе и у Лобачевского, знаменитого математика. Здесь он в 1863 году женился на Марии Александровне Бланк. С 1874 года – директор народных училищ в Симбирской губернии, был «генералом» от образования с огромной для того времени зарплатой (5000 рублей годовых плюс дом, свечи, дрова, выезд и прислуга бесплатно). За счет этого будущий вождь и жил. Владимир был очень похож на отца. У обоих – небольшие, чуть косо поставленные темные глаза и выдающиеся скулы, свидетельствовавшие о том смешении русской и татарской или монгольской крови, что нередко встречалось в беспокойном регионе между Волгой и Уралом, где в недалеком прошлом зарождались крупные крестьянские и казачьи восстания. Володя был живым и одаренным ребенком и рано обнаружил примечательную способность к систематическим занятиям.

В семье Ульяновых было шестеро детей. Отец рано умер, и мать старалась дать детям разностороннее образование, как и покойный муж, она продолжала воспитывать детей трудолюбивыми, честными, скромными и чуткими. Но отсутствие отца сказалось на детях – они попали под влияние революционных идей. Старший брат Александр, который был для Володи примером для подражания, принимал участие в подготовке покушения на царя Александра III. Саша входил в небольшую террористическую группу в качестве специалиста по взрывчатым веществам и сочинил прокламацию, с которой хотел обратиться к народу. По чистой случайности заговор раскрыли. На квартире Александра была арестована его сестра Анна, зашедшая к брату, а потом и он сам. Александр взял на себя всю вину. Сын и преемник убитого царя Александра II, Александр III попал под влияние реакционного окружения и нетерпимо относился ко всякого рода свободам и заговорам. 8 мая 1887 года Александр Ульянов был повешен вместе с четырьмя своими товарищами.

Казнь брата потрясла Владимира. В эпигонской партийной литературе советских времен утверждалось, что молодой Ульянов тут же решил посвятить свою жизнь революционной борьбе. Это не так. И никаких слов «мы пойдем другим путем» он не произносил. Владимир Ульянов стал на путь профессионального революционера значительно позже. Юноша очень интересовался общественными науками, стремился глубоко изучить их. Явная нена-

висть старших детей Ульяновых к царю, его бюрократии и Церкви привела к поруганию в городе всей их семьи. Понимание проявил лишь отец будущего противника Ульянова в революции, Федор Михайлович Керенский, директор Симбирской гимназии, который порекомендовал молодому человеку, окончившему его гимназию с золотой медалью, поступить на юридический факультет университета в Казани. В 1887 году семья Ульяновых переехала в Казань, Володя поступил в университет.

А в начале декабря того же года за участие в студенческой сходке он был исключен из университета и арестован. Ульянов выделялся среди других студентов только потому, что обладал рыжими волосами. Оказавшись среди задержанных, Владимир два дня провел в тюрьме. Владимиру Ульянову обратный путь в университет был закрыт на три года, и не потому, что он был виновен больше других, а только лишь за то, что был братом Александра.

Вместе с матерью Ульянов уехал в имение в Кокушкино – восхитительное место для летнего отдыха. Но зимой там было скучновато. Владимир еще никогда не читал так много и увлеченно, как во время вынужденного пребывания в Кокушкине. Он читал специальную литературу, поскольку надеялся на восстановление в университете. Тогда же он впервые увлекся литературой по социальным и политическим вопросам. До смерти брата он не выказывал интереса к политике. Хотя, как и большинство его ровесников-гимназистов, читал запрещенную литературу. Юноша смолodu выработал привычку к методичному изучению, нечто вроде зубрежки, тех предметов, с которыми сталкивался впервые. Вынужденное бездействие дало возможность погрузиться в многообразие русской литературы по заинтересовавшим его вопросам. В домашней библиотеке имения Владимир обнаружил не только книги, но и подшивки таких известных литературных и общественных журналов, как «Современник» и «Европейский вестник». Это было зимой 1887/1888 года. Он попал под чары Чернышевского, побудившие многих предшественников и современников Ульянова вступить на революционный путь.

Исключение из университета явилось для Владимира первым личным опытом столкновения с несправедливой и грубой политической системой России. Надо понимать, какой удар был нанесен юношескому самолюбию. Если до исключения из университета Владимир Ульянов уклонялся от политики и, принимая участие в студенческих беспорядках, как, впрочем, и большинство студентов, не преследовал никаких целей, то теперь он попал под наблюдение полиции и оказался под домашним арестом. Да еще, в отличие от большинства виновных в студенческих беспорядках, которым позволили продолжить учебу, в течение трех лет неизменно получал отказы на прошения о пересмотре дела. Лишь попав в списки «неблагонадежных лиц», самой судьбой он был обречен активно включиться в революционное движение.

К этому времени марксистская идеология завоевала господствующее положение в западноевропейском рабочем движении и начала распространяться и в России. Первым выдающимся пропагандистом марксизма в России был Георгий Валентинович Плеханов. Вынужденные скрываться за границей от царского преследования, Плеханов и его товарищи организовали в Женеве в 1883 году первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда». Ее участники переводили книги Маркса и Энгельса на русский язык и тайно пересылали их в Россию. У истоков зарождения российской социал-демократии, помимо Плеханова, были Вера Засулич, Л.Г. Дейч и П.Б. Аксельрод. Насмотревшись в разных городах Европы на революционеров из России, Плеханов позже почти пророчески писал, что, если им удастся захватить власть, им придется вводить социализм путем издания соответствующих декретов, после чего «совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке», так как декреты повлекут за собой насильственное разрушение веками сложившегося жизненного уклада русского народа, и

его ответную реакцию начнет обуздывать свирепый деспотизм. Поэтому, прекрасно зная свою Родину и желая предотвратить неизбежную кровавую бойню и разорение страны, Плеханов считал, что исконно русская *община* должна послужить «исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах». Однако никаким «аграрником» при этом он никогда не был, будущее России, как и Ленин, связывал с ведущей ролью ее растущего рабочего класса. Но пока она оставалась страной преимущественно крестьянской, Георгий Валентинович видел чрезвычайную опасность в том, что ее станут переделывать на социалистический лад революционеры, знающие русскую жизнь в теории и не принимающие во внимание русский *патриотизм*. О последнем Плеханов предупреждал особенно, но совсем не потому, что сам был коренной русак и свой народ ставил выше других. Российская империя веками держалась, собственно, на России и за счет России, русский мужик нигде не вел себя так, как англичанин в Индии или голландец в Индонезии. При этом по своей численности русские всегда составляли в Российской империи подавляющее большинство, никого, однако, не подавляя. Плеханов, судя по всему, это понимал. Потому и заклинал не посягать на русский патриотизм.

В 1880-х годах в России появились марксистские кружки и группы. Организовав в 1892 году в Самаре первый марксистский кружок, молодой Ульянов никогда уже не сворачивал с тернистого пути революционной борьбы с неизбежными арестами, ссылками, нелегальным положением и эмиграцией.

Ульянов в августе 1893 года приехал в Петербург, а в 1895 году создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За это был сослан на три года в село Шушенское Енисейской губернии. В 1900 году он выехал за границу, где стал издавать первую общерусскую нелегальную марксистскую газету «Искра». В это время в России стало нарастать революционное движение, во главе которого оказались наиболее передовые рабочие. Множились забастовки на фабриках и заводах, поднимались против помещиков крестьяне, волновалась студенческая молодежь. Объективно нужна была сильная, организованная партия, чтобы возглавить это движение. Борьбу за партию и повела ленинская «Искра».

С конца 1901 года Владимир Ильич стал подписывать некоторые свои работы псевдонимом «Ленин». Подлинное происхождение этого имени установить невозможно. Хотя некоторые авторы проводят аналогию с Плехановым, который подписывал свои работы «Волгин», по названию русской реки Волги. Но река Лена, протекающая в Восточной Сибири, привлекла внимание революционного мира только в 1912 году в связи с известными событиями. Сам Ленин никогда там не был.

В 1902 году вышла в свет книга Ленина «Что делать?», сыгравшая громадную роль в создании партии. Ленин мыслил создать, в отличие от рабочих партий Западной Европы, которые уживались с оппортунизмом, совершенно иную, подлинно революционную пролетарскую партию, способную организовать и повести рабочий класс России на штурм царского самодержавия и капитализма. Чтобы возглавить рабочее движение, стать его руководящей силой, партия должна быть вооружена передовой революционной теорией – марксизмом. Эту теорию она должна внести в рабочее движение и тем самым *придать* ему социалистическую сознательность. Ленин считал, что пролетариат собственными силами может достичь лишь профсоюзного сознания, а современное социалистическое сознание может быть привнесено ему только извне и является результатом научного познания. Этим самым Ленин хотел наделить партию (верхушка которой являлась интеллигенцией) *монополией* на идеологию и руководство рабочим движением. Противоречивость его позиции теперь, задним числом, можно увидеть в том, что, с одной стороны, он к русской интеллигенции относился с недоверием, а с другой – как бы не замечал ее засилья в руководстве партии. Однако он выдвинул требование централизованного иерархического построе-

ния партийной организации, которая должна быть подчинена «пролетарской дисциплине» и обучена не хуже армии.

Вопрос об идеологической приверженности решался сам собой: каждый человек на земле, независимо от имущественного положения, образования, происхождения и воспитания, хотя бы для себя самого постоянно решает вопрос, на чьей он стороне: трудящихся или тунеядцев. Итак, нужно было создать партию трудящихся и вооружить ее революционной теорией. Некоторых смущает вопрос: почему в партии и в ее руководстве оказалось такое большое количество евреев? На этот вопрос можно дать такой ответ. Евреи всегда были неизмеримо динамичнее других, они меньше связаны традициями, условностями, предрассудками.

Евреи практически достигли поголовной грамотности. Легко заметить, что существуют два обстоятельства, делающих еврея более активным и более умным, чем окружающие. Во-первых, это сама по себе жизнь в диаспоре, за которой стоит жесткое давление окружающего мира, постоянная и беспокойная борьба за жизнь. Еврей совершенно точно знает, что он должен быть не просто умным и хорошо помнить Талмуд. Он должен уметь делать что-то такое, за что ему заплатят деньги. Причем он должен уметь делать это так хорошо, чтобы деньги заплатили именно ему. Во-вторых, еврей волей-неволей знает несколько языков. Живя среди других народов, он вынужден говорить на языках тех, кто вокруг.

И как итог, евреи – это передовой народ на протяжении огромного периода истории. Умные и ученые есть у всех народов, но ученых у других народов в процентном отношении меньше. А у евреев – грамотные многие. Евреи очень стремились к образованию. Этим отличались все 4 или 5 млн евреев Российской империи, заселявших Малороссию, Белоруссию, Молдавию, Польшу и Литву.

Ветер странствий и гонения привели их предков в эти земли достаточно давно. Еще в X – XIII веках на Киевской Руси существовали кланы славяноязычных евреев (кенааним). В XVI – XVII веках они были поглощены пришедшими с Запада евреями (ашкенази), говорящими на идиш. Это было нацменьшинство, «инородцы», каких на Руси были десятки, причем «инородцы», не свалившиеся с Луны, а оказавшиеся в пределах империи вследствие разделов Польши и других завоеваний. Беднота занималась ремеслами, богачи – коммерцией. Землей евреи не владели. Это запрещалось законами, охраняющими земли коренного населения от ловких и безжалостных евреев.

В первом десятилетии XX века в русском еврействе произошел, применяя терминологию Гумилева, «пассионарный толчок», самый мощный, может быть, со времен Иудейских войн. Этот толчок разделил русское еврейство по нескольким направлениям.

Первая, самая талантливая и миролюбивая часть, пошла в науку и культуру. По итогам XX века результаты следует признать впечатляющими: более двух десятков Нобелевских лауреатов, несколько десятков академиков, лауреатов Сталинских, Ленинских и Государственных премий, Героев соцтруда, сотни докторов наук, звезд искусства, шахматистов, скрипачей и т. д.

Вторая часть – около 2 млн человек – рискнула эмигрировать в США в поисках лучшей доли, не надеясь на Россию.

Третья часть, самая малочисленная, занялась революцией профессионально. Это были в основном недоучившиеся студенты, переполненные эмоциями и готовые жертвовать всем молодые люди и девицы, интеллигенция. Евреи кожей чувствовали приближение грозы и пополняли ряды революционеров. Больше всего евреев было в партии эсеров.

Неравноправие, еврейские погромы, ограничения свободы выбора места жительства вызвали в евреях враждебность к власти. Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу. Пребывание евреев

на административных постах новой России – совершенно естественная и необходимая вещь. Сама партия фактически произошла из еврейского Бунда – первой в Европе социал-демократической организации, съезд которой состоялся в 1897 году. В сентябре того же года на организационном его съезде в социалистическом Бунде возобладали идеология сионизма.

Через 6 месяцев, в марте 1898 года, в Минске состоялся I организационный съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), на котором российские социал-демократы отпочковались от Бунда. Ко времени революции Бунд совсем поссорился с РСДРП. Бунд вел пропаганду на идиш и даже одно время отстаивал право любого еврея, где бы он ни жил, вести на идиш любые деловые документы. Из восьми делегатов I съезда РСДРП пятеро были евреями. В образованный на съезде Центральный комитет партии из трех человек вошли А. Крамер и Б. Эйдельман. Задолго до всех русских революций, начиная с глубокой Античности, евреи стремились проникать во власть, в финансовые сферы, проявляли сплоченность своей диаспоры, всегда держали нос по ветру и всегда стремились оказаться там, где пахло жареным.

Кажущееся засилье евреев при дворе и в русском обществе при царях действительно только кажущееся. Такое впечатление производят фамилии. Но это – русские немцы. Они начали появляться при Петре I в процессе «прорубания окна в Европу». Сюда следует причислить многочисленных прибалтийских немцев. И необходимо учесть непрерывное породнение русских царей, великих князей и княжон с немецкими владетельными домами – Мекленбургским, Брауншвейгским, Гессен-Дармштадтским, Голштейн-Готторпским, Ольденбургским, Лейхтенбергским и др.

Созыв II съезда РСДРП Ленин считал настоящей и неотложной задачей.

На II съезде в Брюсселе (потом из-за преследования со стороны бельгийской полиции заседание съезда продолжалось в Лондоне) в 1903 году РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков. Произошло это так. Продолжительному и бурному обсуждению на съезде подвергся проект программы партии. Ленин и его сторонники отстаивали революционную программу, положение о диктатуре пролетариата, необходимость союза рабочего класса и крестьянства, право наций на самоопределение и пролетарский интернационализм. Против этих основных марксистских положений выступали открытые оппортунисты: бундовцы, «экономисты» и другие антиленинцы. Их поддерживал и Троцкий.

Большинством голосов II съезд партии утвердил революционную программу, подготовленную редакцией «Искры». Тогда это была единственная в мире партийная программа, в которой борьба за диктатуру пролетариата выдвигалась в качестве основной задачи пролетарской партии. Руководствуясь этой программой, партия боролась за победу социалистической революции в России. Несмотря на лишения и жертвы, эту программу партия выполнила.

Резкие разногласия на съезде произошли при обсуждении устава. Ленин хотел создать единую боевую партию, каждый член которой участвовал бы активно в революционной борьбе и подчинялся железной партийной дисциплине. Это затрудняло бы доступ в партию непролетарским неустойчивым элементам, способствовало бы созданию партии организованной, дисциплинированной. Но незначительным большинством голосов было принято оппортунистическое предложение Мартова Ю. О. (настоящая фамилия – Цедербаум): считать достаточным для члена партии признание программы партии и оказание ей материальной помощи, не обязывая его входить в партийную организацию и подчиняться партийной дисциплине. Как говорят сейчас, почувствуйте разницу: с партией, созданной на таких основах, рабочие никогда не смогли бы победить своих классовых врагов. И опять против ленинского организационного плана построения партии выступал Троцкий. На последних заседаниях съезда (Ленин на съезде просил слова сто раз), при выборе центральных орга-

нов, соотношение сил изменилось в пользу сторонников Ленина. При выборах в Центральный Комитет и редакцию центрального органа партии, которой была признана «Искра», сторонники Ленина получили большинство голосов. С тех пор их стали называть *большевиками*, а оппортунистов, оставшихся в меньшинстве, *меньшевиками*. Ленин, который стал тогда единственным непререкаемым авторитетом и лидером партии, слово «большевики» не любил.

Второй съезд РСДРП явился поворотным пунктом не только в российском, но и в мировом рабочем движении. Его историческое значение заключается в создании пролетарской партии нового типа – могучей силы, способной поднять рабочий класс и всех трудящихся России на свержение власти помещиков и капиталистов, на построение социализма (коммунизма). Чтобы осуществить эту историческую задачу, партия должна была иметь свою революционную теорию. За разработку такой теории взялся Ленин. Он начал с глубокого изучения марксизма – революционного учения, названного так по имени его основателя – Карла Маркса.

Всю свою жизнь Карл Маркс и его друг Фридрих Энгельс думали, как освободить рабочий класс и всех трудящихся от власти капитала. На земле нет человека, который не понимал бы, что если у одних сосредоточено все богатство, а у других ничего нет, то что-то здесь не так. Наверное, всю историю люди с совестью в той или иной мере возмущались несправедливостью устройства общества. Действительно, нормальному человеку всегда трудно было согласиться с положением, когда тысячи окружающих его людей живут впроголодь, в тяжелейшем труде ради того, чтобы обеспечить явным бездельникам праздную жизнь. Люди с совестью хотели перестроить мир, особенно те, у которых особых богатств не было. И планы у них имелись, но не было того, что дает безусловную уверенность в действиях – осознания правоты своего дела. Дела справедливого, но очень трудного, очень опасного и неблагодарного. Вспомните участь Максимилиана Робеспьера. Марксизм давал новую надежду. Революционеры, для которых борьба за лучшую долю трудящихся стала смыслом жизни, получили благодаря Марксу осознание своей *правоты*.

Ленин, изучая капитализм и его империалистическую стадию, пришел к выводу о возможности победы социалистической революции (то есть о возможности для революционной партии захватить власть и направить развитие по пути к коммунизму) первоначально в одной (разумеется, в капиталистически развитой) стране.

Что касается России, то он считал, что даже свержение царского самодержавия возможно лишь в отдаленном будущем. Это он утверждал менее чем за два месяца до Февральской революции 1917 года, в январе, выступая в Цюрихе. Да и позднее он говорил в кругу своих соратников-эмигрантов, что они вряд ли доживут до революции в России.

Материальные условия жизни Ленина в эмиграции в Швейцарии были исключительно тяжелыми. Основным средством существования Ленина и его жены Надежды были литературные гонорары (Крупская приехала к нему в ссылку в сибирское село Шушенское, стала там его женой и до конца жизни мужа была его соратником, другом и верным помощником). Политические антивоенные статьи и книги издавать было невероятно трудно. Помогала материально мать Ленина.

В Цюрихе они жили на узкой улице, в старом мрачном доме с тесным двором. Комната, которую они снимали у сапожника, была полутемная и неудобная. В этих условиях Ленин вел напряженную теоретическую работу. К тому времени, когда в России произошла буржуазно-демократическая революция, Ленин сформулировал для себя понимание большевистской революции как попытку создать новый мир на обломках старого, который разваливался как бы сам собой в результате логики своего развития.

Накануне решающих событий Ленин удачно отреагировал на ситуацию «Апрельскими тезисами». Позже, уже в советское время, ради придания тезисам Ленина научной основы,

под этим названием были объединены несколько разных документов. Многие положения «Апрельских тезисов» сегодня кажутся устаревшими, но восхищает их пафос. Ленин – большой энтузиаст. И куда-то в сторону отходят досужие рассуждения о деньгах кайзера, равно как и кажутся несостоятельными теперешние выдумки (Брагин А. П.): евреи придумали «отравленную идею классовой борьбы, скормили ее народам России с целью свергнуть руками толпы национальную элиту государства и сесть на ее место».

Приехав 3 апреля ночью в Петроград, Ленин смог выступить уже 4 апреля на собрании большевиков. Вождь большевиков присутствовал и на открытии I Всероссийского съезда Советов 10 (23) июня 1917 года. Ленин потребовал забрать всю полноту власти из рук Временного правительства, ему возразил Церетели, один из министров-меньшевиков: «Нет такой политической партии, которая была бы способна, действуя самостоятельно, покончить с хаосом и взять в свои руки власть».

«Нет, – раздалась знаменитая реплика Ленина, – такая партия есть! Наша партия каждую минуту готова взять власть целиком».

Эсеро-меньшевистский зал над этими словами Ленина долго хохотал. Возможно поэтому после таких слов Временное правительство Ленина не арестовало. Хотя Церетели, почувствовав и осознав опасную решимость Ленина и его людей, потребовал разоружить «заговорщиков». Ему казалось, что Ленин способен прямо во время съезда, при поддержке массовых демонстраций, свергнуть посредством путча Временное правительство и захватить власть именем Советов.

Ленина не арестовали. Но ЦК партии от решительных действий отказался, Ленин отправился на финские озера (по официальной версии – подальше от рук Временного правительства, а по версии его немецкого биографа Георга фон Рауха – просто отдыхать). Трудно представить, что было бы с Россией и как развивались бы события, если бы Керенский арестовал тогда Ленина... Ленин ровно 111 дней, с 6 июля по 25 октября, имел возможность сосредоточиться на теоретических вопросах революции. В Разливе, в поселке и на станции Приморской железной дороги, в 32 км от Петрограда, жили рабочие Сестрорецкого оружейного завода. Сюда в ночь на 10 (23) июля 1917 года Ленин приехал к рабочему Н. А. Емельянову. Несколько дней он провел на чердаке сарая, а затем под видом финна-косца поселился в шалаше у стога сена на берегу озера Сестрорецкий Разлив. Там он работал над тезисами «Политическое положение», двумя статьями – «К лозунгам» и «Уроки революции», над книгой «Государство и революция». В связи с наступившими холодами и угрозой обнаружения его местонахождения, по решению ЦК РСДРП (б) – Ленин в августе выехал из России в Финляндию.

В водовороте революции книга «Государство и революция» сразу не нашла читателей, так как была издана только после Октября. В ней Ленин в основном работал над проблемой государства. Прежде всего для собственной внутренней уверенности и для будущего. Кстати, в этой книге было одно положение: всякий партийный и советский руководитель не может иметь больше материальных благ, чем любой другой руководитель, например технический или хозяйственный. Если бы этот принцип всегда соблюдался, то Советская власть существовала бы в России и по сей день.

А вот что касается роли и отмирания государства, положения книги были спорными. Даже тогда – вскоре после захвата власти – одной из постоянных забот Ленина было сохранение преемственности системы управления страной. Советская же эпигонская литература, увы, упор делала на стремлении Ленина сохранить идейную преемственность. Но поезд тогда уже ушел.

Ради исторической правды и из желания отдать должное Ленину-революционеру приведу цитату из его письма Каменеву, датированного июлем 1917 года: «...Если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку “Марксизм о государстве” (застряла в Стокгольме).

Синяя обложка, переплетенная... Собраны все цитаты, из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок. Формулировать. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно еще “entre nous” (фр. – между нами)».

Революционный вождь, травимый как агент враждебного государства, ожидающий возможного покушения со стороны врагов, заботится об издании «синей» тетради с цитатами Маркса – Энгельса – таково его секретное завещание. Словечко «укокошат» должно служить противоядием ненавистной патетике: поручение по своему существу имеет патетический характер.

Ожидая удара в спину, Ленин сам должен был нанести удар в грудь. Пока он между чтением газет и писанием инструктивных писем приводил в порядок полученную наконец из Стокгольма драгоценную тетрадь, жизнь не стояла на месте, и близился час, когда вопрос о власти предстояло решать практически. Как только большевики получили возможность влиять на оба столичных совета, Ленин сказал: «Наше время пришло», хотя оставался сторонником всемирной пролетарской революции. Само завоевание власти в России он рассматривал прежде всего как толчок к европейской революции, которая для судеб человечества должна была иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой стране. Об этой исходной позиции Ленина наша эпигонская историография предпочитала молчать, так как этот расчет Ленина был опровергнут последующими событиями, и, согласно позднейшим теориям, русская революция, при всех условиях, оказалась самодовлеющей. Между тем ленинская оценка международной обстановки не была иллюзорной. Симптомы, которые он наблюдал сквозь сито военной цензуры всех стран, действительно знаменовали приближение революционной бури. Революция на Западе, правда, не поставила у власти пролетариат – реформисты спасли буржуазные режимы, – но оказалась все же достаточно существенным фактором, чтобы оградить Советскую республику в первый, наиболее опасный период ее существования. Ситуация была такова, что на основе глубокого и всестороннего анализа внутренней и международной текущей обстановки Ленин созрел для постановки перед РСДРП (б) вопроса подготовки и организации вооруженного восстания.

В брошюре «Уроки революции», написанной в Разливе, он пишет, что февральская полоса революции в России окончилась неудачей.

По его мнению, революционный взрыв, произошедший в конце февраля 1917 года и положивший начало Февральской революции, свержению самодержавия и крушению Российской империи, был не тем, что надо.

Февральская революция носила буржуазно-демократический характер. Свергнув царизм, она фактически не решила ни одной из насущных задач. Продолжалась империалистическая война, оставался нерешенным вопрос о земле, не были удовлетворены основные требования рабочего класса (восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы и др.), оставался крайне острым национальный вопрос. Правящая буржуазная партия – кадеты – была согласна на те реформы, которые не затрагивали бы коренные интересы и привилегии капиталистов и помещиков. Кадеты были экономически заинтересованы в сохранении помещичьего землевладения и возражали против экспроприации этой формы частной собственности. И точно так же правящая буржуазия не могла отказаться от продолжения войны, которая давала громадные *барыши* на военных поставках. Вследствие этого Временное правительство лишалось поддержки широких масс населения. Оно могло управлять страной лишь до созыва Учредительного собрания, поэтому всячески саботировало его созыв, заняв в условиях «полевения» общества позицию: «сначала успокоение, потом реформы».

Глава 5

Троцкий и Ленин в октябре

Ленин поразительно быстро оценил представившуюся возможность захватить власть и использовал ее. Мало того, он успел разработать идеологию социалистической революции в России, которая позже стала называться *марксизм-ленинизм*. К этому времени у большевиков имелась организация, которая превратила возможный вариант в историческую реальность. Возможно, самым большим творением Ленина и его соратников – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Сталина, Дзержинского – было создание партии, сумевшей собрать и нацелить энергию, волю и веру революционеров на создание образа новой *реальности*, вовлечь в этот процесс миллионы и миллионы людей по всей России.

Множество авторов умаляют роль Ленина в Октябрьском перевороте 1917 года, а советскими историками она, наоборот, преувеличивалась. Некоторые же методом сравнения количества лиц, приехавших с Лениным и с Троцким, а также по наличию у них денег предпочтение отдают все же Троцкому.

Для соблюдения «нейтралитета» в этом вопросе нам не остается ничего другого, как сослаться на самого Троцкого, который предпочтение отдает Ленину. Возможно – из-за скромности, а скорее потому, что считал – чистокровному еврею нельзя отдавать верховную власть в такой стране, как Россия.

Нелегко из нагромождения доступного теперь исторического и псевдоисторического материала выделить более или менее достоверную картину развития событий в России в те месяцы лета и осени 1917 года. От Троцкого в этом, конкретном, случае можно было бы ожидать, что он с учетом «личного участия в описываемых событиях» будет тянуть одеяло на себя, то есть выставлять себя в самом лучшем свете. Но читатель сам может определиться, делает это Троцкий или нет, почитав его уникальнейшую «Историю русской революции», которая до 1997 года никогда не издавалась в СССР, и представляет для нас тот интерес, что в ней содержатся откровения одного из главных действующих лиц.

Страстный борец за мировое социальное переустройство, с юных лет посвятивший свою жизнь революции, Лев (Лейба) Давидович Троцкий (Бронштейн), по многим свидетельствам, был приобщен к марксизму своей невестой, потом супругой Александрой Соколовской. Обвенчал их раввин в Таганской тюрьме Москвы, откуда молодожены отправились в сибирскую ссылку. Пробыл там Троцкий недолго и без сожаления оставил Александру с двумя маленькими дочками, совершив побег.

Через Цюрих молодой папаша отправился в Лондон для встречи с Лениным. Из-за трудностей, возникших в связи с печатанием «Искры» в Лейпциге, а потом и в Мюнхене, в апреле 1902 года Ленин принял решение перенести издательскую деятельность в Лондон. Ленин принял Троцкого в редакционную коллегию «Искры». После завершения 23 августа 1903 года лондонской части II съезда РСДРП Ленин постоянно подвергался огромному количеству нападок со стороны своих бывших товарищей. Сильнее других донимал его Троцкий: «Ленин деспот и террорист, который хочет превратить центральный комитет в “комитет общественной безопасности”, чтобы играть роль Робеспьера. Если бы якобинцы остались у власти, то, пожалуй, под нож гильотины попала бы и львиная голова Маркса». (Отмечу, что последовавшая спустя некоторое время жестокость самого Троцкого совершенно не соответствовала тем его первоначальным «ангельским» заявлениям.)

После II съезда РСДРП, расколовшего партию на две фракции, Троцкий примкнул к меньшевикам, принял активное участие в их борьбе против большевиков, правда, ненадолго. Лев Давидович несколько отошел от своих сторонников, но связи с ними не порывал, объявив о «внефракционной» позиции, ибо озабочился примирением враждующих сторон. Не

все меньшевистские вожди отнеслись к нему дружелюбно, особенно неприязненное отношение всегда демонстрировал Г. В. Плеханов. В работе «Наши политические цели», вышедшей в Женеве в 1904 году, Троцкий предсказал: централистское понимание Лениным роли партии неизбежно приведет к тому, что диктатура пролетариата в конце концов выродится в диктатуру одного человека.

Новый этап карьеры партфункционера Троцкого начался уже в первые дни русской революции 1905–1907 годов. В 1905 году Троцкий вернулся в Россию задолго до Ленина и тотчас же вдохновился идеей Советов. Очевидно не без влияния Троцкого, Ленин после некоторого колебания уверовал в Советы (старая идея Аксельрода). В октябре 1905 года возник Петербургский совет рабочих депутатов. Руководящим органом его стала Исполнительная комиссия во главе с беспартийным адвокатом Хрустальевым-Носарем. Видную роль в нем играли меньшевики Мартов, Мартынов, Дейч, их сторонники – Парвус и Троцкий. После ареста Петербургским охранным отделением Носаря на заседании 27 ноября было избрано исполнительное бюро в составе Троцкого, рабочего Обуховского завода Петра Злыднева и Введенского-Сверчкова, которое коллегиально должно было исполнять обязанности председателя. Но уже 3 декабря все они также подверглись аресту. Однако Троцкого почему-то впоследствии стали именовать председателем Совета, а сам он тоже выдавал за действительный факт руководство Петросоветом, хотя на этом посту находился меньше недели.

Троцкий на суде свою руководящую роль в этом органе, конечно, отрицал. По дороге в ссылку Троцкий бежал. Когда царское правительство арестовало исполнительный комитет Петроградского совета, революционная ситуация в Москве, где большевики имели сильные позиции в рабочей среде, обострилась. Призыв к всеобщей забастовке нашел горячий отклик среди трудящихся. Без какого-либо четкого плана сооружались баррикады. 9 декабря начались уличные бои.

В 1914 году в среде социал-революционеров и меньшевиков произошел раскол на патриотов (война до победного конца) и интернационалистов (мир любой ценой), в число последних входили Аксельрод, Мартов и Троцкий. Оказавшись за границей, Троцкий не мог получить визы для проезда в Россию. Высланный из Франции в 1916 году, он с января 1917 года жил в Нью-Йорке. Официально заработав несколько сотен долларов, Троцкий жил в США небедно: у него была своя машина с шофером, дом с холодильником и пылесосом (большая роскошь по тем временам). Некоторые утверждают, что паспорт для возвращения в Россию вручил ему сам президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон. Родной дядя Троцкого, Абрам Животовский – биржевик и миллионер, член «Русско-Азиатского банка», торговал металлом в США. Трое его братьев жили в разных странах и пытались позже наладить деловые отношения с большевиками.

Троцкий 26 марта 1917 года с большой группой революционеров на пароходе отплыл в Россию. В канадском Галифаксе его было арестовали английские власти как возможного германского агента. Однако очень быстро освободили по просьбе английского посольства в Вашингтоне. Это дает право предполагать, что Троцкий имел поддержку в высших политических кругах США. Кстати, об американцах. Немцам революция в России была нужна, чтобы спастись. А вот с американцами дело обстояло гораздо сложнее. В России того времени посол Соединенных Штатов был, пожалуй, самым безоговорочным сторонником Февральской революции. Он отзывался о ней как о «самой изумительной революции в истории». А президент США Вильсон осуждал «автократию, которая увенчала вершину русской политической структуры и столь долго прибегала к столь ужасным методам, что не была русской ни по происхождению, ни по характеру, ни по своим целям. Теперь она *от рынка* (курсив мой. – **В.К.**), и великий благородный русский народ примкнул со всем своим естественным величием и мощью к силам, которые сражаются за свободу, справедливость и мир».

Можно подумать, читатель, что эти слова не почти столетней давности, а произнесены сегодня. Американцы решали в Первой мировой войне свои собственные задачи. И важнейшей из них было одновременно и Германию сокрушить, и ослабить Британскую империю заодно с Францией. В связи с этим США рассматривали послефевральскую Россию как своего естественного союзника, как младшего партнера, эдакого «младшего братца» в роли сырьевого придатка и бездонного рынка для сбыта американской продукции. Ну совсем как сейчас. Но было и отличие: американцы выступали против царизма по причине «еврейского вопроса». Но здесь следует добавить, что политика Америки в отношении России всегда была коварной. Вспомним, как Теодор Рузвельт натравливал Японию на Россию. Вначале Англия и США вооружили ее, самурайскую, до зубов. Не давали покоя североамериканским капиталистам залежи угля и нефти на Сахалине. Тайный агент «Стандард-ойл» безвылазно торчал в Александровске, делая вид, что образует нефтяной синдикат, а в действительности собирал разведданные для американской, японской и... германской разведок. Рузвельт желал, чтобы японцы и русские основательно потрепали друг друга; предполагалось после войны между ними сохранить в Азии спорные районы, в которых постоянно возникали бы опасные трения, и тогда Япония, соперничая с Россией, не стала бы распространять свое влияние на районы, куда простираются американские интересы.

Итак, обратимся к Троцкому, к его видению событий, изложенному в упомянутой выше книге «История русской революции». Троцкий пишет, что на заседании Совета республики, которое 7 октября 1917 года открыл премьер Керенский, именно ему, Троцкому, на основании перенятого по наследству от Государственной думы регламента дали десять минут для внеочередного заявления от имени большевистской фракции.

Троцкий в книге о себе пишет в третьем лице.

В зале воцарилось напряженное молчание. Оратор начал с констатации, что власть сейчас столь же безответственна, как и до Демократического совещания, созывавшегося, видимо, для «обуздания» Керенского, и что представители имущих классов вошли во Временный совет в таком количестве, на какое они не имеют ни малейшего права. Если бы буржуазия действительно готовилась к созыву Учредительного собрания через полтора месяца, ее представители не оправдывали бы сейчас с таким рвением безответственность власти. Вся суть в том, что буржуазные классы поставили себе целью сорвать Учредительное собрание. Удар попадает в цель.

Наиболее бурно протестует правое крыло. Не отрываясь от текста, оратор бичует промышленную, аграрную и продовольственную политику Временного правительства. Говорит, что создается впечатление, что правительство ведет дело не иначе, как если бы поставило себе цель толкать массы на путь восстания. И тогда в зале протесты перерастают в бурю. Крики о Берлине, о немецком золоте, о plombированном вагоне, и на этом общем фоне – уличная брань. Прокладывая себе дорогу через взрывы ненависти, чередующиеся с моментами затишья, оратор заканчивает словами: «Мы, фракция большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего... Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности, мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!.. Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам!»

Оратор сходит с трибуны. Несколько десятков большевиков покидают зал под напутственные проклятия. С уходом большевиков «цвет нации» остается на посту. Только левый фланг соглашателей пригнулся под ударом, направленным, казалось, не против него.

При разгорающейся крестьянской войне, обостряющемся национальном движении, углубляющейся разрухе, распадающемся фронте, расплзающемся правительстве советы становились единственным оплотом радикальных сил. И всякий возникавший вопрос пре-

вращался в вопрос о власти, а проблема власти вела к съезду Советов. Он должен был дать ответ на все вопросы, в том числе и на вопрос об Учредительном собрании.

Ни одна партия не снимала еще лозунга Учредительного собрания, в том числе и большевики. Но в ходе событий революции главный демократический лозунг, в течение полутора десятилетий вдохновлявший героическую борьбу масс, потерял свою актуальность. Динамика революции поставила на повестку дня борьбу за власть между двумя основными классами общества: буржуазией и пролетариатом. Ни буржуазии, ни пролетариату Учредительное собрание уже ничего дать не могло. Мелкая буржуазия города и деревни могла в этой схватке играть лишь второстепенную роль, так как брать в собственные руки власть она была не способна, а в Учредительном собрании она могла еще получить – и действительно получила впоследствии – большинство. Только не знала, какое употребление из него сделать. В этом и выражалась несостоятельность формальной демократии на глубоком историческом переломе. Сила традиций сказалась в том, что даже накануне последней схватки от Учредительного собрания ни один из лагерей еще не отрекался, но фактически буржуазия апеллировала к Корнилову, а большевики – к съезду Советов. Тогда довольно широкие слои народа, даже члены большевистской партии, питали в отношении съезда Советов конституционные иллюзии и связывали с ним представление об автоматическом и безболезненном переходе власти из рук коалиции в руки Советов. На самом деле власть надо было отнять силой, голосованием этого сделать было нельзя: только вооруженное восстание могло решить вопрос.

Координируя революционные усилия рабочих и солдат всей страны, давая им единство цели и намечая сроки, лозунг съезда Советов прикрывал в то же время полуконспиративную, полуоткрытую подготовку восстания постоянной апелляцией к легальному представительству рабочих, солдат и крестьян. Обличая собрание сил для переворота, съезд должен был затем санкционировать его результаты и сформировать новую власть, «бесспорную для народа» (стиль Троцкого. – **В.К.**).

В расстановке сил решающая роль отводилась петроградскому гарнизону. Несмотря на начавшийся в конце июля перелом, в обновленном петроградском гарнизоне в течение августа еще господствовали эсеры и меньшевики. Некоторые воинские части не испытывали доверия к большевикам. Пролетариат не имел оружия: в руках Красной гвардии имелось всего несколько тысяч винтовок. Восстание в этих условиях могло закончиться жестоким поражением. Но в течение сентября положение начало меняться. После мятежа генералов соглашатели быстро теряли опору в гарнизоне. Недоверие к большевикам сменялось сочувствием, но не более. Гарнизон был по-мужицки подозрительным: не обманут ли большевики, дадут ли на самом деле мир и землю? Борьб за эти задачи под знаменами большевиков большинство солдат еще не собиралось. А так как в составе гарнизона сохранялись враждебные большевикам 5–6 тысяч юнкеров, три казачьих полка, батальон самокатчиков, броневой дивизион, то исход столкновения представлялся и в сентябре сомнительным.

Ход развития событий принес один предметный урок: судьба революции и большевиков оказалась неразрывно связанной с настроением солдат. Право распоряжаться отрядами вооруженных людей есть основное право государственной власти. Первое временное правительство, навязанное народу Исполнительным комитетом, обязалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в февральском перевороте. Такое формальное начало военного дуализма по существу означало двоевластие в стране. Крупные политические потрясения следующих месяцев – апрельская демонстрация, июльские дни, подготовка корниловского восстания и его ликвидация – неизбежно упирались каждый раз в вопрос о подчиненности петроградского гарнизона. И в ряде провинциальных городов дело обстояло примерно так же, как и в столице. В течение июля и августа обновленные гарнизоны подверглись большевизации. Реформирование петроградского гарнизона становилось неотложным, так как ожидаемый съезд Советов должен был по логике событий

довести борьбу за власть до развязки. Чтобы противостоять попытке большевиков изменить соотношение сил в гарнизоне, Временное правительство подготовило хитрый ход – выставило аргументы патриотического и стратегического порядка.

После падения Риги и потери Моонзундских островов штаб разослал приказы о переформировании петроградских частей с целью отправки их на фронт. Одновременно вопрос был внесен в солдатскую секцию Совета. Ход противников революции был продуманным: предъявив Совету стратегический ультиматум, можно было вырвать у большевиков одним ударом военную опору из-под ног, либо же, в случае сопротивления Совета, вызвать острый конфликт между петроградским гарнизоном и фронтом, нуждающимся в пополнении и смене частей. Руководители Совета, отдававшие себе отчет в подготавливаемой для них западне, намеревались хорошо прощупать почву, прежде чем сделать опрометчивый шаг. Отказаться от выполнения приказа можно было только при уверенности, что мотивы отказа будут правильно поняты фронтом. В противном случае могло оказаться более выгодным произвести, по согласованию с окопами, замену частей гарнизона более революционными фронтовыми частями, нуждающимися в отдыхе. В таком духе уже высказался Ревельский совет.

Пытаясь разогреть патриотизм масс угрозой потери Петрограда, меньшевики внесли 9 октября в Совет предложение создать Комитет революционной обороны, который имел бы своей задачей участвовать в защите столицы при активном содействии рабочих. К величайшему удивлению меньшевиков, большевики приняли идею «Комитета обороны». Патриотическая инициатива соглашателей была как нельзя кстати, так как облегчала создание революционного штаба. Вскоре он стал называться Военно-революционным комитетом и стал главным рычагом переворота. Как только приказ о передислокации частей был из штаба округа передан Исполнительному комитету Петроградского совета, идея восстания начала *приобретать плоть*.

Троцкий пишет, что он свой доклад на одном из заседаний Совета закончил возгласом: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» И сам же поясняет, что это был перевод на язык светской легальности лозунга: «Да здравствует вооруженное восстание!» Потом, ради объективности, пишет, что только на следующий день, 10-го, Центральный комитет большевиков принял на тайном заседании резолюцию Ленина, прибывшего на заседание из Выборга. После десятичасового совещания, продлившегося до утра, десятью голосами против трех было решено осуществить восстание и назначить его на 20 октября, день открытия съезда Советов. Затем Ленин вновь вернулся в окрестности Выборга, а в Петрограде вся ответственность, как признал даже Сталин в одной из статей в ноябре 1918 года, была возложена на Троцкого.

Исполнительный комитет Петроградского совета опубликовал извещение об организации при нем особого отряда Красной гвардии, создание которой с ее традициями восходит к событиям 1905 года. Старая рабочая гвардия возродилась вместе с Февральской революцией и разделяла в дальнейшем превратности ее судьбы. К описываемому периоду подозрительное отношение солдат к Красной гвардии осталось далеко позади. Наоборот, почти во всех резолюциях полков выдвигались требования вооружить рабочих. Красная гвардия и гарнизон становятся отныне рядом. Вскоре они будут еще теснее связаны общим подчинением Военно-революционному комитету. Вот тут-то Временное правительство и обеспокоилось. Утром 14-го у Керенского состоялось совещание министров. Власти гадали: ограничится ли на этот раз дело вооруженной демонстрацией или же дойдет до восстания? Командующий округом говорил представителям печати: «Во всяком случае, мы готовы». Троцкий по этому поводу обобщает: «Обреченные нередко испытывают прилив сил накануне своей гибели». Взяв в свои руки вооружение рабочих, Совет действовал по всем направлениям.

Через четыре года после описываемых событий Троцкий об одном эпизоде из той поры рассказывал на вечере воспоминаний, посвященном Октябрьской революции, так: «Когда прибыла делегация от рабочих и сказала, что им нужно оружие, я говорю: “Но ведь арсенал не в наших руках”. Они отвечают: “Мы были на Сестрорецком оружейном заводе... Там сказали: если Совет прикажет, мы дадим”. Я дал ордер на 5000 винтовок, и они получили их в тот же день. Это был первый опыт. Враждебная пресса немедленно завопила о выдаче государственным заводом оружия по ордеру лица, состоявшего под обвинением в государственной измене и выпущенного под залог из тюрьмы».

Керенский в ожидании непредвиденных последствий сделал, как он думал, ход конем – подчинил петроградский гарнизон главнокомандующему Северным фронтом Черемисову. Изымая столицу в военном отношении из собственного ведения как главы правительства, Керенский тешил себя надеждой, что подчиняет ее себе как Верховному главнокомандующему. В свою очередь генерал Черемисов, которому предстояла нелегкая задача, стал искать помощи у комиссаров и комитетчиков. Попытались выработать план совместных действий. Штаб фронта вместе с армейскими организациями вызвал на 17-е представителей Петроградского совета, чтобы «прямо в окопах» в упор им и предъявить свои требования. Петроградскому совету не оставалось ничего другого, как принять вызов. Делегации, состоявшей примерно пополам из членов Совета и представителей полков, был предложен проект заявления, составленный Свердловым.

Для оказания давления на делегацию в Пскове была создана помпезная обстановка: вокруг столов, покрытых внушительными картами, восседали господа генералы, высокие комиссары и представители армейских комитетов, начальники отделов штаба выступали с докладами о военном положении на суше и на море. Резюме всех докладчиков сходилось в одной точке: необходимо немедленно вывести Петроградский гарнизон для защиты подступов к столице. Но поскольку уроки корниловских дней были еще в памяти у всех, делегации удалось легко противостоять натиску штаба, и она вернулась в Петроград более единой, чем до отъезда. Борьба за гарнизон переплелась с борьбой из-за съезда Советов. До намеченного первоначального срока его созыва оставалось четыре-пять дней. «Выступление» увязывалось с началом съезда. Предполагалось, что, как и в июльские дни, движение должно развернуться по типу вооруженной массовой демонстрации с уличными боями. Настроение рабочих было таким, что они были готовы двинуться в любой момент.

18-го впервые было созвано Гарнизонное совещание, которое телефонограммами воинским частям хотело рекомендовать воздерживаться от самочинных выступлений и выполнять лишь те распоряжения штаба, которые будут одобрены солдатской секцией. Совет таким образом получал контроль над гарнизоном. Президиум ЦИКа, считавший себя хозяином Смольного, сделал попытку приостановить рассылку телефонограмм, чем лишний раз скомпрометировал себя. На состоявшемся собрании представителей полковых и ротных комитетов Петрограда и окрестностей ЦИКу было отказано в доверии. Было принято решение: никакие приказы без скрепы Совета не действительны. Не ограничиваясь формальным опровержением слухов о восстании, Совет открыто назначил на воскресенье, 22-е, мирный смотр всем силам, но не в виде уличных шествий, а в виде митингов на заводах, в казармах, во всех больших помещениях столицы.

22 октября весь Петроград, за исключением «верхних слоев населения» (стилистика Троцкого. – **В.К.**), представлял сплошной митинг. Вздурораженные большевиками массы увидели себя и своих вождей, вожди увидели и слышали массы. Сотни тысяч людей поднимали руки и клялись довести борьбу до конца. Но Военно-революционный комитет все еще не дает сигнала к открытому восстанию. А Керенский в течение двух дней совещается то с вождями ЦИКа, то со своим штабом: не следует ли арестовать Военно-революционный комитет? Соглашатели не советовали: они сами попробуют урегулировать вопрос. Когда

съезд Советов решили перенести с 20 на 25 октября, Ленин вначале не хотел и слышать об изменении дня проведения восстания. В действительности же именно эта отсрочка дала большевикам тот дополнительный срок для подготовки, необходимость в которой Троцкий распознал с большей проницательностью, чем Ленин.

Подготовка к восстанию большевиками была проведена колоссальнейшая (см. последний том книги Троцкого «История русской революции»). Поскольку сама идея восстания вытекала спонтанно из новой ситуации и поворот мыслей Ленина в сторону немедленного захвата власти застиг руководство партии врасплох, в самом ЦК план вооруженного восстания тогда совершенно не нашел поддержки. Но настроенный решительно Ленин никому не позволял уклоняться и лавировать. А таких было большинство. Против восстания были и его ближайшие соратники: Бухарин, Каменев и Зиновьев, будущий «всероссийский староста» Калинин, ставшие позже видными деятелями советского государства Молотов, Орджоникидзе, Фрунзе и другие. Ленин не ограничивается свирепой критикой, а в виде протеста подает в отставку из ЦК по тем мотивам, что ЦК не отозвался на его настояния относительно захвата власти, а редакция «Правды» (Сталин), мол, печатает его статьи с намеренным промедлением и произвольным сокращением текстов.

Держа про запас свою отставку, но не выходя полностью из границ партийной легальности, Ленин уже с большей свободой действий стал входить в контакты с Петроградским, Московским комитетами и с наиболее надежными руководителями районных комитетов. Он всегда считал, что массы левее партии. Ленин, как никогда действенный, вечером 24 октября пишет известное письмо членам ЦК партии. Там были такие строки: «Промедление в восстании смерти подобно». А далее вообще сплошная романтика: «Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами..., а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все...»

Многие современные люди, одураченные демагогией «демократов», не знают, а если и знают, то неспособны понять революционную страсть этих строк Ленина. Вечером 24 октября Ленин покинул конспиративную квартиру и решил добраться до штаб-квартиры большевиков. Поскольку он до сих пор не был уверен в своих соратниках, ему следовало находиться в штабе. Вначале потребовал себе охрану: «Спросите, есть ли у них сто верных солдат или красноармейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!» Но, не дождавшись охраны, он подвязал щеку платком, напялил парик и кепку и отправился (то ли на трамвае, то ли пешком) через весь Петроград в Смольный. Этот путь был далеко не безопасным. Город патрулировался юнкерами. Ленина могли узнать и арестовать, а это значительно усложнило бы положение.

В это время Временное правительство допустило ошибку – отдало приказ занять редакционное помещение «Правды», чем и дало повод большевикам для нанесения решительного удара. Перед рассветом вооруженные отряды начали занимать стратегические объекты: мосты, электростанции, вокзалы, телефонную станцию, телеграф. Сопротивления оказано не было. У Временного правительства остались только юнкера и женский батальон.

Рано утром Керенский, сбежав из Зимнего дворца, отправился на фронт, чтобы привести в столицу войска для подавления восстания.

Но генералы указали ему на дверь, и он был вынужден довольствоваться несколькими сотнями казаков. Обезглавленное правительство засело в Зимнем. К полдню бывшая царская резиденция была единственным островком законной власти в большевистском Петрограде и имела в защитниках только юнкеров и женщин.

Триумвират, непосредственно руководивший восстанием (Антонов-Овсеенко, Чудновский и Подвойский), решил, что не стоит по дворцу открывать стрельбу, уж слишком это

было рискованно. Принято было такое решение – стрелять болванками с крейсера «Аврора» и с Петропавловской крепости.

«Штурм» Зимнего дворца, длившийся весь день, заключался практически в следующем: небольшие группы солдат и матросов проникали в здание и разоружали юнкеров, объясняя им всю бессмысленность сопротивления. Звучали отдельные выстрелы. Ленин дожидаясь результатов в Смольном, он сильно нервничал. II съезд Советов уже шел, а он не мог сказать делегатам, что с министрами, заседавшими в Зимнем дворце, возникли проблемы, что Керенский может вернуться с казаками. Ленин выходил из себя и ругал соратников за задержку.

Только ночью 26-го Ленин и Троцкий объявили делегатам съезда о «взятии» дворца. Съезд на это ответил овацией.

Наконец Ленин позволил себе покинуть Смольный и отправиться на квартиру Бонч-Бруевича, где мог отдохнуть в спокойной обстановке. Очевидно, его отдых был кратким, так как Ильич потратил утро на составление первых декретов – о земле и о мире. Установлено, что в ходе Октябрьского переворота с обеих сторон погиб 41 человек.

А в ходе переворота 1993 года – 1500 человек.

Глава 6

Первые шаги советской власти

Стремление к власти у Ленина было не на последнем месте. Об этом написано немало. Ему, конечно, далеко было до Бисмарка, которому приписывают такую акцию: он, чтобы прийти к власти, организовал увольнение всех немецких государственных мужей старше 65 лет. Поскольку сам был чуть моложе – прорвался к кормушке.

Получив власть, Ленин достиг цели. Ленина привлекала власть партийного лидера, а, став во главе государства, он не знал, как этой властью распорядиться. Во время восстания Ленин должен был оставаться на нелегальной квартире, но он потому рвался в Смольный, что опасался: среди большевиков не найдется никого, кто способен арестовать Временное правительство. Троцкий, говоривший, что, не будь Ленина у руководства восстанием, октябрьский переворот так и не произошел бы, был совершенно прав. Это был именно тот момент в истории, когда ее ход в большой мере зависел от того, найдется ли человек, способный на самые решительные меры. В этот час и в этом месте в полной мере проявились личные качества Ленина как вождя. Он оказался единственным, кто мог подвигнуть большевиков на немедленный захват власти. И это при том, что к руководству построением социализма в России сам Ленин был абсолютно не готов. Даже одно только свержение царского самодержавия Ленин считал возможным только в отдаленном будущем.

И вот он – на самой вершине власти. На Втором Всероссийском съезде Советов Ленин выступил с докладами по самым животрепещущим вопросам – о мире и о земле. И если по вопросу о мире большевики занимали позицию, в наибольшей степени отвечающую народным чаяниям, то их аграрная программа была далека от народных нужд. Пока в партии спорили, что принять за главный принцип – национализацию или муниципализацию земли, Ленин, чутко уловивший чаяния крестьянства, не смущаясь, предложил от имени большевиков проект декрета о земле, разработанный... эсерами. Вследствие этого разразился всероссийский скандал: эсеры сетовали на то, что большевики украли у них аграрную программу, на что Ленин отвечал так: вы составили свою программу на основе крестьянских наказов, но ведь вы столько времени были у власти, кто же мешал вам провести этот декрет в жизнь? А мы взяли власть и в первый же день дали крестьянам землю, на что вы так и не решились.

Вопрос о земле играл доминирующую роль в России, которая была крестьянской страной. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых – захват помещичьих земель. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предложили немедленный раздел. Это и обеспечило им широкую первоначальную поддержку во время борьбы за власть.

Естественно, Ленин, как лидер партии, захватившей власть, возглавил первое правительство Советской России – Совет Народных Комиссаров. Это правительство впервые в истории объявило на весь мир о своем намерении строить самое справедливое общество на Земле – коммунизм. Попытки большевиков построить справедливое общество сопровождались вынужденными нелюбимыми и непопулярными делами. Большевики потому и удержались у власти, что сразу же показали, что взяли власть «всерьез и надолго», и не остановились перед самыми крутыми мерами, чтобы ее удержать. Они не только разогнали Учредительное собрание, отказавшееся утвердить их декреты, но и расстреляли демонстрацию питерских рабочих, выступивших в защиту «учредилки».

Большевики в течение длительного времени вынуждены были бороться вовсе не за социализм-коммунизм, а за удержание и упрочение власти, – хотя мало кто из них ясно осознавал это. То, что было названо периодом «военного коммунизма» (1918 – начало 1921 года), на деле являло собой отчаянную борьбу за сохранение и утверждение власти, а не создание определенной социально-экономической системы. Не следует упускать из виду и следующее. С самого начала своего возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие добрые прирожденные качества в людях. Марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считая это неременным условием реализации принципа «по потребности» и установления идеальных отношений между людьми.

Разочарование Ленина в «простых» людях, так сказать, наступило немедленно. Но это было еще не все. В Кремле в первые годы после революции стали устраивать свои дела аристократы эмиграции – Троцкий, Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд) и другие. Они насмотрелись за свою эмигрантскую жизнь на быт правящей верхушки западного общества, и для них первым завоеванием революции была возможность устроить с максимальным удобством и достаточно высокой роскошью свою жизнь. Они не отказывали себе ни в чем. Выбирали себе дворцовые квартиры, обставляли их самыми дорогими вещами. Чего стоило Ленину это терпеть? О роскошном бронепоезде, в котором ездил Троцкий по фронтам, знали все.

Итак, создатель большевистской партии – партии нового типа, человек, вовремя оценивший Советы как новую форму государственности, первоначально к руководству огромной страной был абсолютно не готов. Под стать председателю оказалось и первое Советское правительство. В число народных комиссаров входили Рыков, Антонов-Овсеенко, Луначарский, Троцкий, Сталин и другие. Это «самое образованное правительство в мире» состояло из людей, никогда прежде не управлявших даже маленькой конторой, а теперь взявших в свои руки судьбу громадного государства. Успешно проходили заседания СНК, на которых распределялись средства и решались организационные вопросы, а сложные задачи, где нужен был творческий подход, направлялись в комиссии. Все было впервые, все делалось на ощупь. Надо понимать, что строительство социализма в нашей стране шло бы несравненно успешнее, если бы не навязанная нам Гражданская война. Во время Первой мировой войны Ленин, как известно, занимал открыто пораженческую позицию. Он призывал социалистов всех стран превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Большевики немало сделали для разложения царской армии, для пропаганды братания солдат (хотя решающий удар по старой армии нанесло Временное правительство). Когда Ленин стал главой правительства, он в обход СНК обратился к немцам с предложением о мире. А немцы предъявили такие требования, которые нельзя было бы предъявить и к полностью побежденной стране. Условия мира были настолько унижительны, что они до сих пор у нас не опубликованы. Ленин на них согласился (ввиду его ошибочной уверенности в скорейшей революции в Германии). Для многих русских патриотов это стало как бы доказательством того, что Россию возглавил немецкий агент, и они подались на Дон – к Каледину, Краснову, Корнилову, Деникину.

А у Ленина для согласия на унижительный Брестский мир была веская причина. Дело в том, что «триумфальное шествие Советской власти» по стране привело к тому, что власть центра оказалась минимальной. В стране воцарились хаос и анархия. Украина, Грузия (видите, еще тогда) и другие окраины заявляли о своем отделении от России, возникали даже мелкие суверенные республики в пределах отдельных сел. Но самой страшной и потенциально разрушительной силой стала уходящая с фронта армия – миллионы солдат снялись с позиций и, вооруженные винтовками, а порой и пулеметами, ехали домой, силой захватывая поезда, добывая себе пропитание как удастся. Брошенный якобы Лениным лозунг «Грабь

награбленное!» был воспринят в стране в буквальном смысле. Большевикам пришлось принимать самые крутые меры для наведения порядка, прежде всего в столицах, где в их подчинении были отряды латышских стрелков, рабочих и матросов. Но что они могли поделать с грозной стихией миллионов демобилизовавших самих себя солдат? Поэтому заключение мира стало для новой власти условием выживания. Но это – с одной стороны. А с другой... Хотя Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну, таковая, уже с большой буквы, была навязана контрреволюционными генералами и Антантой. И, вопреки желанию первых и последней, стала процессом «собираания России» новой властью. И в победе красных над белыми сыграли роль следующие обстоятельства.

Первое. Предательское поведение Запада в отношении Белой армии. Политика Запада исходила, во-первых, из чисто прагматических соображений, которые для него всегда играли определяющую роль: стоит ли вкладывать деньги и усилия в Белую армию, «окупится» ли это? И когда к концу 1918 года Деникину удалось объединить антибольшевистские (в частности, белоказачьи) силы на юге России, Запад стал достаточно щедрым. Англичане боевое снабжение подвозили исправно, и Деникин начал триумфальный поход на Москву. В октябре 1919 года он дошел до Орла.

Второе. Запад издавна и даже извечно был категорически против самого существования великой – мощной и ни от кого не зависящей – России и никак не мог допустить, чтобы в результате победы Белой армии такая Россия восстановилась. Запад, в частности в 1918–1922 годах, делал все возможное для расчленения России, всемерно поддерживал любые сепаратистские устремления. Белое движение, ориентированное на Антанту, понимало, что в случае победы белых иностранные силы подчинят Россию своим интересам.

Третье. Война между Белой и Красной армиями как таковая имела в конечном счете гораздо менее существенное значение, чем воздействие и на белых, и на красных всеобъемлющего «русского бунта». Крестьяне воевали против любой власти. И этим самым помогали то одним, то другим. Восстание весной 1919-го донского казачества, позволило Деникину дойти до Орла. Точно так же Красная армия не сумела бы в конце 1919 – начале 1920 года менее чем за два месяца выбить армию Колчака из Сибири, если бы не мощное народное восстание против власти белых, основную массу участников которого явно неадекватно большевики называли «красными партизанами»: ведь многие из этих самых «партизан» менее чем через год взбунтовались уже против большевистской власти. Те же самые люди, которые стремились свергнуть власть красных, не менее яростно выступали и против власти белых, если тем удавалось взять верх. Это совершенно наглядно предстает, например, в поведении народной «вольницы» в Новороссии, возглавленной Нестором Махно: он с равным воодушевлением сражался на оба фронта. Деникинские войска долго не могли продвинуться с южной окраины России к ее центру и только после мощного восстания против красных на Дону, начавшегося в марте 1919 года, осуществили свой победный поначалу поход на Москву. Однако именно тогда Деникина атаковали с юго-запада, круша его тылы, махновцы. Без этого удара Махно Деникин, возможно, захватил бы Москву.

Как повествует в своей книге «Правда сталинских репрессий» Вадим Валерианович Кожин, ему посчастливилось в 1960-х годах услышать рассказ вернувшегося из мест заключения видного большевика И.М. Гронского. Гронский свидетельствовал: когда Деникин был в трехстах километрах от Москвы, на Брестском (ныне – Белорусском) вокзале под парами стоял состав, который должен был спасти от расправы большевистские верхи, уже снабженные заграничными паспортами.

Избежавший участи Робеспьера, не без участия Нестора Ивановича, Ленин в Кремле мечтал о подлинно народной революции, которую представлял себе как шествие когорт сознательных пролетариев, естественно, прежде всего в развитых странах, которым русские пролетарии дадут только первый толчок. Но действительный поворот событий был для

Ленина неожиданным. Толпы дезертировавших вояк с винтовками, в любой момент готовых поддаться агитации горячих голов и двинуться в любом направлении, чтобы установить тот порядок, какой им казался единственно правильным, вселяли в Ленина ужас. Поэтому первой и главной задачей Ленина стало разоружение разложившейся русской армии, представлявшей потенциальную угрозу большевистской власти. Этим и объясняется его готовность принять неслыханно позорные условия капитуляции, предъявленные Германией. Тем более что на оккупированной российской территории немцы (он это знал) уж никакого беспорядка не допустят.

После того, как был заключен этот «позорный и похабный мир», на Ленина вскоре было совершено покушение. Руководство страной фактически перешло в руки Совета Рабоче-Крестьянской обороны (впоследствии – Совет труда и обороны) и Реввоенсовета Республики. Ленину, по сути, оставили лишь роль председателя Совнаркома, власть которого распространялась только на тыловые районы Московской губернии (войска Деникина подходили к Туле), а его влияние на принятие решений партии сильно уменьшилось. Все руководство боевыми действиями перешло в руки Реввоенсовета Республики во главе с Троцким. Ленин во время Гражданской войны как бы оставался в тени, занимаясь больше политическими и хозяйственными вопросами. Покушение на Ленина вызвало волну сочувствия главе правительства, которое дало крестьянам землю. И это еще раз показало большевикам, кем для них является Ильич. Тогда начинает складываться и крепнуть культ Ленина, хотя сам он не прилагал к этому усилий. Была тяга многих людей подчиниться некоей стоящей над ними личности. Это наблюдалось и при Сталине. Позиция Ленина еще больше укрепилась, когда началась революция в Германии. Потом за Германией поднялась Венгрия, и это показалось Ленину и его соратникам началом нового «триумфального шествия Советской власти» теперь уже по всему земному шару. Коминтерн тогда воспринимался как штаб мировой революции, а его руководители уже видели себя распорядителями судеб планеты. Казалось, нужно совсем немного – подтолкнуть европейскую революцию. Чтобы взрастить коммунистические партии на Западе, был образован III Коммунистический Интернационал (вначале это были группки маргиналов, не пользовавшиеся влиянием и авторитетом в своих странах).

Из Советской России, где миллионы людей умирали от голода, потекли в Европу и Америку потоки золота, бриллиантов, иностранной валюты. Руководители Коминтерна и лично Ленин наставляли своих агентов, чтобы они тратили деньги, не скупясь. Но эта колоссальная финансовая подпитка не привела к революции на Западе. Оказалось, что Ленин, прошедший почти 17 лет в эмиграции и плохо знавший Россию, плохо знал и Запад. Там пролетариат вовсе не хотел расставаться с тем уровнем жизни, какого добился в результате стачечной борьбы. Неудавшаяся авантюра с установлением Советской власти в Польше окончательно подорвала экономику Советской России, и без того дышавшую на ладан. Но жизнь не стояла на месте и заставляла советскую власть творить великие дела.

Большевикам надо было удержать власть. Государственный аппарат царской России в основном был сломан Февралем. Новый порядок после Февраля не сложился, его заменяли «временные конструкции», так как вожди либерально-буржуазной революции заняли позицию «непредрешенчества». Временному правительству пришлось, однако, нарушить этот принцип, объявив 1 сентября 1917 года Россию республикой, то есть присвоив себе функции законодательного собрания. Это – при наличии Советов. Когда Советы взяли на себя полноту власти, в России в большинстве систем царил хаос. Это создавало для новой власти трудные проблемы в жизнеобеспечении страны, но в то же время облегчало государственное строительство, поскольку сопротивление старых структур было ослаблено. Сложным оказалось то, что процессы слома буржуазного государственного аппарата и создание нового были взаимосвязаны. Для советского государственного строительства было важным недо-

пущение разрывов непрерывности в наличии власти. Из естественного чувства самосохранения появилось «чувство государственности» на всех, даже низовых, уровнях власти. Это чувство, сложившееся стихийно, из обыденного здравого смысла, явилось доктриной советской государственности – особой главы в истории русской культуры.

Учитывая материальные и кадровые возможности Советского государства в первый период, историки оценивают проделанную им работу как не имеющую прецедентов. Новая власть была создана. Но как ее удержать? Первая задача любой революционной власти – предотвратить ее ликвидацию военным путем, пока новая власть не повсеместно оформилась и не получила минимума поддержки населения.

Острота борьбы заставила поднять вопрос о создании органа госбезопасности. 7 декабря 1917 года СНК организовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК). Она была задумана прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Впоследствии слова «и саботажем» в названии комиссии были заменены на «и преступлениями по должности». В момент образования ВЧК на нее смотрели как на временный орган. Это отразилось в названии комиссии – чрезвычайная, хотя в момент создания она не наделялась чрезвычайными полномочиями (она начала их приобретать при осуществлении борьбы с общеуголовным преступлением – спекуляцией).

11 декабря 1917 года для борьбы со спекуляцией был создан специальный отдел. Особую опасность представляла спекуляция в связи с заключением Брестского мира. Поскольку он предусматривал обязательство правительства России безоговорочно оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией, началась широкая спекуляция акциями промышленных предприятий (в том числе уже национализированных). Акции продавались немецким подданным, от них они поступали в посольство Германии, а оно предъявляло их к оплате. На борьбу с этим были брошены большие силы ВЧК. Особенность русского коммунизма проявилась в том, как большевикам пришлось поступать не по науке, вопреки науке, но потом получилось – почти по науке.

Вопрос национализации банков и промышленности требует разъяснения, так как причины и ход национализации, особенно промышленных предприятий, официальной советской историографией искажены. Начнем с банков.

По декрету ВЦИК от 14 декабря 1917 года была осуществлена национализация банков. Банки – главный системообразующий элемент капитализма (при рыночной экономике в товар превращаются деньги, продаются земля и рабочая сила). Отмена «продажи денег» – принципиальное условие для обобществления хозяйства в масштабе страны. Поэтому вопрос о национализации банков ставился, начиная с «Апрельских» тезисов Ленина, и вошел в документы VI съезда партии в августе 1917 года. Причем в России положение банков было особым, они контролировались иностранным финансовым капиталом. И национализация банков была менее связана с теорией, она была сугубо политической и даже конъюнктурной. Банки объявили финансовый бойкот Советской власти, перестали выдавать деньги для выплаты зарплаты рабочим, а чиновникам госаппарата выдали зарплату за 3 месяца вперед, с тем, чтобы те могли бойкотировать новую власть. Кроме того, по негласной договоренности с фабрикантами банки перестали выдавать деньги тем заводам, на которых был установлен рабочий контроль. Национализация промышленности нам преподнесена как закономерный, вытекающий из теории марксизма процесс. На самом деле этот шаг Советского государства был сделан вопреки намерениям правительства и совершенно вопреки теории, которая предполагала прохождение довольно длительного этапа государственного капитализма. Даже представление о рабочем контроле буквально накануне Октября предполагало образование совместного «совещания» предпринимателей и рабочих. Показателен и тот факт, что

до марта 1918 года Госбанк выдал очень крупные средства в виде ссуд частным предприятиям.

Взяв власть при полном распаде и саботаже госаппарата, Советское правительство и помыслить не могло взвалить на себя функцию управления всей промышленностью. Эта проблема имела и важное международное измерение, так как основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам. Конечно, в собственность нового государства автоматически перешли все казенные железные дороги и предприятия. В январе 1918 года был национализирован морской и речной флот. В апреле национализируется внешняя торговля. Для управления и контроля в этих отраслях имелись ведомства, кадры и традиции. Многое было заимствовано новой властью. Забегая вперед, скажу, что в конце концов и аппарат Советской России бюрократически стал очень похож на царский. (А сейчас он очень похож на бывший, коммунистический.) Увы, в промышленности события пошли не так, как задумывалось, – начался процесс двух типов – «стихийная» и «карательная» национализация. Наблюдался стихийный захват промышленных предприятий рабочими (по аналогии со стихийным захватом земель крестьянами). Часто, стремясь саботировать производство, владельцы не закупали сырье и переставали выплачивать зарплату. Рабочие обращались в Совет, в профсоюз или в правительство, требуя национализации. Трудно разграничить случаи «стихийной» национализации от «карательной», поскольку юридическим поводом в обоих случаях был отказ предпринимателей подчиниться требованиям рабочего контроля.

Рабочий контроль начал стихийно возникать на многих предприятиях сразу после Февральской революции. А после Октября на II Всероссийском съезде Советов было заявлено, что Советская власть повсеместно устанавливает рабочий контроль над производством. 14 ноября 1917 года ВЦИК утверждает «Положение о рабочем контроле». Во ВЦИК этот декрет проходил непросто (24 голоса – «за», 10 – «против»). Да еще докладчик от профсоюзов требовал: «Нужно оговорить с полной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получалось такого впечатления, что предприятие принадлежит им». Рабочий контроль вводился над производством, куплей-продажей продуктов и сырья, хранением их, а также над финансами предприятия. Наиболее часто реальная причина (не повод) национализации заключалась в том, что владельцы крупных предприятий вели дело к распродаже основного капитала и ликвидации производства. Саботаж крупных предприятий и спекуляция продукцией, заготовленной для обороны, начались еще до Февральской революции. Царское правительство с этим справиться не могло – «теневые» тресты организовали систему сбыта в масштабах страны, внедрили своих агентов на заводы и в государственные учреждения.

С весны 1918 года в случаях, если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства, ВСНХ ставился вопрос о национализации предприятий. В целом в основу политики ВСНХ была положена ленинская концепция «государственного капитализма», готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда – с большим участием американского капитала). После заключения Брестского мира положение резко меняется.

Во-первых, было снято предложение о «государственном капитализме» и одновременно отвергнута идея «левых» об автономизации предприятий под рабочим контролем. После ряда совещаний с представителями рабочих и инженерно-технических работников был взят курс на немедленную планомерную и полную национализацию.

Во-вторых, после того как немецкие компании начали массовую скупку акций главных промышленных предприятий России, а посол Мирбах получил инструкции выразить Советскому правительству протест против национализации «германских» предприятий и возникла угроза утраты всей базы российской промышленности, состоялось совещание СНК,

которое продолжалось всю ночь 28 июня 1918 года и на котором было принято решение о национализации всех отраслей промышленности, о чем был издан соответствующий декрет. Если внимательно почитать этот декрет, то после риторических заявлений о национализации как средстве «упрочения диктатуры пролетариата и деревенской бедноты» можно обнаружить следующее: до того, как ВСНХ сможет наладить управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему осуществляют финансирование производства и извлекают из него доход. То есть, юридически закрепляя предприятия в собственности РСФСР, декрет не предусматривал никаких практических последствий в экономической сфере. Он лишь в спешном порядке отвел угрозу германского вмешательства в хозяйство России. Вскоре, однако, Советскому правительству, вопреки его намерениям, пришлось сделать и второй шаг – установить реальный контроль над промышленностью. Это заставила сделать Гражданская война.

20 ноября 1920 года были национализированы все промышленные частные предприятия с числом рабочих свыше 5 (при наличии механического двигателя) или 10 рабочих (без оного).

Никакого свержения капитализма и установления социализма не произошло ни в октябре 1917-го, ни в последующие годы – осуществленная после продолжительных переговоров с предпринимателями национализация и была свержением капитализма.

Глава 7

Смена вех, то есть НЭП

«Капиталистическое окружение» прекратило уже не только военную, но и торговую блокаду и фактически признало существование СССР де-факто. Раньше всех это заметили и оценили русские эмигранты-державники. В частности, Василий Витальевич Шульгин, образованный монархист, окончивший юридический факультет Киевского императорского университета, в котором читал лекции о «термидорианском перерождении» французских якобинцев проф. И.В. Лучицкий. Шульгин, отталкиваясь от лекций своего преподавателя, проецировал «интернационал» якобинцев на III Интернационал и предсказывал, что большевики своими красными армиями (сделанными «по-белому») будут двигаться во все стороны до тех пор, пока не дойдут до пределов, где начнется крепкое сопротивление других государственных организмов. И там будут установлены естественные границы будущей России. Интернационал «смоется», а границы останутся. Они, мол, льют кровь для того, чтобы восстановить «Богохранимую Державу Российскую». Шульгин, собственно говоря, озвучил идею, носившуюся в эмигрантском воздухе со времени начала советско-польской войны 1920 года. С этим веянием совпал и практический призыв группы бывших царских генералов во главе с А. Брусиловым вступать в ряды РККА для борьбы с Польшей. Обращаясь к тем генералам и офицерам бывшей царской армии, которые отсиживались по кухням, утешая себя своим «нейтральным статусом» (ни с белыми, ни с красными и даже ни с «зелеными»), генералы-патриоты зывали: иначе «наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что из-за эгоистических чувств классовой борьбы мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли родной русский народ и погубили свою матушку-Россию». Воззвание было подписано генералами А. Брусиловым, А. Поливановым, А. Зайончковским, А. Верховским, В. Клембовским, Д. Парским, П. Балухевым, А. Акимовым и адмиралом А. Гутором. Воззвание «брусиловцев» имело широкий отклик среди бывших офицеров. Десятки тысяч «военспецов» перешли к большевикам.

Николай Васильевич Устрялов, молодой юрист и приват-доцент Московского университета, в прошлом активист кадетской партии, идеолог военной диктатуры Колчака, равно как и пресловутый Павел Милюков, стал выступать в печати (естественно – зарубежной) с такой же идеей. Устрялов изобрел термин «национал-большевизм». Этот термин впервые ввел в 1919 году в политический оборот Карл Радек, причем применительно не к русским, а к германским коммунистам.

В канун II Всемирного конгресса Коминтерна Ленин выпускает свою знаменитую брошюру «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», в которой уже широко использует этот термин, опять же, адресуя его не русским, а иностранным коммунистам. Но очень скоро Устрялов запустил его вновь в ноябре 1921 года в Париже в своей статье «Национал-большевизм» (еженедельник «Смена вех»). И имелся ввиду не германский или французский, а именно русский национал-большевизм. Так с 1921 года в белой эмиграции и в Советской России возникает и быстро набирает силу т. н. «сменовеховское движение», названное по сборнику статей «Смена вех» (Прага, февраль 1921 г.). Сборник объединил авторов, до Февральской революции политически далеко отстоявших друг от друга. Но здесь на одной платформе разделения «русского большевизма» и «интернационального коммунизма» наряду с бывшими кадетами Н. Устряловым и уже служившими «спецами» в НКВД РСФСР Ю. Ключниковым и Ю. Потехиным выступили бывший обер-прокурор Св. Синода религиозный философ врач С. Лукьянов, монархический публицист А. Бобрищев-Пушкин (псевдоним «Громобой», объект язвительных дореволюционных нападок Ленина), молодой физиолог, ученик И. Павлова С. Чахотин и др. Первых «сменовеховцев» активно поддерживали боль-

шевистские «термидорианские прагматики» Чичерин и Красин, а также активный участник-эксперт советской делегации на Генуэзско-Гаагской международной конференции Ю. Ключников, которые пытались втянуть их в работу на «большевистский термидор».

Лидеры «пролетарских доктринеров» замечают эту тенденцию и на XI съезде РКП (б) в 1922 году уделяют «сменовеховству» и «устряловщине» много внимания. Что же так взволновало Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других? Как это ни покажется странным – доктринальная правота «сменовеховцев». Дело в том, что, начиная с внутривнутрипартийной дискуссии о профсоюзах, открытой, как известно, Троцким, и через выступления фракционных групп РКП (б) – «децистов» («демократических центристов»), «левых коммунистов» и особенно «рабочей оппозиции», поставившей под сомнение руководящую роль партии в профдвижении и единственной дошедшей в своих разногласиях с Политбюро ЦК РКП (б) до высшего форума мирового коммунизма – III Всемирного конгресса Коминтерна летом 1921 года в Москве, – все они выходили на проблемы «сменовеховства» (хотя сам термин у этих оппозиционеров еще отсутствовал), обострившейся в связи с переходом Советской России к НЭПу.

На X съезде РКП (б) в марте 1921 года было принято решение о замене продразверстки продналогом. Но вскоре после съезда это «фискальное мероприятие», как один из шагов по улучшению положения в хозяйстве страны, стали расширять до «новой экономической политики» – НЭПа. Во всей России начался переход на товарно-денежные отношения, которые, как всегда у нас бывает, стали без разбора вводить и тут и там. По сути своей НЭП был не чем иным, как «сменой вех» («коренной переменой всей нашей точки зрения на социализм», по Ленину) в большевистской партии.

Современные сторонники капиталистического способа производства готовы за эту уступку Ленина вчерашнему дню простить ему все остальные «прогрешения». Еще бы – на деле НЭП открывал дорогу частному капиталу во всей системе общественного производства послереволюционной России. Спрашивается: зачем тогда нужно было весь огород городить, такие жертвы приносить? И для самого Ленина переход к НЭПу представлялся все-таки во многом сменой самих основ социализма. Судите сами: если сравнить два имеющихся в нашем распоряжении архивных документа – его выступление на III съезде комсомола 2 октября 1920 года и его же проект постановления ЦК РКП (б) о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа от 12 января 1922 года – можно увидеть, что вождь говорит об одном и том же совершенно противоположные слова (оба раза, мягко говоря, не совсем правильные).

В 1920-м молодежь Ленин поучал так: если крестьянин возделывает вдвое больше хлеба, чем ему нужно, и излишком хлеба спекулирует, то это дает повод снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, «для этого нужно торгашества не допустить» (в кавычках – подлинная стилистика вождя).

В году 1922-м уже говорится так: «Теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т. е. на коммерческие и капиталистические начала... чтобы добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия».

Улавливаете разницу? И впоследствии, как только наша политика и экономика упирались в эти две крайности (то помидорную ботву с грядок выдирали, то всякие хозрасчеты вводили), преодолевать эту дурь с каждым разом было все труднее и труднее. Ленин «вляпался» в НЭП по той причине, что стремление в отсталой России построить новый, справедливый мир, а если удастся, то и распространить этот строй на всю планету, показалось теперь Ленину авантюрой. Даже в самой последней своей работе «Лучше меньше, да лучше» (1923) он сомневается: «удастся ли нам продержаться, при нашем мелком, мельчайшем крестьян-

ском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»

До конца своих дней Ленин думал лишь о том, как России продержаться до мировой революции, которая, по его мнению, зрела уже не только на Западе, но и на угнетенном Востоке. В этом заблуждении – вся трагедия гения. Но – не он один. Это было тогда общепринятым положением, его разделяли и ленинское окружение, и второе лицо в партии – Троцкий. Но в напасти НЭПа, который задержал развитие страны, а потом долго еще будоражил умы, виноват в основном Ильич. Ну, там еще Бухарин и др. Вот власть уже взята. Что делать? Авантюре (с точки зрения Ильича) построения социализма в одной стране он и противопоставил свой план: «К социализму – через отступление в капитализм, через новую экономическую политику (НЭП)!» В действительности НЭП не был ни гениальным маневром, которым принято было восхищаться в советское время, равно как и ни злонамеренной капитуляцией, как порой это выставляют не в меру ретивые критики. В незаурядной голове Ленина, не знавшего достаточно хорошо Россию и обладавшего обычным для человека европейской культуры образом мыслей, мог, вероятно, сложиться такой ход рассуждений: в отсталой стране социализм невозможен; революция в передовых странах запаздывает; остается провести Россию, которая была недостаточно развита капиталистически, через капитализм; но провести не через стихийное развитие, а при сохранении контроля со стороны советского государства. И вся недолга. То есть здесь налицо поворот Ленина от революционера и коммуниста к социал-демократу в идеологии и к либеральному реформатору – на практике.

Ленина к смене экономического и политического курса подстегнули также крестьянские восстания, прокатившиеся почти по всей стране и жестоко подавленные ВЧК и армией. Большим ударом для большинства членов партии стало восстание моряков в Кронштадте под лозунгом «Власть Советам, а не партиям!». И даже не сами восстания смущали Ленина, а выразивший суть народных требования лозунг «За Советскую власть, но без коммунистов!». Народ считал Советскую власть своей, родной (хотя она порой и круто с ним обращалась), но отказывался поддерживать курс на мировую революцию в ущерб развитию собственной страны.

Сама идея коммунизма как «царства изобилия» отходила как-то на задний план. Поворот к НЭПу у Ленина, как у умного человека, вызвал некий психологический надлом. Поэтому его переход к НЭПу можно рассматривать как акт отчаяния, разочарования в человеке. В советское время не принято было осмысливать его слова о том, что большевики рассчитывали войти в коммунистическое общество на волне энтузиазма, порожденного в народе революцией, и то, что этот расчет оказался ошибочным. Вот и пришлось ему пойти на введение материальной заинтересованности, чтобы строить социализм. Ошибки Ленина, и прежде всего введение им НЭПа, ставят его в один ряд с другими могильщиками коммунизма.

Груз его ошибок 70 лет тяготел над деяниями коммунистов и всех советских людей. Взяв власть, большевики национализировали промышленность и банки, установили рабочий контроль над производством и, присвоив эсеровский проект Декрета о земле, отдали помещичьи земли крестьянам. Многие постановления тех дней открывали дорогу народной инициативе, перед «низами» открылся путь к вершинам знания и культуры. Но Ленин и его окружение плохо знали Россию и русский народ. Они считали Россию дикой страной. Это было общим с пониманием своей страны всей русской интеллигенцией. Народ воспринял революцию как свободу, но интеллигенция – как ужас и хаос. Поэтому попытки развития самобытной русской культуры не только не поощрялись, но и часто пресекались. Но даже в таких рамках народное творчество било через край. Подобного творческого накала, обилия и разнообразия новых идей, как у нас в те годы, никогда не бывало прежде в истории Рос-

сии. Многие новаторские решения встречали неприятие бюрократов, людей, чуждых русской культуре, были забыты, но позже были подхвачены интеллектуалами Запада.

То, что переход к НЭПу для Ленина не был абсолютной случайностью, видно из его представления о том, как строить социализм, изложенного в первоначальной редакции статьи «Очередные задачи советской власти». Он дал такую формулу: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм». Разумеется, все хорошее надо брать из-за рубежа, но нужно поступать так, чтобы оно накладывалось на русскую основу, а вот ей Ленин не придавал должного значения. Установку на развитие государственного капитализма в городе и на «справного мужика» в деревне Ленин выработывал еще в 1918 году, но только три года спустя она была положена в основу его государственной политики.

По Ленину, стержнем социализма советского образца должен стать государственный капитализм, то есть восстановление капиталистических отношений в народном хозяйстве и борьба социализма с капитализмом по принципу «кто кого?». На первый план у коммунистов, по Ленину, выдвигается умение торговать и побеждать частника в конкуренции. Вначале Ленин назвал НЭП временным отступлением, но позже стал убеждать партию, что это «всерьез и надолго». Ленин, вводя НЭП, мог лишь предугадывать, как пойдет развитие страны. Объективные итоги НЭПа оказались удручающими. Рост производства продолжался лишь до 1927 года, затем он остановился. С принятием НЭПа жизнь в Советской России несказанно изменилась. Вновь вступила в свои права частная собственность. Неизвестно откуда появившиеся нэпманы с огромными капиталами непонятного происхождения («новые русские» того времени) торжествовали, спекулировали, кутили в ресторанах и все больше чувствовали себя «солью земли», хозяевами жизни. Потакая их вкусам, процветала пошлая «массовая культура».

В деревне, ставшей после Октября почти сплошь середняцкой, снова вырос и стал задавать тон жизни «кулак». На фоне голода прилавки магазинов, давно не видевшие никаких товаров, стали ломиться от их изобилия. Но купить их могли немногие. В стране царили разруха, безработица, нищета, беспризорщина. Нэпманы вовсе не стремились развивать производительные силы России, они занимались больше аферами и спекуляцией. Жизнь рабочего люда ничуть не улучшилась. Возобновилась эксплуатация одних другими. И чем жизнь трудящихся была хуже, тем легче было нэпманам навязывать им нищенскую оплату труда и звериные условия быта. С несчастными женщинами, нанимаемыми на работу, работодатели творили что хотели, а те не могли противиться, потому что получить любую работу считали за счастье.

Поворот к НЭПу – эта первая попытка «перестройки» в Советской России – тут же вызвал глубокий кризис в партии. Идейные коммунисты, не согласные с НЭПом, внешние проявления которого были для них омерзительными, тысячами выходили из рядов РКП, а то и кончали жизнь самоубийством. Идеи, что большевикам необходимо учиться торговать, идти на выучку к купцу и приказчику, не находили отклика у членов партии. Ведь Ильич никак не мог сказать народу о том, что Советской России, не ожидая революции на Западе, своими силами нужно пробиваться в клуб индустриальных держав.

Статьи Ленина с изложением новых задач партии, написанные, когда он уже находился на лечении в Горках, ЦК печатать не разрешал, а если вождь настаивал, то на места они направлялись с явно издевательскими инструктивными письмами, в которых указывалось на утрату им понимания происходящего и предписывалось не принимать его идеи всерьез. Это было полное политическое фиаско признанного вождя.

Глава 8

Почему проиграли Троцкий и Бухарин

Взяв власть, все большевики оказались заложниками – поражение им всем грозило смертью. Дела их усложнялись еще и тем, что опасность для них исходила не только от прямых врагов, но и от своих однопартийцев – противников по идейным направлениям. Вначале идейные разногласия смертельной опасности для власти предрежащей не представляли, но позже борьба обострилась, и с разгулом репрессий вопрос уже стоял так: кто кого?

Репрессии решали сложные вопросы противостояния хотя и не сразу, но кардинально. Репрессии (карательные меры) и терроризм (подавление противников насильственным путем) являются вполне легитимными мерами принуждения любого государства. Революции, осуществляемые насильственным путем, тем более без массовых репрессий не обходятся.

Те, кто стремится осуществить переворот, имеют, как правило, для этого веские основания, и в их намерениях ничего миролюбивого ожидать не приходится. Те, кто противится этому насилию, боясь потерять все, настроены также очень решительно. И тут получается борьба не на жизнь, а на смерть.

Беспощадность, которая была присуща всем революциям, когда они сталкивались с каким-либо сопротивлением, поистине несравнима ни с чем. Вот типичные факты. После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании, Ирландия, не признала новой власти. Началась жесточайшая борьба. Англичане прибегли к таким средствам, как выкуривание (поджог мелкокошья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить повстанцам продовольствием). После трех лет борьбы Ирландия лежала в развалинах. Население ее сократилось почти вдвое.

Через полтора года, во время Французской революции, примерно то же самое произошло в своеобразной области страны – Ванде, которая тоже сопротивлялась новой власти. Погиб 1 млн человек.

Некоторые видят причину победы большевиков в Гражданскую войну в той жестокости, с которой они вершили свое дело. Но на примере Ярославского мятежа, на примере Киевского, Тамбовского и многих других мятежей видно, что жестокости было не занимать и белым. Большевикам было у кого поучиться. И виселицы тогда не красные придумали. Но почему босая и необученная Красная армия била белогвардейцев на всех фронтах, во всех мятежах? Самое главное было вот в чем. Мятежникам, конечно, было за что бороться. «Белая кость» шла на все, чтобы вернуть свою привольную жизнь господскую. И, как шелуха, слетало с нее и благородство, и воспитание. Традиции, мораль, понятие о чести и совести – все улетучивалось бесследно, когда речь шла об утерянном сытом благополучии. Россия всегда делилась на бедных и богатых. На слуг и господ. Народ в подавляющем большинстве своем был беден и, естественно, оказывался в разряде слуг. И редко, очень редко, кто мог выбиться из этого состояния. И вот впереди забрезжило совсем невероятное: «Кто был никем – тот станет всем!» Последние реально становятся первыми! Верное это дело, раз противятся этому с невероятной необузданной жестокостью.

И второе: нужно было поддерживать элементарный порядок. Преступные элементы быстро развернулись вовсю. У большевиков инстинкт государственности проснулся удивительно быстро, контраст с демократами (после Февраля, да и с теперешними) разительный.

Ситуация была аховая. Армия Деникина стремительно приближалась к Москве. Уже взят Курск, под угрозой Тула. Генерал Юденич готовит новый поход на Петроград. Из-за отчаянного положения большевиков начинается паника, и у большинства уже нет прежнего сочувствия Советской власти: земля действительно в руках крестьян, но хлеб, выращенный

на ней, тут же отбирается. Главное сейчас – хлеб! А хлеб на хлебном юге. Большевикам нужен срочный перелом на Южном фронте. Там и хлеб, и там должна решиться судьба революции. Должна там присутствовать сильная рука. Теперь уже альтернативы нет – только Сталин. Сталин давно был замечен Лениным как человек реального дела. Один из членов ЦК РСДРП с 1912 года. Он уже проявил себя при нейтрализации первого похода Юденича. Вместе с Петерсом они в Питере поработали как две бездушные безотказные машины. За три недели навели там порядок: предателей и паникеров смели с лица земли, воинство Юденича отбили. В Царицыне полит-комиссар Сталин вместе с командующим армией Ворошиловым тоже отличился.

Сталин обратил на себя внимание революционеров еще в дореволюционный период. С трудом, со значительным акцентом говоривший по-русски молодой грузин вдруг подверг критике ЦК РСДРП, возглавляемый Лениным, за потерю связи с партийными организациями и широкими массами рабочих после поражения революции 1905–1907 годов. Он высказал убеждение, что центр руководства партией должен находиться в России и что в ее руководящих органах ведущее место должно принадлежать рабочим, а не журналистам-эмигрантам. Был период, когда Джугашвили был единственным членом ЦК, который работал в России в условиях подполья.

Перед Февральской революцией Сталин находился в своей последней, четырехлетней, ссылке в далекой Курейке Туруханского края. Пожалуй, это была самая трудная полоса в его жизни. Он подходил к своему 40-летию, не имея никакой специальности, не получив законченного образования, с подорванным, как у многих профессиональных революционеров, здоровьем. Дело революции, которому он посвятил себя с юных лет, казалось, было отодвинуто мировой войной на неопределенно далекое время.

Товарищи на воле его почти забыли. Даже Ленин, который оказывал ему несколько раз некоторую помощь. Когда Сталина ссылали в Туруханский край, он в связи с плохим здоровьем неоднократно обращался к своим товарищам по партии с просьбой оказать ему материальную помощь. Ленин из Кракова направил ему денежным переводом 120 франков (по тогдашнему курсу большие деньги – 60 рублей). Но затем, судя по одному из его писем, даже забыл фамилию этого «чудесного грузина», который занимался марксистской разработкой национального вопроса. Партийную кличку Сталин Джугашвили взял в 1913 году.

Февральская революция освободила Сталина, как и всех политических заключенных. Сталин возвратился из ссылки 25 марта 1917 года. После приезда в Петроград он, как имеющий наиболее длительный стаж членства в Центральном Комитете, избранном в январе 1912 года на конференции в Праге, немедленно взял на себя руководство «временным бюро Центрального комитета», отодвинув Молотова, а также редакцией «Правды». До приезда Ленина 16 апреля он фактически был первым лицом в партии, несмотря на то, что был известен лишь в самых узких партийных кругах. В конце марта на всероссийской конференции большевиков, первом собрании такого рода после отречения царя от престола, Сталин председательствовал в условиях всеобщего смятения, царившего на конференции. И доказал, насколько он уже в то время владел искусством политического лавирования, при полном отсутствии опыта, и еще не полностью определившись в принципиальных вопросах. Впрочем, определенные принципы не всегда являются верными, даже в определенный промежуток времени. На конференции в зависимости от мнений, высказываемых участниками, Сталин менял свою позицию прямо на ходу, ничуть не смущаясь того, что ранее заявлял обратное. Недаром при его жизни протоколы этой конференции советской общественности были недоступны. Совершенно неготовый к поставленному внезапно вопросу об объединении большевиков с меньшевиками, Сталин разыграл настоящий спектакль: с одной стороны, не возражал противникам объединения, а с другой – пытался успокоить сторонников объединения, заявляя о том, что переговоры с меньшевиками будут вестись, но с крайней

осторожностью. Они в действительности были начаты, однако затем, по прибытии Ленина в Петроград, немедленно прекращены.

В этот период Сталин (по многим источникам это просматривается) временно отходит от дел. Но именно Сталина Ленин без всякого колебания посылает в Царицын с неограниченными полномочиями: нужен хлеб любой ценой.

И тогда из серой, почти безымянной ломовой лошадки революции там он превращается в нестигаемую личность, как никто, соответствующую отчаянному моменту. Ленин и на этот раз в Сталине не ошибся. Сравнивая Троцкого со Сталиным, Ленин постоянно убеждался, что именно Сталин в конкретных ситуациях какой-то нечеловеческой интуицией находил оптимальный вариант.

Многочисленные авторы нам твердят о страшных преступлениях параноика и мегаломаньяка Сталина, о кошмарах его террора. Некоторые утверждают, что у него не было выбора. Пишут, что неоднократно производились расчеты хода событий при различных альтернативах сталинскому курсу и все, мол, просчитываемые варианты указывают на еще большие жертвы, чем это случилось в реальности.

Можно ли согласиться, что гигантские жертвы были обязательным условием реальной российской динамики? Правда ли, что эти жертвы должны были обязательно положены на алтарь материализации новой реальности, строительства нового мира? Не знаю ответа. Но бесспорным является то, что Сталину удалось сделать невозможное. Он не только удержал страну на краю пропасти, но и бросил ее в прорыв. И начал он с самого главного – с человеческого фактора. Итак, нужно было из ничего создать новую страну. Но с кем? Конечно, были пламенные энтузиасты, были рыцари без страха и упрека. Но ведь рядом с ними существовало огромное большинство совсем других людей. Во-первых, явных врагов. Необходимо понимать, что ленинский принцип диктатуры нес в себе ту опасность, что открывал прямую дорогу во власть социально опасным и преступным элементам. То был народ, привыкший убивать, насиловать и грабить. Еще недавно он предавался погрому своей же страны. Это был народ, не только искореженный трехвековым господством династии Романовых, но его формировала и страшно кровавая Первая мировая.

По современным меркам, в 1917 году в России произошло нечто отвратительное. Озверели буквально все, без исключения. То была агония раздробленного еще при поздних Романовых общества, осколки которого упоенно пошли войной друг на друга. Война всех против всех. На бескрайних просторах бывшей империи воцарилось беспредельное насилие. Наблюдались немыслимые зверства. Эти вырванные глаза, клизмы из толченого стекла, отрезанные члены и истерзанные половые органы женщин. На юге России орудовали «народные» ватаги, попеременно сражавшиеся и с красными, и с белыми.

Большевикам противостояли силы, представлявшие собой совершенно разложившиеся части сгнившего напрочь организма. Казаки плевать хотели на единую и неделимую матушку-Россию с высокой колокольни. Донцы начали рвать на части Россию еще до Деникина. Атаман Краснов просил помощи кайзера в расчленении России и создании отдельного государства – Великого войска Донского. В обмен на помощь оружием атаман обещал немцам поставки в Германию продовольствия, скота и лошадей. Донские казаки, которые до сих пор плачут по поводу того, как их еврейские большевики уничтожали после своей победы в Гражданской войне, даже в деникинских мемуарах предстают шайкой самых разнузданных мародеров. Рабочих и крестьян, когда шли освобождать их от таких-сяких коммунистов, грабили. Грабили даже на территории Войска Донского. Да и женщин там же насиловали. Потом этот грабеж боком вышел казакам – хорошо помнившие казачий беспредел люди не только приняли большевиков, но и помогли им расправиться потом с казаками.

Еще была другая армия – так называемая интеллигенция всех цветов и оттенков, которая до этого лет сто воспитывалась в ненависти к России и которая не умела делать ничего,

кроме как ниспровергать и уничтожать все, что попадется под руку: империю, христианскую веру, «устарелую мораль», старое искусство.

Сразу после революции надломилась психическая структура русского народа. Ее хватило, чтобы выдержать прыжок из старого мира в новый, но вместо счастья, радости творчества и богатства возможностей обнаружилась страшная, голодная и несправедливая повседневность. Народ ушел из Вчера, но счастливое Завтра так и не наступило. Нигде в мире не было такого высокого процента самоубийств, как в Москве и Питере.

Сладить с таким одичанием и разложением можно было только железной рукой. Но Сталину было необходимо на что-то опереться. И опора у него нашлась только одна – тот блестящий, манящий и по-прежнему прекрасный, особенно для молодежи, идеал новой реальности завтрашнего мира – мира, в котором главными станут труд и творчество. Мира созидания, мира, в котором нет места эксплуатации. Мира, где каждый может получить то, что заработал. Мира, где за счет труда, творчества, раскрытия духовных способностей человека и эффективной организации хозяйства будет достигнут неизмеримо более высокий, чем в старом мире, уровень развития. Возникнет сверхновый мир, где желания человека будут разумными, в котором духовность возьмет верх над материальным, а ответственность перед коллективом превысит эгоизм. Конечно, с вершины теперешних знаний видна и наивность этой мечты – мир без эксплуатации невозможен.

Не следует забывать, что сопротивление Советской власти было огромнейшим. Этого не отрицают и критики Сталина, и всего советского. Но тогда опасность подстерегала нас еще и с другой стороны. Реальность сопротивлялась титаническим усилиям Сталина и тех, кто верил ему, трансформировала их новый мир, привносила в него чужеродные черты. Сталинисты, боясь потерять все, даже свои жизни, из-за хронической и трагической нехватки времени пускали в ход не эффективные в нормальных условиях *психо-исторические* технологии, а самые экстремальные методы. Это когда оправдано все – лишь бы не случилось непоправимого.

Непоправимое могло произойти и из-за идей, вокруг которых в 1921–1927 годах в РКП (б) и в Коминтерне развернулась ожесточенная идеологическая борьба между «коммунистами» (доктринерами мировой пролетарской революции) и «национал-большевиками» (термидорианскими прагматиками). Эта борьба в зарубежной историографии для простоты обозначения стала называться борьбой «троцкистов» со «сталинистами». Она началась с внутрипартийной дискуссии о профсоюзах, открытой Троцким его речью на V Всероссийской конференции профсоюзов в начале ноября 1920 года, и через выступления других фракционных групп в РКП (б) – «децистов» и «левых коммунистов».

Сталин вначале, в 1921 году, довольно сочувственно относился к «сменовеховству» с целью своей лояльностью к нему понравиться Ленину, но потом, в 1928–1933 годах, пускает его под нож на процессах вредителей.

Когда стало очевидным, что болезнь Ленина смертельна, в верхушке РКП (б) ожидалась борьба за лидерство в стране. На власть, мол, претендовали Троцкий – народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики, Зиновьев – глава Коминтерна и руководитель Петроградской партийной организации (выступавший обычно в связке с Каменевым – руководителем парторганизации Москвы), Бухарин – главный идеолог и теоретик партии, и Сталин, по предложению Ленина назначенный генеральным секретарем РКП (б) (вместо жены Свердлова – Новгородцевой К.Т.). Многие считали тогда этот пост чисто канцелярским, и для них оказалось неожиданностью, что он на этом посту сосредоточил впоследствии в своих руках необъятную власть. Скорее всего, за самый высокий пост в стране драчки не было. Отметим, что Сталин не раз отказывался от поста генерального секретаря, Троцкий был уверен, что только ему будет предложено возглавить все и вся, а остальная шатия-братия любила болтать, сытую жизнь и никак не хотела рабо-

тать, а тем более за все отвечать, хотя каждый из «претендентов» боролся за определенный политический курс, за свое видение будущего страны.

Об отрицательном отношении Сталина к Троцкому и другим «революционерам в смокингах» нам известно. Известно и то, что Сталин мог затаить злобу на человека очень надолго. Троцкий Сталину был ненавистен всегда. С самых первых встреч на съездах – в Стокгольме, Лондоне, Вене. Все раздражало Сталина в Троцком. Надменный хлыщ, любитель истеричных дамочек, которому так много в жизни удается. Сталин не мог себе признаться, что просто завидует этому баловню судьбы. Блестящий оратор, виртуозный публицист. На V съезде в Лондоне Сталин был буквально потрясен той легкостью, с какой Троцкий в перерыве между заседаниями увлеченно разглагольствовал в окружении молодых людей о философии и поэзии.

Объективно Троцкий симпатии вызывать к себе не мог. Не буду здесь приводить достаточно непривлекательный литературный портрет «демона революции», нарисованный писателем А.И. Куприным. Когда Троцкий обосновался в Вене, и немцы, и Троцкий предпринимали энергичные шаги по преодолению раскола в РСДРП. Примирения большевиков с меньшевиками настойчиво добивалась и созданная Троцким в Вене небольшая газета «Правда» (1908–1912), тайно доставлявшаяся в Россию. Выходила она нерегулярно и существенной роли сыграть не могла, но успела посеять семена недовольства среди отдельных соратников Ленина, обособившихся в отдельную группу большевиков-примиренцев.

В Вене вокруг Троцкого сложился круг идейно близких ему друзей в лице С. Семковского (Бронштейна), М. Скобелева, А. Иоффе, В. Коппа, М. Урицкого и Х. Раковского. Ближе к ним стоял Л. Б. Каменев, женатый на сестре лидера, хотя позднее они не раз демонстрировали неприязненные отношения. А между Троцким и Лениным тогда велась ожесточенная полемика. Скобелев по возвращении в Россию был избран от меньшевиков в IV Государственную думу и вскоре сделался масоном по рекомендации Чхеидзе, с которым Троцкий поддерживал деловые контакты. Троцкий начал также тесное сотрудничество с редакцией популярной леволиберальной газеты «Киевская мысль», посылавшей его корреспондентом на театр военных действий между Турцией и балканскими государствами. В его материалах проскальзывали подчас протурецкие взгляды. Безнаказанной осталась очередная подлость Троцкого, когда он «украл» у своего друга Парвуса теорию перманентной революции, согласно которой буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую, а потом переходит во всемирную.

После провала всех надежд экспорта мировой революции в борьбе Сталина с Троцким дело упрощалось тем, что последний не пожелал ввязываться в открытую борьбу. Очевидно, он уверовал в силу и непоколебимость своего авторитета, хотя состоял в партии большевиков не так давно и имел репутацию человека, не всегда согласного с ее линией. Но Ленину всегда нравилось его блестящее перо, и, помните, несмотря на молодость Троцкого (23 года), он принял его в качестве седьмого члена в редакционную коллегию «Искры». Начиная с 1917 года Троцкий занимал командные посты только благодаря постоянной поддержке Ленина. Он сильно надеялся на свой авторитет – все образуется. Но теперь, после смерти Ленина, он оказался без поддержки. Поэтому Зиновьев, Каменев и Сталин сразу объединили усилия, чтобы не дать Троцкому упрочить свое положение.

Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым «свалил» Троцкого, а потом расправился и с этими двумя. И в этой схватке просматривается непримиримая и принципиальная идеологическая борьба. А поскольку эта борьба была только на словах, хотя позже некоторым стоила жизни, позиции и сторонники борющихся менялись постоянно.

Дискуссия о профсоюзах шла вокруг вопроса, какова должна быть их роль в советском обществе. Ленин, Зиновьев и Рудзутак выступали за подчинение профсоюзов партии, при сохранении у них некоторой степени независимости в вопросах защиты интересов рабо-

чих. Троцкий считал необходимым включить профсоюзы в систему государства. Он утверждал, что государству трудящихся не нужны специальные органы для защиты экономических интересов рабочих. Бухарин пытался предложить компромиссное решение. И наконец, «Рабочая оппозиция» считала, что профсоюзы должны сами контролировать производство, без вмешательства государства.

Несмотря на то что дискуссия была очень острой, в то время все вопросы обсуждались свободно и открыто. Никто тогда не боялся репрессий, если в силу своих взглядов он окажется «не на той стороне». Сталин вел себя еще вполне лояльно, что дает повод утверждать, что он не столько стремился к личной власти, сколько старался не допустить победы тех, кто, как он считал, поведет партию не тем путем. Но, с другой стороны, не будем отрицать, что он повел дело так, что вскоре в глазах людей стал выглядеть человеком, который твердо отстаивает единственно верную линию партии от линии тех, кто хочет ее приспособить для достижения неблагоприятных целей.

Не обошлось, естественно, и без подковерных игр. Еще когда Ленин был жив, Троцкий, отстаивая свой план конного броска на Германию через Польшу, в последний день работы сентябрьского пленума ЦК РКП (б) (1923) выступил с пламенной речью против руководства Германской коммунистической партии, которое якобы совершенно не готово к революции у себя в стране и лишь вводит Исполком Коминтерна в заблуждение. Но это настроило многих против самого Троцкого. 23 августа на секретном заседании Политбюро решался вопрос о помощи германской революции.

В «разном», как бы между делом, утверждается директива о реорганизации РККА и приостановке ее демобилизации в связи с этой помощью (как же, сам Троцкий предлагает подтянуть красную конницу к границам Польши и Литвы, значит, надо усилить ее политсостав). Предложение Сталина о полном обновлении Реввоенсовета не проходит, и Сталин предлагает усилить РВС за счет включения в него шести новых фигур (Ворошилова, Лашевича, Пятакова, Орджоникидзе, Муранова) во главе с самим Сталиным. Никто не стал возражать против «усиления», особенно членами ЦК.

Пленум утверждает новых членов. Не каждый и не сразу раскусил тактику Сталина. Мол, под крики о помощи германской революции и угрозе новой войны с Антантой Троцкий своим броском через Польшу в Восточную Пруссию хочет втравить СССР в авантюру, поэтому нужно убрать его с ключевого поста. Ленин, будучи тогда недееспособным, не смог пресечь эту аппаратную интригу Сталина. И Троцкий был вынужден в одиночку броситься в бой против всего аппарата. Он пишет «совершенно секретную» записку членам ЦК и ЦКК партии. В ней в духе предоктябрьских «писем издалека» самого Ильича разоблачает интриги «тройки». Та вначале пытается отписаться, поручив председателю ЦКК В. Куйбышеву ответить на письмо. Но эта отписка вызвала второе, еще более яростное письмо Троцкого. Здесь уже «демон революции» не стесняется в выражениях, разоблачая аппаратные интриги Сталина.

«Тройка» оказалась перед тяжелым выбором. Сталин, Зиновьев и Каменев поняли: просто так заткнуть рот Троцкому не удастся, он ведь и в открытой печати выступить может! Он может навязать «тройке» новую широкую дискуссию в партии, к которой они не были готовы, – «троцкизм» еще не был изобретен. И «тройка» решила устроить Троцкому партийную ловушку: пустить всю дискуссию с «демоном революции» по каналам закрытых «партийных писем» только для членов ЦК и ЦКК, благо и сам «жалобщик» обращается только к ним (а не к рядовым членам партии) и только совершенно секретно. Всех и всегда удивлял этот гриф большинства партийных документов.

После смерти вождя Каменев и Зиновьев (Сталин тогда внешней активности в этом не проявлял) решили вспомнить старые разногласия Троцкого с Лениным и стали применять новое изобретение – слово «троцкизм». Отметим, что из всех ближайших соратников Ленина

тогда только Троцкий продолжал ленинский поиск путей мировой революции как практически (бросок в Германию в 1923 году), так и теоретически (брошюра «Новый курс», январь 1924 года). В книге «Уроки Октября» Троцкий писал, что русская и германская революции проданы «правыми», а потому Сталина, Зиновьева и Каменева нельзя считать ленинцами.

В ответ Каменев обвинил Троцкого в меньшевистском прошлом. Поскольку рядовые члены партии устали ждать мировую революцию, обещанную Лениным и Троцким, Сталин предложил теорию построения «социализма в отдельно взятой стране». Эта теория импонировала национальным чувствам, парировала упреки «демона революции» в отсутствии революционного порыва и свидетельствовала, что мечты Троцкого о мировой революции есть, в сущности, неверие в возможности русского народа и в родную коммунистическую партию. Книга была изъята из обращения, а послушная пресса, партийные органы и собрания коммунистов обрушили на Троцкого шквал обвинений.

В январе 1925 года Зиновьев предложил исключить Троцкого из Политбюро и снять с поста председателя Реввоенсовета. Сталин пока оставил «демона революции» в Политбюро, а вот пленум ЦК ВКП (б) заочно снимает Троцкого с поста председателя Реввоенсовета. А уже в ноябре 1927 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) и Троцкий, и Зиновьев накануне XV съезда, теперь уже по предложению Сталина, были исключены из Политбюро и из партии. Троцкий был выслан в Алма-Ату.

Объективности ради скажем, что выбор истории был (устранение Троцкого от власти) все-таки в пользу России. Останься «демон революции» со своей «левой дорогой» у власти – многое шло бы еще через пень-колоду.

Достаточно вспомнить, как Троцкий отрицательно относился к начавшимся вполне нормальным попыткам большевиков укрепить семью, возродить уважение к родителям, ввести офицерские звания в армии и т. д. «Демон революции» страшно возмущался тому, что «государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни...».

По правой дороге впереди шагал «левый коммунист» Николай Иванович Бухарин. Бухарин пришел в ряды революционеров в 17 лет, был арестован и сослан, бежал из ссылки, в эмиграции познакомился с Лениным, с которым часто спорил, но в конечном итоге всегда соглашался с вождем партии. После Октябрьской революции он благодаря своим разносторонним дарованиям занимал выдающееся место в руководстве партии.

В 1927 году, когда Бухарин был одним из двух руководителей партии, вышел очередной том Большой советской энциклопедии. В статье, посвященной Бухарину, утверждалось, что Бухарин – выдающийся теоретик коммунизма, который не уступает по своей значимости Ленину, а подчас и превосходит его, что он первым сказал о возможности социалистической революции в России и что в планах этого светоча теории – продолжение исследований Маркса и т. п. Тогда даже такая формула появилась: «Маркс, Энгельс, Ленин, Бухарин».

Мы не будем останавливаться на теоретических изысканиях Бухарина в области противоречий между классами, «гуманного» пути строительства социализма и т. п. Представляет интерес позиция Бухарина по НЭПу. Казалось бы, Бухарин, отрицавший возможность товарного производства при социализме, должен был решительно выступать и против ленинского НЭПа. Но в это время развернулась такая ожесточенная идеологическая схватка, что в пылу борьбы с троцкистами Бухарин выдвинул неожиданный для самого себя лозунг «Обогащайтесь!», вызвавший справедливый гнев у многих членов партии. Вот как он звучал в контексте: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны вести такую политику, в результате которой у нас бедность исчезла бы. Общество бедных – это «паршивый социализм».

Для современных горе-экономистов такие слова – елей для их грешных душ, поэтому они и отметили торжественно в 1988 году столетие со дня рождения Бухарина. Но тогда такой лозунг вызвал множество справедливых вопросов: как обогащаться, например, безлошадному крестьянину, который не может выбиться из кабалы у кулака? А если надо обогащаться, то почему только крестьянину, а не нэпману, например? И зачем тогда совершали революцию? Нэпманы и кулачество так и обогащались, но беднота нищала еще больше и попадала в зависимость от богатых. Но это была уже не безропотная беднота, мирившаяся со своей зависимостью от кулака. Среди бедняков были участники Гражданской войны, знавшие, за что они боролись и проливали кровь. Многие из них имели опыт работы в комбедах, в свое время основательно прижавших кулаков. Они не хотели, чтобы плодами их победы пользовались новоиспеченные хапуги.

И дураку ясно, что обогатиться можно только за счет кого-то. Других источников богатства, кроме как недодать или отнять, просто не существует. Словом, если следовать умонастроениям Бухарина, не избежать было в деревне снова гражданской войны. Бухарин перед решающей схваткой, боясь уже Сталина, в пылу борьбы на заседании ЦК в январе 1929 года вновь не удержался и стал пороть горячку – пошел в открытый бой с большинством ЦК, призывая партию идти к социализму через развитие НЭПа. Но наговорил при этом много и верных слов. Главное условие победы социализма Бухарин видел в том, чтобы сохранить союз пролетариата и крестьянства, причем союзником пролетариата он считал все крестьянство, а не только бедноту. Сославшись на то, что производительность труда еще низкая, Бухарин делает вывод, очень сходный с ленинским: «Мы еще находимся на чрезвычайно низкой, полуварварской ступени развития. Нам нужна особая осторожность в подходе к крестьянству – только его поддержка может обеспечить нам победу в неизбежной войне империалистов Запада против СССР. Поэтому и средства на индустриализацию страны надо искать не в чрезмерном налогообложении крестьянства, а в максимальном сокращении непроизводительных расходов (особенно расходов на быстро разрастающийся бюрократический аппарат) и в повышении производительности труда».

Как будто бы все правильно. Но примечательно, что Бухарин не только сам не говорил здесь об опасности для социализма со стороны кулачества, но и подчеркивал, что об этом нет ни слова и в последних работах Ленина. «Убежден, что кулак может “мирно вращаться” в социализм при правильной политике партии. Пусть будут бедняцкие колхозы и кооперативы и кулацкие объединения, ведь все они останутся под контролем пролетарского государства».

По существу, в своих работах того периода Бухарин, прикрываясь лозунгом пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства, критикует курс на индустриализацию, которая якобы ведет к сокращению внутреннего рынка, а это, в свою очередь, ударит по индустрии. Поэтому, снова и снова повторял он, надо начинать с развития легкой промышленности, которая даст товары для населения, прежде всего для крестьянства, и быстрый оборот капитала позволит накопить средства для развития тяжелой индустрии. А пока время для создания тяжелой промышленности не настало. Если окажется, что государству не удастся заготовить достаточно хлеба, то надо будет недостающее количество закупить за рубежом, используя для этого ту валюту, которая выделена на приобретение промышленного оборудования.

Начавшееся в стране колхозное строительство Бухарин подверг критике. Основания для критики были. Коллективизация проводилась иногда негодными способами – виновато в этом было руководство партии, которое плохо знало страну, народ, его традиции, образ жизни и мышления. Оно пренебрегло опытом общинной жизни русского крестьянства и суждениями тех отечественных мыслителей, которые еще в конце XIX века высказались за обобществление сельского хозяйства, а приняло за образец кибуц – поселение еврейских колонистов, где обобществление было доведено до крайности. Там человек не имел права даже

пообедать у себя дома – нужно было непременно идти в общественную столовую. В итоге первые опыты коллективизации с обобществлением всего, вплоть до кур, к тому же проводившиеся варварскими методами, надолго посеяли у русских крестьян недоверие к колхозам.

Сталину пришлось писать статью «Головокружение от успехов». Она появилась в «Правде» 2 марта 1930 года. Сталин писал о значительных успехах колхозного движения и о том, что «коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным». Но он отдавал себе отчет, что на этом крутом повороте можно напрочь разорвать связь партии и рабочих с крестьянами. Вряд ли он верил в головокружительные успехи, нормальные достижения вскрыли поистине головокружительные проблемы и противоречия. Поэтому он подчеркнул необходимость добровольной коллективизации с учетом местных особенностей.

«Дразнить крестьянина-колхозника “обобществлением” жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не решена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, – разве не ясно, что такая “политика” может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?.. Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, “революционерах”, которые дело организации артели начинают со снятия церковных колоколов».

Спустя ровно месяц Сталин вновь вернулся к поднятой теме, еще определеннее подчеркивая перегибы в ходе колхозного строительства, а также необходимость своевременно произвести сев. Руководители на местах умили свой «колхозный энтузиазм», и многие крестьяне, воспользовавшись принципом добровольности, покинули артели. Так или иначе, но посевная кампания прошла успешно, а год 1930 оказался благоприятным для урожая зерновых. За счет целины в ряде совхозов были получены неплохие урожаи, подтвердившие рентабельность крупных хозяйств. Однако в дальнейшем укрупнение совхозов стало давать отрицательный результат, а общее производство зерна уменьшилось.

При первых же недородах (а неурожайным стал уже 1931 год) колхозы стали расшатываться, а колхозники – заботиться о личном благосостоянии, при случае присваивая обобществленную собственность. В противовес этому процессу был принят жесткий закон, направленный против хищений в колхозах и совхозах, в котором предусматривались самые жесткие кары – вплоть до расстрела.

Наиболее страшным испытанием стал голод зимой 1932/1933 года. Количество погибших от голода и болезней составило, вероятно, около 3 млн (называют цифры от 1 до 6 млн). Это бедствие было вызвано не только объективными природными факторами и другими (указываемыми ниже) причинами, но и политикой коллективизации и административного давления на крестьян. Это была, можно сказать, малая крестьянская война. Участвовали в ней все – от Сталина до самых бедных крестьян. Но действия всех их определялись исключительно объективными обстоятельствами. Строительство общества нового типа было неизбежно сопряжено с немалыми жертвами. Отказ от этого строительства и возврат к НЭПу, как мы уже говорили, грозил еще более страшными последствиями. Из двух (или трех) зол было выбрано наименьшее. При страшных невзгодах страна выстояла, разруху и развал удалось предотвратить.

Создавалось впечатление, что Сталин был готов насмерть загнать русский народ в этой сумасшедшей гонке. А его противники, и прежде всего Бухарин, пытались противостоять столь губительной линии. Выступления Бухарина были преподнесены им как исполнение завещаний Ленина, но встретили резкую критику на страницах партийной печати. Критику человека, который еще недавно считался главным теоретиком партии. Если учитывать положение в стране, то позиция Бухарина действительно была явно несвоевременной.

Хотя и борьба «генеральной линии партии», которую возглавлял Сталин, с различными «оппозициями» на XIII, XIV, XV и XVI съездах была тоже не вполне последователь-

ной. На XIII съезде оппозиция была троцкистской, а ЦК представлял «триумвират» – Зиновьев, Каменев и Сталин. На XIV съезде оппозицию возглавляли Зиновьев и Каменев, а от ЦК выступали Сталин, Бухарин, Угланов и другие. На XV съезде выступала «объединенная оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым и Каменевым, а от ЦК выступали Сталин, Рыков, Угланов, Каганович и другие. На XVI съезде положение было еще сложнее.

Определенные разногласия и раньше проявлялись на Политбюро и пленумах ЦК. Но на съезде некоторой группе, названной «бухаринской», было предъявлено обвинение в «правом уклоне». Никакого столкновения двух точек зрения на съезде не было. Обвиненные в «правом уклоне» Рыков, Томский, Угланов признавали свои ошибки. Бухарин на съезде не присутствовал. Выступавшие часто называли свою прошлую деятельность «оппозиционной». Им противостояла противоположная позиция «от ЦК», озвучиваемая Сталиным, Кировым, Куйбышевым и другими. То есть наглядно видно, как менялись лица, занимавшие позицию то «оппозиции», то «генеральной линии партии».

На XV партсъезде борьбы с оппозицией не было: ее избивали. Из числа ее вождей Троцкий и Зиновьев уже были исключены из ЦК и на съезде не выступали. Нескольких других, пытавшихся выступить, прерывали, освистывали, сгоняли с трибуны. Но и сквозь улюлюканье съезда ораторы оппозиции пытались донести крик своей ненависти к крестьянству, обремененной, конечно, в форму предупреждения о «кулацкой опасности».

Резолюция XV съезда оставляла общую цель «перехода к коллективной обработке земли», подчеркивая слабую реализацию этого положения в ближайшем будущем: констатировалось, что существуют лишь «ростки обобществленного сельскохозяйственного труда». На съезде оппозицию победила группа, возглавляемая Сталиным, Бухариным, Рыковым и Томским. Но тут начались трения в победившей группе. Но до открытого противостояния дело не доходило. Это была «драка бульдогов под ковром». Реальная борьба происходила на пленумах ЦК, материалы которых не публиковались. После открытия многих архивов сейчас можно составить представление о сути конфликта: Сталин в принципе стал шаг за шагом реализовывать основные положения «левых оппозиций», с которыми он до этого вместе с Бухариным, Рыковым и другими боролся. Сейчас можно заметить, что этот сдвиг начался втихомолку даже до XV съезда. Через Политбюро, где он располагал большинством, через Секретариат и ГПУ (фактически возглавлявшееся его сторонником Ягодой), Сталин начал проводить ряд конкретных мер, которые только позже стал оформлять в виде цельной программы.

Сейчас очень трудно судить, насколько глубоко продуманы и прочувствованы были действия Сталина. О том, что это произошло лишь благодаря его жестокости, можно предполагать, только совершенно не зная, какими методами при случае пользовались Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин... Все они были, можно сказать, одного поля ягоды (тут в пору и Ягоду Генриха вспомнить). Да и Ленина вряд ли можно назвать гуманистом. С этой поры Сталин как бы принял эстафету у тех, кого он собирался физически уничтожить. Начавшиеся затем репрессии можно будет называть уже сталинскими, так как он стал брать всю полноту власти, равно как и всю ответственность на себя за все, что будет происходить в стране.

В стране нагнеталась и нарастала атмосфера страха перед нависшей «интервенцией». В печати освещались сведения о военных столкновениях с Китаем, убийстве советского полпреда в Польше Войкова и взрыве бомбы в Ленинграде. Ответственность возлагалась на «консервативные круги Англии» и «белогвардейское подполье». Сталин рекомендовал взять заложников и «расстрелять пять или десять монархистов... дать ОГПУ директиву о повальных обысках», произвести «повальные аресты», провести показательные процессы.

Это было лето 1927 года, и Бухарин и Рыков еще входили в комиссию по борьбе с «белогвардейщиной и ролью в этом иностранных правительств». А в это самое время остальной мир уходил стремительно вперед. В мире вступала в самый расцвет индустри-

альная эра. Там, за границей, стремительно новый мир набирал силу, готовый проглотить Советскую Россию, как когда-то промышленная Британия проглотила Индию. И Сталин понял: сейчас или никогда.

Глава 9

Сталин спас коммунизм, используя идеи Форда

Ленин оставил после себя пустую казну и совершенно небоеспособную армию, расколотую, разлагающуюся и на глазах деградирующую партию, разоренную, разграбленную и расплзающуюся в разные стороны страну с темным, забитым и неграмотным населением, разрушенную до основания промышленность, приведенную в полный хаос финансовую систему, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженную квалифицированную рабочую силу и частично уничтоженную, частично рассеянную по всему миру интеллигенцию. Наследство, прямо скажем, ужасное. Врагу такого наследства не пожелаешь.

Если говорить современным языком, Сталину оставалась совершенно конченная, безнадежно отсталая страна. По всем аналитическим выкладкам выходило, что впереди – недолгая, но мучительная агония Советской России. И дальше – конец. Либо после военного поражения, либо из-за экономической катастрофы.

Города с устаревшей, неконкурентоспособной промышленностью были не в силах дать селу нужные товары – деревня отказывалась продавать городу хлеб. С 1927 года в стране начался кризис хлебозаготовок.

Приходилось вводить продовольственные карточки. Повсюду безработица, нищета, разгул криминала, засилье бюрократии, чудовищно разросшейся вишь и вглубь. Ни одного нового завода. Ни одной крупной электростанции. Ни одного мало-мальски значимого транспортного проекта.

Огромные материальные ценности и деньги вывезены из страны ленинской гвардией, белогвардейцами и западниками. Отброшенное почти на триста лет назад сельское хозяйство, где вместо тракторов и механических плугов использовались в лучшем случае лошади, а в худшем – собственный или батрацкий горб.

Восемьдесят процентов хозяйств России работало только на самопрокорм. Ленин оставлял своим преемникам разбалансированный, не способный к развитию хозяйственный механизм, представляющий собой уродливый симбиоз бессильного административного планирования и спекулятивного рынка, лишаящих всякой надежды на эффективное хозяйствование и с неизбежностью толкающих страну к голоду. А главное – над страной снова вставал леденящий кровь призрак войны крестьян с городом.

И самым непостижимым являлось то, что в последние годы жизни Ленин, несмотря на ухудшающееся здоровье, ни о каком своем преемнике не думал. Он всегда очень хорошо относился к Сталину, но стоило ему увидеть в своем ближайшем соратнике угрозу для своего собственного авторитета, как тут же умирающий вождь сочинил известное «завещание», в котором обращал внимание партии на недостатки Сталина. Другие ведущие фигуры в ЦК тоже не избежали критики в ленинском «завещании». Явно впадая в маразм, вождь смертельно не желал отдавать власть кому бы то ни было.

История распорядилась так, что во главе огромной страны оказался именно Сталин – карлик-криворучка, с лицом, изъеденным оспой, но с масштабом мышления гения. Сталин заявил о себе еще на VI съезде РСДРП (б), который открылся без Ленина. Он заявил о себе как политик тогда столь же неожиданно, как и весьма и весьма самобытно. Дело в том, что среди разных дел на съезде обсуждался и вопрос о перспективе революционных преобразований в России. Теоретик Преображенский предложил резолюцию, суть которой была в том, что с взятием революционным классом государственной власти построение социализма в России будет возможным лишь «при наличии пролетарской революции на Западе».

Эта идея разделялась тогда многими, в том числе и Лениным. И в резолюции, поддержанной Бухариным и уже одобренной съездом, свержение капитализма в России связыва-

лось обязательно с мировой революцией. И вот тут неожиданно поднялся Сталин и выступил категорически против. Четыре долгих года жизни в диком Туруханском крае, общение с простыми людьми вселили в него уверенность в том, что именно Россия и явится той страной, которая проложит путь к социализму. Неожиданное сумбурное выступление не очень-то известного по части марксистской теории революционера. Однако делегаты съезда, как ни странно, поддержали не блестящего теоретика Бухарина, а Сталина. И Ленин, узнав об этом, всю ночь ворочался в своем шалаше в Разливе.

О масштабах мышления человека легче всего судить по его литературным или научным трудам. Если они, конечно, имеются. О Сталине нельзя судить, увы, по его книге «Вопросы ленинизма». Он не может отойти от догм, так как был уязвим со всех сторон. Но уже в этой книге через частокол ленинских цитат просматриваются нетривиальные мысли: «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям “завоевателей” и “покорителей” государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов. Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, – в экономике общества».

Вторая неожиданность. Сталин через союз «и» соединяет два понятия – «русский революционный размах» и «американская деловитость», ставя их как бы на одну доску (если не как равные по значимости, то, по крайней мере, как вполне сопоставимые). Хотя Сталин и был марксистом, но марксистом он был творческим, то есть плевал на Маркса, когда это требовалось. Сталин понял, что учение Маркса не пригодно для строительства государства, которого по Марксу не должно было быть вообще. Но без государства (еще Ленин это понял) никак нельзя.

По Марксу, при коммунизме будет действовать принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». В нашем мире, как известно: «Каждому по его деньгам». Но если «по потребностям», то зачем деньги? Маркса «осенило» – при коммунизме денег не будет. Большевики сразу после революции попробовали организовать этот простой товарообмен без денег и тут же ужаснулись получаемому маразму.

Короче, Маркс так наколбасил, что Сталин к концу жизни неоднократно говорил: «Без теории нам смерть!» Но, как умный человек, не имея реальной теории, он не отказывался от марксизма – страшно оставить людей вообще без веры. Жизнь советских людей потеряла бы смысл, а это хуже новой войны. Сталин лавировал, выжидал, уворачивался от неудобных вопросов и пытался как-то за уши подтащить Маркса к практике жизни. В конце концов плюнул еще раз на Маркса и стал пользоваться идеями... Форда – «отца наиболее современных и ясных принципов экономики... наиболее яркого выразителя морали в экономике и производстве» (Мухин Ю.И. «За державу обидно»).

Убежденный капиталист, американский автомобильный магнат Генри Форд родился в обыкновенной фермерской семье и окончил обычную сельскую школу. Очень рано увлекся техникой. Умея работать руками, он буквально из металлолома собрал первый автомобиль, потом еще, потом организовал фирму, которая благодаря методам его хозяйствования стала по тем временам королевской в мире бизнеса.

Его принципы приемлемы и для коммунизма: а) всякая погоня за наживой – зло; б) если ты ничего не дал обществу, то и требовать тебе от него нечего; в) спекуляция – наиболее пристойный вид воровства; г) в цивилизации нет места тунеядцам. В своей книге «Моя жизнь, мои достижения» Форд открыто провозглашал, что в основе производства должен лежать план – мозги хозяина, а не придурочное «регулирование посредством спроса на рынке». Если внимательно прочитать его книгу, то можно убедиться, что Форд – ярый социалист.

Гонения на Форда начались не из-за этого, а за его другую книгу «Международное иудейство». Международное еврейство считает Форда ограниченным антисемитом, хотя и с деньгами. Как только Сталин стал пользоваться идеями Форда, у него появлялась возможность улучшить жизнь народа, в составе которого было 56 млн горожан и 115 млн крестьян. При Сталине на основе завоеваний революции формировалось общество, которому еще предстояло развиваться на пути к совершенству. Возможность обратить внимание на крестьян появилась позже, и они это оценили.

Какой бы вой ни несли о тяжелой жизни крестьян при социализме, об ужасах коллективизации и т. д., но во время Великой Отечественной войны советские крестьяне были, пожалуй, единственным сословием в СССР, которое советскую власть не предало. При наступлении немцев советское колхозное крестьянство безропотно сдавало лошадей отступающей армии, отгоняло на восток сельскохозяйственную технику, скот, уходило само. Нигде не было никаких бунтов и восстаний против Советской власти, как ни старались немцы их вызвать. Крестьяне составили и основную массу партизан.

А вот прародители Советской власти, ивановские ткачи, подняли бунт, когда в 1941 году власти начали вывозить оборудование ткацких фабрик на восток, и тамошний пролетариат нагло заявил, что ему все равно, на кого работать – на немцев или на советскую власть. Это надо понять. Надо понять и мудрость Сталина, развивавшего промышленность и знавшего, что она не может работать без покупателя. Созданный ею товар должен быть куплен, иначе она не в состоянии произвести следующий. Чем больше покупают, тем быстрее развивается, растет промышленность. Если кто-либо хочет развивать свою промышленность, ему нужны не инвестиции, не займы, не надо ходить по миру с протянутой рукой, а нужно позаботиться о своих покупателях товаров. Сталин рассматривал несколько путей поиска покупателей для промышленности нашей страны – путей развития рынка СССР. Существует, например, прусский путь, предусматривающий аннексию других стран, создание препятствий для их промышленности и за счет их рынка, их покупателей развитие собственной промышленности. Или английский путь. Захват колоний и использование их рынка для развития промышленности метрополий. Разумеется, эти пути не подходили Советскому Союзу, и Сталин выбрал американский путь развития промышленности. Путь развития собственного рынка, создание покупателей прежде всего внутри собственной страны.

Вспомним, как Генри Форд – основатель автомобильной индустрии США, создавал себе покупателей. Он стал платить рабочим своих заводов неслыханную по тем временам заработную плату – 5 долларов в день – и этим спровоцировал профсоюзы и в других отраслях на требования по повышению зарплаты. Когда разъяренные его коллеги-капиталисты выразили свое негодование, он вполне резонно возразил им: «А кто будет покупать мои автомобили?»

Чтобы увеличить производство чего-либо, нужно сначала дать деньги покупателю. Создав средний класс, класс людей, для которых покупка автомобилей стала обычным делом, США развили свою автомобильную промышленность. При Сталине, начиная с 1930-х годов, вводились в строй тысячи заводов и фабрик. Они были готовы давать продукцию, но покупателя в нищей стране не было. И Сталин, пусть за счет эмиссии, выбросил деньги на рынок. И народ зажил лучше. Курс на иностранные концессии тогда себя не оправдал. Некоторые капиталисты, пытавшиеся пустить корни в Советской России и для этого даже умерявшие свои аппетиты в отношении размеров прибыли, устанавливали рабочим зарплату намного выше, чем на государственных заводах и фабриках. Эти производства властями были закрыты (вот сейчас бы так!), так как разлагающе действовали на российский пролетариат.

Но главное – страна оказалась перед угрозой голода. Уже в 1928 году Сталин, сосредоточивший в своих руках всю власть и ответственность за судьбу страны, столкнулся с

трудностями в заготовке хлеба. Зерно в стране было, но кулаки (которых еще в царское время называли бессердечными и жестокими, «нравственными чудовищами», мироедами) не хотели продавать его по ценам, установленным государством. Стало ясно, что с вольницей для кулаков, каковой была НЭП, надо кончать. И тогда стало очевидным, что для индустриализации СССР десять лет были потеряны и страна не готова к отражению нападения со стороны империалистов Запада, угроза которого становилась очевидной. Вождь поставил вопрос предельно четко и жестко: мы отстали от передовых стран Запада на 50—100 лет; либо мы пробежим этот путь за 10 лет, либо нас сомнут. Расчет его оказался точным: до нападения гитлеровской Германии на СССР оставалось чуть больше десяти лет. Вот тут НЭПу и пришел конец – совершенно объективно. А вместе с этим кончилось и время «тончайшего слоя партийной гвардии», который рассматривал Россию как вечного ученика передовой Европы. «Гвардейцы» еще оставались в строю, громко, со скандалами, выясняли между собой, у кого из них больше партийный стаж и кто дольше сидел в тюрьмах и больше побегов совершил с каторги, а курс партии определяли уже не они.

«Ленинский призыв» в партию, этот посмертный «подарок» Ильичу, привел к тому, что «старая гвардия» совершенно утонула в этом мощном потоке. Отметим, что этот мощный новый поток оказался и достаточно мутным. Новая установка на построение социализма в одной, отдельно взятой стране, причем, по мнению «верных ленинцев», стране отсталой, некультурной, казалась им нарушением самых основ марксизма и ленинизма и объективно толкала их в оппозицию сталинскому режиму.

Ведь даже поэты писали о «всемирной революции». Вспомните стихи помешанного на революционной тематике Эдуарда Багрицкого:

Когда ж огонь ружейный грянет
С воспламененных баррикад?
Когда ж суровой и бесстрашной
Вы первый сделаете шаг,
Когда ж над Эйфелевой башней
Пылающий взвывается флаг?

Наличие оппозиции трактовалось как обострение классовой борьбы. Последовавшие затем чистка партийных кадров и репрессии против оппозиционеров вылились, фактически, в государственный переворот. При этом перевороте оказалось много жертв. Но курс на индустриализацию, на превращение страны в великую мировую державу, казавшийся оппозиции профанацией марксизма, был с энтузиазмом встречен большинством советского народа, особенно его передовой частью, поэтому репрессии воспринимались тогда более лояльно, чем позже. При Сталине наша экономика добилась невероятных успехов. Другой вопрос: какой ценой?

Его система ГУЛАГа была малоэффективна. Хотя и дополняла, присутствовала и почти естественно сливалась с трудом передовиков и стахановцев. Можно посмеяться над тем, как выдающиеся ученые, конструкторы и вообще умные люди, по велению вдохновителя новой жизни, вкалывали и, что самое смешное, – крайне добросовестно, в так называемых шарашках. Тогда почти каждый советский вольнонаемный мог неожиданно для себя оказаться в «зоне» как враг трудового народа.

И все-таки спорным кажется расхожее определение Сталина как диктатора. Он объективно являлся подлинно народным вождем, так как выражал глубинные интересы и чаяния трудящихся. При советском строе, и особенно в сталинский период, была установлена впервые подлинная демократия, которая прежде всего заключалась в том, что государство сознательно и целенаправленно развивало активность, самостоятельность и творчество масс.

Другое дело, что выполнения поставленных целей и задач Сталин добивался путем жесточайшей требовательности и слишком строгого персонального спроса со всех, от кого зависело дело. Государственная дисциплина при нем была поистине железной, исключений не делалось никому. И прежде всего самому вождю, который и «пахал» больше всех, и требования предъявлял к себе большие. Успехи страны ни с чьим именем, кроме имени Сталина, связывать не приходится. Равно как с плановостью и массовым трудовым энтузиазмом, то есть с коммунизмом.

В чем заслуга Сталина? Главное в Сталине-государственнике – это его умение понять глубинные чаяния, устремления народа, назвать их и сплотить понявших и непонявших, колеблющихся на исполнение этих помыслов. Это объясняется тем, что Сталин был одним из вождей, кто происходил из самых низов. Не всегда он понимал все сразу, не так уж редко шел путем проб и ошибок, но у него была редкая черта – он умел быстро уловить ошибку и исправить ее, уточнить тактику. И очень жаль, что ему не удалось перенести все свои государственные открытия на бумагу. Видимо, это связано со сверхнапряженным ритмом его эпохальной работы.

Что же должно было прозвучать в той теории, которую не успел сформулировать Сталин? Думается, что в ней должны были обязательно освещены вопросы о роли организованности в экономике, о трудовом энтузиазме, о плане, об автаркии и изоляционизме и о роли энергетики. Собственно, план – это и есть основная форма организованности. Организованность включает и массовый энтузиазм. Хотя энтузиазм хорош в меру.

Сталин стал вождем, занимая пустяшную должность Генерального секретаря ЦК ВКП (б) – организатора партии. Он на ней стал тем, без кого ни партия, ни народ уже не могли обходиться. А сама должность была такова, что генеральному секретарю (до Хрущева) не полагалось даже председательствовать на заседаниях высшего рабочего органа партии – на Политбюро (Президиуме) ЦК. Председательствовал на заседаниях Политбюро ВКП (б) глава правительства СССР: сначала Ленин, затем Рыков, после него Молотов.

Сталин сел на место председательствующего Политбюро только в 1941 году, когда стал вместо Молотова председателем Совета народных комиссаров. Ему пришлось сосредоточивать в своих руках всю полноту власти, когда Родина оказывалась в опасности. Трудность положения Сталина усугублялась тем, что неплохой экономист, никем не превзойденный в истории хозяин, твердой рукой развивавший экономику СССР, как марксист, он должен был утверждать, что страна идет к коммунизму по Марксовому пути: денег скоро не будет, товарооборота не будет, а кто способен произвести, тот будет передавать это другому по потребности. То есть Сталин вынужден был говорить прямо противоположное тому, что фактически делал.

К 1950 году экономика СССР стала настолько не соответствовать марксизму, что только авторитет Сталина мог примирить критикующих. Правоверные марксисты утверждали, что, согласно Марксу, уже давно пора заменить товарооборот продуктообменом, а деньги упразднить. И по Марксу, они были правы. Другие утверждали, что пора упразднить самого Маркса, и предлагали свое видение путей в коммунизм.

Перед Сталиным стояла нерешаемая задача: отбить атаки догматических придурков на деньги и товарооборот и, соответственно, на хозрасчет и творчество, но при этом утверждать, что марксизм – это наука и что ею нужно руководствоваться.

Сталину приходилось уворачиваться от неудобных вопросов и пытаться за уши тащить Маркса к своей практике. Да, были у Сталина явные нелады с марксизмом. При Сталине колхозы и совхозы не имели своей тяжелой техники: тракторов, комбайнов, жаток, автомобилей и т. п. Вся эта техника сосредоточивалась в МТС (машинно-тракторных станциях), которые обрабатывали землю и убирали урожай сразу несколькими десятками колхозов. Это сталинское решение имело хозяйственные выгоды.

Во-первых, сама сельскохозяйственная техника тем экономичнее, чем она мощнее. Но, предположим, среднему колхозу достаточно одного мощного комбайна, чтобы успеть и хлеб убрать, и обмолотить. Но никакой председатель колхоза не рискнет ограничиться одним таким комбайном, поскольку в случае его поломки будет потерян урожай – результат работы за целый год. Поэтому, если передать технику из МТС колхозам, то упомянутое нами хозяйство купит для подстраховки два комбайна, что будет разумно, но в целом неверно – вся масса лишних затрат на неэффективно используемую технику ляжет на стоимость продовольствия, и она возрастет.

Во-вторых, в колхозе комбайн будет работать месяц в году, а комбайнер перейдет на другую работу в том же колхозе. Но комбайн будет простаивать на машинном дворе хозяйства. МТС же способны маневрировать техникой, т. е. переводить ее из южных районов в более северные, убирая там созревающие зерновые. В этом случае получается явная экономия за счет снижения количества единиц техники.

В-третьих, государство при помощи перехода на денежную оплату труда работников МТС за обработку земли и уборку урожая может стимулировать повышение их производительности труда и снижать затраты. Ну и как это объяснить с точки зрения марксизма? Но цепляться за марксизм надо было, потому что речь шла о вещах, значительно более важных, нежели экономика и материальное благополучие граждан СССР, речь шла о цели их жизни, о смысле их жизни. Вся жизнь советских людей была осмысленной – они строили для своих детей светлое, справедливое будущее – коммунизм. Ради этого ограничивали себя, ради этого шли на жертвы, ради этого гибли на фронтах. Все, что ни делалось, – делалось для детей, для потомков, и сама эта мысль делала жизнь и осмысленной, и радостной. Средний советский человек не интересовался ни подробностями теории коммунизма, ни путями к нему, он предпочитал просто знать, что коммунизм возможен потому, что великий ученый Карл Маркс его обосновал. И представить себе не мог: а если вдруг выяснится бред марксизма, что тогда будет с коммунизмом? Тогда во имя чего жертвы, во имя чего лишения? Жизнь советских людей потеряла бы смысл, а это хуже новой войны.

Перед Сталиным даже вопрос не стоял – до тех пор, пока не будет разработана новая теория коммунизма, от марксизма нельзя было отказываться ни в коем случае! Дальнейший опыт показал, что, кроме самого Сталина, новую теорию никто разработать не мог. Не имел, если хотите, права. Он, подобно Робеспьеру, все теоретические разработки замкнул на себя. А хозяйственные дела не оставляли на это времени. Экономику сталинского периода задним числом можно назвать государственным капитализмом, и, как упрек Сталину, можно вменить ему в вину нежелание вовремя это осознать и теоретически сформулировать. А тому, что наш государственный капитализм, имея на вооружении плановую экономику, не сумел полностью реализовать ее преимущества перед рынком, есть причины. Весь сталинский период экономика СССР была полностью подчинена задачам обороны и выживания. Это была мобилизационная, а не социалистическая экономика, не гармонично сбалансированная, решающая задачи, обусловленные внутренними тенденциями развития общества, а экономка, полностью подчиненная задачам выживания, навязанным извне капиталистическим окружением.

Она имела искаженную структуру производства (преобладание промышленности группы А над группой Б и подчиненное положение деревни). Имела завышенные темпы роста, кстати, характерные для России и в прежние времена. Не может ничем быть оправдано то, что уже со времен Сталина она стала управляться не научно обоснованными, а волевыми решениями. Русские советские люди строили Советское социалистическое государство, ошибочно полагая, что создают коммунистическое общество по планам Маркса. На самом деле они строили свой коммунизм, который стал воплощением русской идеи на новом историческом этапе, и эта их практическая деятельность не имела никакого отноше-

ния к идее коммунизма, как ее понимал Маркс. Хотя идеологи внушали, что идут они по пути, указанному Марксом. Ошибочно понимая цель своего строительства, допуская невероятнейшие потери из-за бюрократии и преклонения перед властью, русские советские люди достигли выдающихся успехов во всех областях. Мировая история не знает другого такого примера превращения за какие-нибудь 10–15 лет отсталой и разоренной аграрной страны в могучую индустриальную державу. СССР по объему производимой товарной продукции вышел на второе место в мире и на первое – в Европе.

Глава 10

За удар кулаком по голове вождь расквитался в 1937-м

Хрущев преподнес советскому народу однобокую картину культа личности Сталина и репрессий в СССР и этим самым нанес сокрушительный удар по советской системе. Это произошло так неожиданно, что у современников сразу создалось впечатление, что им что-то навязывают. Каждый понимал, что следовало более объективно разобраться в сложнейшей обстановке, в которой происходило строительство нового общества, в расстановке классовых сил в стране и сил на международной арене, показать народу, как проходили наиболее важные судебные процессы, чего добивались осужденные оппозиционеры на самом деле, а не по их показаниям на процессах.

Репрессии были продолжением Гражданской войны, а такие войны всегда бывают наиболее ожесточенными и кровавыми. Ну и, конечно, следует понимать, какой океан мерзости выплеснулся в то время. Документально установлено, что в основе более чем трети всех дел лежали элементарные доносы, порожденные завистью, карьеристскими устремлениями, желанием устранить конкурентов или начальников, чтобы занять их место. А начальниками хотели стать многие.

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы представить такое: ну, скажем, сидел типичный (ну совсем как теперь) государственный рэкетиры и требовал справку за справкой, и все не бесплатно, естественно, такие тоже увеличивали число репрессированных. Нынешним государственным и негосударственным рэкетирам, ну и другим туеядцам, по своему статусу и менталитету, самой судьбой предначертано присоединяться к дружному хору лиц, безоговорочно осуждающих репрессии. Можно задать банальный вопрос: а могут ли возобновиться сейчас массовые репрессии? Ответ последует такой – конечно могут, если подходить по меркам того времени или хотя бы по логике постепенно забываемого уголовного кодекса РСФСР. Тогда у нас точно не хватит лагерей и тюрем для исправления «заблудших». Кстати, и сейчас все забито. Процент невинных никак не меньше, чем тогда.

XV съезд ВКП (б) провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства. В стране началась подготовка к этой важнейшей политической кампании, призванной перевести деревню на рельсы социалистического хозяйствования. Сам Сталин в порядке инспекции и оказания помощи местным руководителям в январе 1928 года посетил Сибирь – достаточно зажиточный регион государства. Увидев на месте положение дел с хлебозаготовками, Сталин немедленно принял меры, согласно которым, если кулаки не сдавали хлеб в тех объемах, какие для них были установлены, к ним применялись репрессивные меры.

Только за три месяца 1928 года (январь – март) к судебной ответственности в Сибири было привлечено около тысячи человек. К маю того же года там были описаны (раскулачены) около восьми тысяч крестьянских хозяйств. Но, с другой стороны, в глухих деревнях отдельных «комиссаров» по хлебозаготовкам иногда просто убивали. Естественно, начались репрессии. А на репрессии властей сибирское село ответило коллективными отказами сдавать хлеб, «бабьими бунтами», растаскиванием конфискованного зерна из амбаров и даже вооруженными выступлениями крестьян.

Одной из причин этого являлось то, что при проведении хлебозаготовок в ряде районов применялись негуманные методы: угрозы лишения свободы, высылка в другие места, конфискация имущества за задержку со сдачей хлеба, физическое насилие над жителями деревень, закрытие церквей, различные ограничения для крестьянских семей и т. п. На эти «перегибы» местное начальство изредка реагировало – снимало слишком ретивых. Но и новым заготовителям пришлось решать ту же самую задачу – выбивать хлеб в селах, во что бы то

ни стало выполняя контрольные цифры. А раз так, то по-прежнему сохраняли силу те же методы давления, шантажа и прямого террора.

Были случаи, когда организаторы «мероприятия» вели себя как разбойники с большой дороги: забирали себе реквизируемое имущество, избивали и раздевали людей, выгоняли их голыми на мороз. И так поступали не только с кулаками, но и с середняками. Документальствуют, что были случаи и изнасилования «кулацких» жен и дочерей. В целом, естественно, отношение населения по всему Советскому Союзу, а оно было преимущественно представлено крестьянством, к мероприятиям партии и правительства в области сельского хозяйства в подавляющей массе было негативным. Волна мятежей и восстаний прокатилась по Северному Кавказу, Средней Волге и Сибири. Взбудораженная деревня бурлила, стреляла, горела, митинговала. Расслоение прежде достаточно прочной сельской общины достигло невиданных размеров.

Зажиточный крестьянин, так называемый кулак, всеми способами сопротивлялся изъятию у него хлеба вообще, а не только излишков. Средняк стремился сохранить нейтралитет. Незаконные реквизиции, бесчинства раскулачивающих стремительно пополняли ряды ярых противников Советской власти. А это усиливало репрессии. Массовые репрессии Советской власти против крестьян не поддаются описанию и осмыслению. Документы показывают, что и в городе это напоминало охоту на ведьм.

В 1931 году были созданы Центральная контрольная комиссия ВКП (б) и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. ЦКК и РКИ были задействованы в политических кампаниях по борьбе с ослаблением дисциплины на промышленных предприятиях, очистке торговой сети от спекулянтов и ликвидации бюрократов. Все будто бы правильно. Но все постепенно стали соизмерять свои действия с мнением товарища Сталина. Зимой 1933 года он на слете колхозников высказал озабоченность нечеткой работой МТС. В работе ремонтных мастерских, естественно, были трудности, как, например, отсутствие запчастей, а может быть, кто-то и саботировал работу. Те, кто сильно прогибался перед властью, нашли-таки классового врага в лице ремонтника сельскохозяйственной техники. Оказалось, он не только портит советский трактор в поле, но и всячески старается задержать его ремонт. Кроме того, он коварно срывает и дезорганизует работу мастерских.

Допускаю, что так как в ряде случаев к ремонту техники мог быть допущен только грамотный, знающий человек, могли иметь место и наветы со стороны ленивых бездарей, которых эти «вредители» заставляли вкалывать. Естественно, перед контрольными органами была поставлена экстренная задача: разоблачить кулака и его пособников, пролезших в рем-мастерские. ЦКК и РКИ взяли под свое неусыпное наблюдение 21 МТС. Время до посевной еще оставалось, контроль ширился. По выявленным фактам саботажа были возбуждены уголовные дела, а также арестованы государственные служащие в системе Наркомзема и Наркомсовхозов – люди из буржуазных и помещичьих семей.

Коллегия ОГПУ постановила: «За организацию контрреволюционного вредительства в машинно-тракторных станциях и совхозах ряда районов Украины, Северного Кавказа и Белоруссии, нанесшего ущерб крестьянству и государству, выразившийся в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, поджоге машинно-тракторных мастерских и льнозаводов, дезорганизации сева, уборки и обмолота с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода, – приговорить к высшей мере социальной защиты – расстрелу».

Привел цитату, дабы не исказить подлинную орфографию и показать нелепость документа. Такое пересказать своими словами просто невозможно. Логика не позволяет. Оказывается, виновники голода – это саботажники. Дальше – больше. 28 апреля 1933 года было принято Постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) о чистке партии. Согласно этому документу, из партии «вычищались»: классово чуждые и враждебные элементы, например обманым

путем пробравшиеся в партию и оставшиеся там для разложения партийных рядов, или двурушники, живущие по двойным стандартам, скрывающие от партии свои действительные намерения; открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии; перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами; карьеристы, шкурники и бюрократы; морально разложившиеся коммунисты.

Как видно, «ассортимент» широкий, но, по большому счету, если задача по выявлению всех «элементов» и была очень сложной, то она была, возможно, уместной, т. к. таким людям в партии, конечно, не место. Но война всех против всех приводила к перегибам. На местах и в «органах» было много усердствующих. Дело руководства чисткой во всесоюзном масштабе было поручено Центральной комиссии по чистке под руководством бывшего наркома РКИ Я. Э. Рудзутака. Его на этом посту вскоре сменил Л. М. Каганович. В комиссию вошли С. М. Киров, Е. М. Ярославский, Н. И. Ежов, М. Ф. Шкирятов, И. А. Пятницкий и другие. Были определены сроки и последовательность мероприятий. Несомненно, существовала разнарядка, регламентирующая минимальное количество неблагонадежных.

Все шло по плану. С 1 июня чистку должны были начать в Московской, Ленинградской, Уральской, Киевской и других областях. Существовали графики чисток в районах, на предприятиях. И комиссии на местах по чистке составлялись. Но, не доверяя местным коммунистам, в состав каждой местной комиссии ЦКК включал для «укрепления» своих сотрудников. Началась вакханалия. Но это по современным меркам. А тогда это воспринималось как должное.

В стране иногда доходило до курьезного: газеты сообщали о партийной чистке только что возвращенных на Большую землю челюскинцев – «Челюскинцы на партийной проверке». Чистки проходили везде по одинаковому сценарию, с большей или меньшей долей неизбежного, как бы сейчас сказали, «стриптиза».

Предполагалось, что на обсуждении «очищавшемся» в глаза откровенно говорится о его грехах и недостатках. Он же, в свою очередь, должен быть предельно самокритичен.

Какие уродливые формы все это массовое «покаяние» принимало, несложно представить. Те, кто в партийных ячейках выступал против чистки или каким-то образом сочувствовал исключенным, тут же клеймились позором, им приклеивали ярлыки и называли «кулацкими пособниками», «окопавшимися беспринципными группами», «содействующими исключенным из партии троцкистам» и т. д. Везде витала удушливая атмосфера страха. На собраниях обязательно присутствовал представитель из центра, нагоняя страх еще больше. У честного человека не было никакого шанса сохранить лицо.

Можно с уверенностью сказать, что в результате вакханалий на собраниях «незапятнанными» оказывались не те, то есть выживали не лучшие. Когда начались массовые аресты, кое-где явно перестарались: на некоторых заводах вообще не осталось парторгов. Не из кого было выбирать: все более или менее опытные специалисты подпадали под ту или иную категорию, перечисленную в постановлении. Некоторые партийные организации на местах были полностью обескровлены. Кроме того, арестам подвергались и тысячи беспартийных специалистов – инженеров, хозяйственных работников. На место «выбывших»

поспешно выдвигались новые руководители, в прошлом рядовые рабочие. Хорошо, если это были бывшие «стахановцы», а вообще, выдвигались всякие. Им было слишком трудно полноценно заменить опытных и сведущих специалистов, обеспечить выполнение плана. И поэтому стал намечаться откат. Вся ответственность за «перегибы» и «ошибки» была, естественно, возложена на местных руководителей. Да так оно, наверное, и было.

Теперь уже создавались комиссии для разбирательства результатов самих «чисток» и наведения «большевистского порядка». Но это была еще не кульминация репрессий. Роковую роль сыграло убийство Сергея Мироновича Кирова 1 декабря 1934 года. Киров был сторонником курса Сталина на индустриализацию, и это делало его противником Бухарина. Но

он отчасти разделял теорию «пролетарского гуманизма», которую проповедовал Бухарин, так и не изживший в себе переживаний, вызванных сценами насилия во время коллективизации. Киров уже завоевал большой авторитет в партии и осмеливался выступать сторонником более лояльного и мягкого отношения к общественности, поскольку у партии, по его мнению, не было больше непримиримых врагов. Очевидно, это мнение было ошибочным.

Но главным являлось следующее – многим функционерам руководства партии в случае более мягкого отношения к своим противникам и с принятием нового курса было бы несдобровать за их прошлые жестокости. Сталин находился под прессом желания партноменклатуры продолжать репрессии (на этой версии настаивает А. Б. Мартиросян). Так или иначе, после убийства Кирова события развивались очень стремительно и словно по написанному сценарию. После XVII съезда партии Киров, избранный членом Политбюро и секретарем ЦК, должен был переехать в Москву и взять на себя руководство идеологической работой в партии. Теория «пролетарского гуманизма», возможно, имела шанс воплотиться в политике ВКП (б). Если бы это случилось, то Сталин, возможно, не смог бы единолично распоряжаться судьбами и жизнями людей. Но Кирова убрали. Кто? Убил Кирова некто Николаев. Говорят, на почве ревности. Но дело достаточно запутанное. Возможно, к этому причастна и немецкая разведка. Но ни один из авторов, пишущих на эту тему, не сумел с полной убедительностью распутать этот клубок сплошных загадок. Всякие разговоры о причастности Сталина к смерти Кирова смехотворны.

Итак, Киров должен был переехать в Москву. Но его переезд все откладывался. Наконец Киров приехал в Ленинград, чтобы сдать дела своему преемнику, и тут его настигла пуля убийцы. Как бы ни хотелось злопыхателям приписать убийство Кирова «проискам» Сталина, даже они открыто этого не говорят. Факты свидетельствовали о другом: убийство члена Политбюро и секретаря ЦК в самом центре парторганизации Ленинграда, в Смольном, на глазах охранника, показало всем членам руководства ВКП (б), что даже при наличии охраны никто из них не может быть застрахован от подобной участи.

Это исторический факт, и не миф, что до этого Сталин, например, ходил и ездил свободно, без какой-либо охраны. Однажды дело даже дошло до того, что во время праздничной демонстрации 7 ноября 1927 года некто Охотников на трибуне Мавзолея ударил Сталина кулаком по голове. Существует такая версия этого, совершенно немыслимого в наше время происшествия. Начальник Военной академии им. Фрунзе Р. П. Эйдеман вручил трем своим питомцам специальные пропуска для участия в охране высших руководителей страны на трибуне Мавзолея.

Ретивая тройка со всех ног кинулась на Красную площадь. На территорию Кремля они проникли беспрепятственно, но у деревянной калитки туннеля, ведущего на трибуну Мавзолея, вышла заминка. Охранник-грузин отказался их пропустить. Горячие парни, участники Гражданской, не спасовали перед наглостью чекиста. Они отшвырнули его, сломав при этом калитку, и бросились вперед. Через несколько секунд они были за спинами стоявших на трибуне. Охрана, естественно, накинулась на новоприбывших. Один из тройки, Охотников, подскочил к Сталину, которого счел виновником всей этой неразберихи, и кулаком ударил его по затылку.

Ни Эйдеман, ни Охотников не были наказаны. Можете представить, какие «строгости» были в стране. Каждого видного большевистского деятеля можно, получается, запросто ударить по голове, а то и пустить в расход.

А чего стоили разного рода «дискуссии» и возня с всякими там уклонами? Эта тяготи́на была явно не для слабонервных, но и у них нервы сдавали. Естественно, Сталин, чувствующий полноту власти, не мог оставаться благодушным, если на съезде буквально все выступавшие клялись ему в верности и славословили его, а при тайном голосовании

оказалось, что *против* него были поданы сотни голосов. Значит, все они – лицемеры. И все это перед лицом смертельной опасности. Благодушные непростительно!

Немаловажное значение сыграло отношение Сталина к Кирову. Киров был его любимцем. Да и как можно было не любить этого обаятельного, очень отзывчивого человека, с открытым, таким русским лицом?! Сталин встретился с Кировым еще в октябре 1917-го. И сразу его потянуло к этому энергичному, крепко сбитому человеку. К его улыбке, к душе нараспашку. Ни с кем Сталину не было так легко, как с Миронычем. Они дружили семьями. Дети Сталина – Светлана и Василий – радовались, когда Сергей Миронович бывал у них. Это было еще тогда, когда у Сталина – хлебосольного хозяина – постоянно гостили родственники, друзья, земляки.

С Кировым всегда легко было говорить. Говорить о чем угодно. В любой аудитории – в военной, студенческой, рабочей – он был своим. Когда жена Кирова Мария стала прихварывать, Сталин сам хлопотал и о врачах, и о лекарствах. Он действительно любил Кирова как брата. Доказывает это надпись на книге «О Ленине и ленинизме», подаренной Кирову Сталиным: «С. М. Кирову. Другу моему и брату любимому. От автора».

Друзей-соратников у Сталина было немало. Но между ним и теми же Серго Орджоникидзе, Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем стало появляться какое-то пространство, прохлада. И особенно после неожиданного ухода из жизни жены Надежды. Этим самоубийством жена как бы нанесла вождю оскорбление. Так ему казалось. С того момента в душе Сталина произошел заметный перелом. Только к Кирову отношение вождя оставалось прежним. Знал ли Сталин, что Сергей Миронович очень любил женщин и что у него были любовницы, как в Большом театре, так и в Ленинградском театре оперы и балета, и что рыжая красавица Мильда Драуле, жена Николаева, тоже была его любовницей? Наверное, знал.

Уже через час после страшного известия Сталин спецпоездом выехал в Ленинград, чтобы разобраться во всем на месте. В ночь с 1-го на 2-е декабря по его инициативе было принято срочное постановление ЦИК СССР, в соответствии с которым были внесены изменения в уголовно-процессуальный кодекс. Органам Комиссариата внутренних дел предписывалось приводить в исполнение смертные приговоры обвиняемым в подготовке и проведении террористических актов немедленно после вынесения этих приговоров.

В декабре Николаев, его бывшая жена и еще несколько человек, обвиненные в прямом соучастии, были расстреляны. Если до убийства Кирова Сталин еще колебался в выборе линии по отношению к старым большевикам, то теперь он убедился, что, так как они в большинстве своем враждебны ему, настало время проявить твердость. Следуя своей логике, он считал так: все они сформировались в условиях борьбы против царского режима, в подполье, и их деятельность была преимущественно разрушительной. Они и настроены были неизменно оппозиционно, и склонны были к критике складывающихся порядков. Поэтому Сталин посчитал, что им уже не место в партии.

Убийство Кирова явилось очень хорошим поводом для решительных действий, которым необходимо воспользоваться незамедлительно. А тут еще ему был подготовлен материал, свидетельствующий о наличии сети заговоров, нити которых тянулись к Троцкому. По всей стране репрессии усилились.

Не буду развивать здесь мысль о «еврейском следе» в мировой политике, о тенденциозном отношении Сталина к евреям, равно как и подробно описывать усилия Генриха Ягоды и Николая Ежова по ориентированию Сталина в этом направлении. Сошлюсь только на такой факт: Каганович предлагал Сталину обнародовать данные о еврейском происхождении Ленина. Сталин отклонил такое предложение. 5 ноября 1934 года ЦИК и СНК СССР было принято постановление «Об Особом Совещании при народном комиссаре внутренних дел СССР», наделившее этот орган правом применения внесудебных репрессий к любым гражданам, кого НКВД причислял к категории общественно опасных лиц. Идея создания

внесудебных органов расправы для рассмотрения дел арестованных без суда, так называемых троек, была предложена тоже Кагановичем. И через месяц карательные органы советского государства получают новую поддержку.

С 1 декабря резко возросло значение НКВД. Комиссариат стал еще быстрее численно расти. Его полномочия заметно расширяются. Органы НКВД с тех пор становятся вровень с партийными органами. Пройдет какое-то время, и они начнут заслонять партийные органы. А потом и совсем выйдут из-под контроля. Это произойдет года два-три спустя, когда Ежов по указанию Сталина подготовит злобный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» (от 30 июля 1937 года).

По этому позорнейшему для нашей страны документу уже предусматривались «контрольные цифры» по репрессированным (отдельной строкой планировались расстрелы). И, как и следовало ожидать, такое «планирование» привело и к «встречным планам», и к рвению подлых людей по их выполнению и перевыполнению. Рапортовали как о трудовых победах. Тот же Хрущев запрашивал у Сталина повышение «лимита на расстрелы». Если под репрессии «чрезвычайных троек» первыми попали уголовники-рецидивисты, то далее круг репрессированных расширился.

Возвращаясь к 1913–1918 годам, вспомним, что большинство профессиональных революционеров-интернационалистов находились долгое время за границей, были связаны с масонскими и еврейскими кругами, а то и с разведками иностранных государств. Избрав курс на строительство сильного государства, Сталин понимал, какую опасность они представляют для его планов. Борьба с такими людьми была очень непростой. К 1930-м годам почти каждый профессиональный революционер и деятель революции 1917–1920 годов оброс кланом связанных с ним лиц, обязанных ему карьерой, различными благами и поддержкой. При каждом складывалась своего рода «семья»: жены, родственники, соратники, друзья, коллеги, разные знакомые и просто челядь, приживалы и приживалки.

Механизм ОСО и был направлен на то, чтобы ликвидировать противников именно целыми семьями, кланами. Убирая того или иного деятеля, мало было расстрелять его самого, следовало нейтрализовать весь его клан. И для этого не нужно было искать доказательств настоящей вины представителей этого клана, ибо «вина» их – в самой принадлежности к нему. По этой логике 5 июля 1937 года Политбюро принимает решение: «Установить впредь порядок, по которому все жены избранных изменников Родины – правотроцкистских шпионов – подлежат заключению в лагеря не менее как на 5–8 лет». Репрессиям подвергались также и взрослые дети «врагов народа». Были такие процессы, в которых вовсе не преследовалась цель справедливого судебного разбирательства – они являлись только поводом для ликвидации «пламенных революционеров ленинской гвардии».

Сейчас стали достоянием гласности такие подробности: приговоренных к смерти убивали в подвалах выстрелом в затылок. Чтобы было меньше шума, их приканчивали не из боевого оружия, а из малокалиберного. Тут же, в подвале, открывалась дверь в мертвецкую, где лежали штабелями трупы уже расстрелянных. По ночам трупы на грузовиках вывозили за город, сваливали в общие могилы, заливали известью и засыпали вровень с землей. Потом такое «кладбище» оцепляли колючей проволокой и ставили предостерегающую надпись: «Опасность эпидемии сибирской язвы! Вход воспрещен!»

Сталин не был бы Сталиным, если б не рассматривал членов партии ленинского призыва как предателей. Логика такая: эти люди не смогли осуществить свой проект «Мировая революция» и, потерпев поражение в борьбе за нее, совсем не спешили признать свои ошибки и добровольно работать на благо страны, изо всех сил цеплялись за власть и ради ее сохранения могли пойти на сделку с самим дьяволом, в роли которого выступали закрытые центры финансовой власти за рубежом. Потерпев крах, они стали бесполезными и превращались, по его мнению, в смертельную опасность для страны.

Добавим сюда еще одну из основных русских традиций – стремительное коррумпирование власти, быстрое обрастание элиты имуществом и связями, превращение ее в «трофейщиков». Террор мешал элите воровать, часто «косил» и виноватых, и правых, и власть имущие стали *временищиками* и старались *хоть что-то урвать*. Мы уже отмечали, что коммунизм отвергал дух грабежа, присвоения и спекуляции. Здесь нет и тени сомнения в правильности посылки. Какие могут быть возражения?

«Труд, активность, созидание» – эти надписи горели на наших знаменах. Главное – коммунизм изначально был против *паразитизма*. А сейчас? Езжайте на любой автомобильный или другой рынок Москвы. Вы увидите массу товаров и огромное множество продавцов в палатках. Товары куплены по одной цене, а продаются по другой. Продают их молодые люди, которые ничего не производят, людям, которые тоже ничего не производят, но те и другие хотят хорошо жить и ездить в хороших автомобилях, ничего не производя. Наиболее везучие из них сидят в шикарных офисах.

При коммунизме их функции выполняли снабженцы, получавшие скромную государственную зарплату. Советские госснабовцы об автомобилях могли только мечтать. Труд их считался не очень квалифицированным. Русский коммунизм, взявший из марксизма многое (часто ошибочное), в главном стоял на правильном выборе: все будут работать, и паразитов не будет.

С легкой руки Хрущева стало общим местом утверждение о том, будто сталинские процессы – это только параноидальные издержки борьбы за власть, что это последствия кровожадности Сталина и его дьявольской сущности. Но многие процессы под собой имели вполне реальную основу. И основа эта состояла в двойной игре, которую вела значительная часть элиты новой России, общавшаяся со сторонними силами как за океаном, так и в Германии. Архивные документы подтверждают наличие заговоров и подготовку и осуществление диверсий и террористических актов на всей территории СССР. Поэтому жесткие меры объяснимы.

Но трагедия не в этом: Сталин ведь знал, что жертвами репрессий становятся и невинные люди. Но считал, пусть пострадают невинные, чем где-нибудь накануне войны не будет устранен враг. Весь ужас в этом. Многие, например Бухарин и Рыков, шпионами и диверсантами не являлись. Пятаков и Радек, правда, были связаны с Троцким, встречались с ним. Органам это было известно. А вот Бухарин, даже снятый со всех важных постов, стал знаменем, вокруг которого могли объединиться все недовольные сталинским режимом, и в этом качестве он представлял большую опасность.

При Сталине многих судили как «изменников родины», к коим он причислял и тех, кто рассматривал Россию как базу для мировой революции. Догадка у него была такая: эти силы после поражения идеи мировой революции и отката ее к границам СССР должны были обязательно встать на путь совместных усилий с ведущими западными финансистами. На путь, который привел их к служению мировому финансовому капиталу. Их следовало ликвидировать даже по тогдашним законам о валютных операциях. К марту 1938 года Сталин физически уничтожил всех соратников Ленина, всех, кто помнил, что Ильич так и умер доктором мировой пролетарской революции, ради которой и было создано первое «Отечество мирового пролетариата» – СССР. Все, мечтающие о возрождении Советского Союза, ратуют за возрождение империи *мирового* пролетариата. Это сегодня звучит несерьезно.

Глава 11

Хозяин страны и истины в последней инстанции

Планирование – стратегическое преимущество коммунизма. Благодаря ему социалистическая экономика развивается без кризисов и поступательно. Это если план разрабатывается на научной основе, ориентируя производство на потребности населения. Тогда ошибки будут незначительными. А если же выдвигать постоянно «сверхзадачи», продиктованные сиюминутными политическими приоритетами, то общество будет постоянно сталкиваться с кризисами.

Уже итоги первой пятилетки пришлось фальсифицировать. Заодно тогда из общественно-экономической и партийной литературы изгнали термин «кризис» применительно к социализму. И постепенно планирование стало «насиловать» экономику. Такое «издевательство» над планом имело место в Стране Советов по объективным причинам. Ибо нам, справедливости ради, приходится соглашаться с таким утверждением: объективный ход истории, хотя и выражается, проявляется в действиях вождей, но всегда имеет свою логику. Причем только такая логика и диктует действия вождей. Вожди всегда поступали не так, как им хотелось бы поступать, а принуждались к тем или иным действиям обстоятельствами.

Сталину с каких-то пор, как никому другому, удавалось выглядеть человеком, единолично формирующим политику партии и государства. Хотя это было совсем не так. К примеру: вопрос о необходимости коллективизации решен был задолго до того, как он был категорически озвучен Сталиным. Но коллективизацию приписали только ему. Да и само назначение Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году произошло неосознанно вначале, но потом приобрело для него невозвратный характер: он трижды после смерти Ленина отказывался от этого поста, но ему каждый раз отвечали: «Работай!» Никто – ни Рыков, ни Бухарин, ни коммунист-барин Каменев – не пожелал вкалывать и нести колоссальную ответственность, они решили ни за что не отвечать, а льготы и привилегии и так у них были. Власть называлась «Советской», но в чистом виде этой власти нигде не было, так как немедленно после взятия власти большевики были вынуждены установить над чиновничьим аппаратом России (к которому немедленно примазались всякие проходимцы) контроль. Сначала при помощи представителей коммунистического правительства – комиссаров. Но это была полумера, поскольку комиссары действовали в одиночку и им не на кого было опереться. И вот тогда большевики вынуждены были пойти на единственно возможную меру: они реорганизовали свою партию во всеобъемлющую организацию контроля над властью. Этим нарушалась основа любой власти – *единоначалие*. Только при единоначалии у власти есть ответственные. При двух начальниках над одним делом – официальном и контролере над ним – называй их хоть тысячу раз ответственными, ответственность за дело исчезает.

Контроль – это наиболее яркий признак бюрократизации системы управления. Ни Троцкому, ни Ленину, ни самому Сталину в 1922 году не приходило в голову, что если партия берется контролировать госаппарат, то в этом случае не технический руководитель госаппарата – глава страны, а технический руководитель партии становится главой страны. Таким образом, на Сталина свалился груз ответственности за все, что будет происходить в стране, равно как и «вина» за все издержки еще не проверенного дела: и за нарушение принципа плановости, единоначалия и т. п. С ним сыграл также злую шутку и умышленно доведенный до абсурда культ личности.

Следует отметить, что Сталин не прилагал усилий к созданию культа своей личности. Он поступил более хитро или, если угодно, мудро, формируя культ Ленина, а себя называя его скромным учеником. Но уже его 50-летний юбилей в 1929 году прошел с необычайной помпой. Много было восторженных резолюций, приветствий, десятки статей в «Правде», в

которых многие авторы объявляли себя учениками Сталина. И здесь было больше преклонения перед авторитетом, чем раболепия.

Причины появления «вождизма» в советском обществе объяснимы. Победив в Гражданской войне, русский народ, а конкретнее – рабочий класс, превратился в заложника своей победы. Вступив на не изведанный в истории путь развития, ему пришлось опираться на веру в авторитеты и вождей. Такова стратегия в неопределенности. Для общества данного типа и на данном этапе его развития культ личности был объективно необходим.

За первую «сталинскую» пятилетку, пусть даже невыполненную, страна сделала мощный рывок вперед, и ее достижения стали очевидны и для ее трудящихся, и для многочисленных приезжих – предпринимателей, журналистов, писателей, делегаций. И все это – на контрастном фоне экономического кризиса, обрушившегося на развитые индустриальные державы! И чем ощутимей и неопровержимей становились успехи СССР на этом пути, тем выше поднимался авторитет Сталина.

Характерно, что в последние годы жизни Сталина, когда он окружением фактически был отстранен от управления страной (а некоторое время его уже и не было в живых), грандиознейший спектакль с культом личности «вождя всех времен и народов» достиг своего апогея. Интересно то, что именно во время этой вакханалии вождь был не у дел. Как только не рассматривали Сталина историки! Как политика. Как стратега. Как идеолога. Как партийного деятеля. Как воплощение абсолютного немотивированного зла. Но, бесспорно, он – величайшая фигура XX века, еще не понятая, не разгаданная. И трагическая.

К спорам о роли Сталина в истории, по-видимому, прежде всего, следует подходить в соответствии с его прозвищем в кремлевских кругах – Хозяин. Хозяин, которому досталась страна в полном развале и которой никто не собирался давать кредиты. Сталин на вопрос «где взять средства?» знал ответ – только внутри самой страны. Деньги можно было взять двумя способами.

Во-первых, найти накопления и изъять их.

Во-вторых, свести к минимуму всякие издержки. Первым источником накоплений стала ленинская большевистская гвардия, которая, дорвавшись до власти, тут же реквизировала сокровища царской России. И хотя она основную массу их перебросила за рубеж, кое-что у нее осталось. Сталин направил на эту гвардию мародеров каток репрессий, пытками вырывая у них номера банковских счетов, адреса тайников и имущих родственников, после чего ленинцев он уничтожил физически, как отработанный материал, который впредь ничего, кроме неприятностей, не сулил.

Некоторые авторы (их, правда, немного) утверждают, что в жестокие годы репрессий Сталин истреблял и самых крупных воров, коррупционеров. Там оказались и чекисты, замаранные неблагоприятными делами. Этот мусор уничтожался по надуманным самим Сталиным обвинениям, так как он болезненно не хотел обвального крушения коммунистических идеалов. Было просто опасно говорить народу правду, рассказывать об истинных мотивах преступлений репрессированных. И арестовывали их часто под предлогами, ничего общего не имевшими с действительными преступлениями.

Выжатых из ленинцев денег оказалось слишком мало. И тогда Сталин провел жесткую коллективизацию в деревне, преследуя конкретные цели и убив одним махом трех зайцев: добыл деньги для проведения индустриализации, получил дешевую рабочую силу для подъема промышленности и наладил сельское хозяйство таким образом, чтобы оно устойчиво могло снабжать продуктами город. Это был долгий, трудный, голодный путь. Но другого пути у Сталина не было. К счастью, в дальнейшем новая советская индустрия обеспечила некоторое возрождение русской деревни, хотя коллективизация шла очень болезненно.

Недоброжелатели предрекали обреченность колхозов, некоторые считали, что будущее русской деревни в том, чтобы стать сельскохозяйственными предприятиями, подобно

городским фабрикам и заводам. Говорили, что колхозников должны заменить сельскохозяйственные рабочие, а мелкие деревушки – большие поселки городского типа. Создание таких агрогородов требовало колоссальных средств, которых в стране не было. Хотя они уже существовали в виде больших совхозов.

Были такие, которые считали, что одним из путей улучшения жизни крестьян (и, как следствие, городских жителей) является создание вокруг городов сети фермерских хозяйств, снабжающих городские рынки и магазины сельскохозяйственными продуктами без всяких посредников. Этот путь не годился для отдаленных от городов деревень, а для окологородских районов он таил скрытые опасности в виде усиления преступности и взвинчивания цен на рынках. Экономическая выгодность этого пути выглядела иллюзорной. На этом пути высокая производительность, как известно, достигается за счет каторжного труда на маленьких личных участках. На участках большого размера это уже невозможно. К тому же молодежь стремилась избавиться именно от такого образа жизни.

Русский народ к этому времени уже избрал свой «исторический» путь. И никакими силами его нельзя было заставить вернуться в прошлое. Каким бы жестоким и трагическим ни был путь сталинской коллективизации, с социологической точки зрения он гораздо больше соответствовал уже сложившейся исторической тенденции эволюции народа, чем всякие попытки удерживать его в положении трудолюбивого производителя дешевой картошки и капусты для города.

Сталин нашел еще один источник первоначального накопления – природные ресурсы. Пока не было техники и современного оборудования, Сталин бросил на их добычу целые армии эзков, бывших крестьян и рабочих. Лагерники обеспечивали добычу важнейших полезных ископаемых, столь востребованных мировым рынком, – золота, платины, серебра, редких металлов. Все это приходилось вырывать из вечной мерзлоты, вкалывая в условиях марсианских холодов. Заключение добывали то, что в последующем продавалось за рубеж и давало стране валюту, возвращавшуюся современными заводами, новыми электростанциями, линиями электропередачи. С огромным трудом и жертвами добывалось золото на Чукотке и Колыме. Сталину удалось не только восстановить размеры царского золотого запаса, разграбленного белогвардейцами, ленинцами и Западом, но и превзойти его.

Труд политзаключенных в концлагерях играл значительную роль и на крупных стройках, таких как Хибиногорск, Магнитогорск, Беломорско-Балтийский канал. Но даже лагеря с двухмиллионным «населением» еще не давали снижения издержек до нужного уровня. Поэтому применялась еще одна система: те, кто работал на свободе, регулярно отдавали часть зарплаты, покупая облигации сталинских займов. Кстати, все облигации были погашены государством.

Сталин по максимуму использовал возможности сотрудничества с Америкой. Инвестиций от нее он не ждал. Это было невозможно, особенно в условиях мирового кризиса, который длился почти все 1930-е годы. Сталин на деньги, вырученные за счет запредельно жестких методов хозяйствования, покупал технику, технологии и услуги американских специалистов. Специалисты продавались не так уж дорого, так как выбирать им было не из чего – во всех странах царил спад производства, и только в России производство росло.

Американцы чувствовали себя у нас неплохо. План первой пятилетки в Советском Союзе разрабатывался с их помощью. При помощи США мы построили почти все крупнейшие производства первых пятилеток. Сталин не брезговал и промышленным шпионажем. В дело шли все способы для добывания экономических и технологических секретов. Доходило до совершенно детективных историй с фиктивными фирмами, подставными лицами и фиктивными «туристами». А те нерадивые советские специалисты, которые, будучи им командированными за рубеж за техническими новшествами, там немного расслаблялись и

недобросовестно его задания выполняли, по возвращении на родину научно-технический прогресс вперед вынуждены были двигать уже в «шарашках».

Коммунизм предполагает наличие коллегиальности. Но случилось так, что Сталин сосредоточил всю власть в своих руках. Иное казалось (ему и другим) просто невыносимым. Нетрудно обнаружить, что бюрократизм в Стране Советов набирал обороты уже при Сталине. Он в конце концов погубил правое дело. Приложил к этому руки Сталин тем, что все текущее руководство замкнул на себя.

Известно, что лучше тот руководитель, который работу больше организует и меньше руководит. Но в нашем конкретном случае к этому привели обстоятельства. И Сталин большинство вопросов решал сам – его мнение стало истиной в последней инстанции. Сталин, естественно, должен был подбирать нужных хозяйственников. Имея тяжелейший опыт борьбы с врагами всех мастей, он возле себя оставлял таких, кто не способен был не только составить ему конкуренцию, но и на самом верху изменить курс. Хотя утверждать с полной уверенностью, что такие планы не вынашивались, не стану, равно как и утверждать, что человек, знающий себе цену, слишком «гордый» или умный, оказаться вблизи вождя не мог. Много примеров, говорящих об обратном.

Мудрость и коварство Сталина, увы, состояли в том, что, если он видел, что кто-то исчерпывал свой потенциальный ресурс, выдыхался или, наоборот, «зажирался», он (часто – незаметно) избавлялся от такого человека. Характерным примером, когда попал в опалу чуть ли не самый приближенный к Сталину человек, не справившийся с возросшими требованиями времени, является случай с Климом Ворошиловым. К описанию этого случая мы еще вернемся. Настало время, когда вторым лицом в государстве стал Молотов. Человек, по характеристике У. Черчилля, выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный. Вопрос о преемнике Сталина всегда подспудно обсуждался среди членов партии и в народе. И каковы бы ни были различия и оттенки в мнениях, абсолютно все сходились на том, что в руководящем ядре партии есть один преемник Сталина, подготовленный всем предшествующим ходом развития революции и внутрипартийной борьбы, – это Молотов. После X съезда партии, когда платформа Троцкого и его группа потерпели поражение, был создан новый Секретариат ЦК, и в его состав избрали Молотова. Он стал не только секретарем ЦК, но и кандидатом в члены Политбюро.

Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) родился в слободе Кухарка Вятской губернии в обеспеченной семье. Свое «политическое крещение» Вячеслав принял в 16 лет, когда, обучаясь в Казанском реальном училище, вступил в местную большевистскую группу. За свою революционную деятельность Молотов многократно арестовывался. Свои «университеты» прошел не только в училище и Петербургском политехническом институте, но и в многочисленных тюрьмах, в вологодской и сибирской ссылках. Молотов был делегатом большинства съездов партии, одним из создателей газеты «Правда» и секретарем ее редакции. Он никогда не отличался выдающимся ораторским талантом, но с самого начала своей политической карьеры показал себя исполнительным и корректным партийным работником. Дисциплинированность Молотова доходила до абсолюта, до фетиша! Всякое решение, указание ЦК, даже порой телефонный звонок ответственного работника ЦК, были для Молотова святыней. Все подлежало точному и безукоризненному исполнению в назначенный срок и любой ценой.

В оргработе Сталин когда-то сам сильно поднаторел и благодаря этому поднялся до невообразимых высот и в Молотове это очень ценил. Ленина крайне раздражали люди, питавшие страсть к рутинной бюрократии. Но Сталин был совершенно иного мнения на этот счет: он не мог не отметить старательного молодого партийца, который не претендовал на первые роли и выказывал по отношению к нему полную и безусловную лояльность. Молотов был человеком невзрачным и маленького роста. Это тоже являлось большим плю-

сом. Лучше иметь рядом такого скромнягу, чем крупного, высокого и красивого. Такие люди всегда (и это естественно) вызывали неприязнь низкорослого и рябого вождя, который на глазах у всех из-за низкопоклонства превращался в диктатора.

В 1920-е годы и позже Молотов почти всегда находился рядом со Сталиным, был ему верным помощником. Как Сталин всегда старался угодить Ленину, так и Молотов старался изо всех сил угодить Сталину. Молотов принимал активное участие сначала в кампании против троцкистской, а затем и зиновьевской «объединенной» оппозиции. В 1928–1929 годах он, уже будучи полноправным членом Политбюро, без колебаний поддержал генсека в борьбе с так называемым «правым уклоном».

За 130 дней пребывания на посту первого секретаря МГК Молотов разрубил «тугой узел» столичной парторганизации и «сплотил» коммунистов столицы вокруг вождя. Из шести заведующих отделами МГК четверо были освобождены, из шести секретарей райкомов столицы продолжали исполнять свои обязанности лишь двое. Из членов МГК выбыли Бухарин и Рыков, а стали членами Каганович и другие сторонники Сталина. Сухой, деловитый, как бы лишенный эмоций, Молотов беспрекословно выполнял любые указания и директивы своего начальника. И тот ценил эту преданность. После отставки Рыкова с поста Председателя Совнаркома Молотов занял его место. В 1930–1931 годах он выезжал в отдельные районы страны в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам, наделенного неограниченными правами. И не брезговал применением «особых мер». В результате такой «аграрной политики» и по другим причинам (крестьяне резали скот) случился страшный голод, унесший миллионы жизней. Потом судьба сыграла с ним злую шутку.

В 1936 году, когда в Москве началась подготовка первого открытого судебного процесса над группой Зиновьева – Каменева, над Вячеславом Михайловичем нависла, возможно мнимая, опасность. Сталин любил испытывать своих ближайших помощников на лояльность и в этот раз решил испытать Молотова. Это была немного садистская шутка: как человек поведет себя в щекотливой ситуации? Сталин собственноручно вычеркнул фамилию Молотова из протокола показаний некоего Рейнгольда, в котором лидеры оппозиции обвинялись в подготовке покушения на Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Кирова и других вождей. Поскольку в этом «ликвидационном» списке Молотова не оказалось, НКВД тут же включил его в другой список – ликвидации. Сталин держал Молотова в таком невеселом напряжении шесть недель, хотя, скорее всего, и не думал с ним поступать жестоко – он его готовил на место Литвинова.

С «англофилом» Литвиновым ни Гитлер, ни Риббентроп не желали иметь дело. 23 августа 1939 года Риббентроп прибыл в Москву. Переговоры вели лично Сталин и Молотов. Позже человека «номер два» дискредитировали арестом его жены, старой коммунистки Полины Жемчужиной, обвиненной в причастности к идее создания еврейского государства в Крыму. О том, как и почему, несмотря на все заслуги Молотова перед государством, в конце концов Сталин на известном Пленуме выразил ему политическое недоверие, обвинив его во всех смертных грехах, и предложил не вводить Молотова в состав Бюро Президиума ЦК, будет сказано ниже. Здесь только отмечу, что такую оценку заслуг Молотов принял без единого слова протеста.

А когда Хрущев начал свою необузданную, доведенную до крайностей, лишенную всякого учета общепартийных и государственных интересов СССР дискредитацию мертвого Сталина, Молотов ни на секунду не поддался чувству личной обиды и ранее допущенной в отношении него глубокой несправедливости со стороны Сталина. Казалось бы, никакая сверхчеловеческая воля при аналогичных обстоятельствах не смогла бы предотвратить самую острую критику Сталина. Но Молотов обладал именно такой сверхчеловеческой выдержкой. Он решительно возражал против односторонней оценки и критики Сталина, которая причиняла вред Коммунистической партии, Советской стране, мировому рабочему

и коммунистическому движению. И совершенно не заботился о том, чтобы в благоприятный для него момент повысить свои собственные политические акции.

Иллюстрацией того, как Сталин использовал своих соратников, является и история жизни «железного» сталинского наркома Лазаря Моисеевича Кагановича, не менее интересная, чем судьба героя, на жизни которого мы кратко остановились выше. Когда-то Каганович обладал огромной властью и столь же великой популярностью. Он всегда отличался отменным здоровьем. Как и Молотов, Каганович – долгожитель; он прожил полных 97 лет, несколько месяцев не дотянув до своего 98-летия. Молодость Кагановича была овеяна революционной романтикой. Он влился в большевистские ряды в 1911 году. На решение молодого сапожника повлиял пример старшего брата, который вступил в партию в 1905 году. С самого начала Лазарь проявил свою активность: создавал нелегальные большевистские кружки и профсоюзы кожевников и сапожников в Киеве, Мелитополе, Екатеринославле и других городах. Весной 1917 года, призванный в армию, он находился в саратовском пехотном полку, где выказал неплохие способности агитатора и оратора и вследствие этого занял заметное место в саратовской большевистской организации. За участие во Всероссийской конференции большевистских военных парторганизаций он был арестован, но бежал из-под стражи и нелегально перебрался в Гомель, в прифронтовую полосу. Вскоре Лазарь стал председателем Полесского комитета большевиков. В декабре 1917 года он был избран делегатом III Всероссийского съезда Советов. В Петрограде был избран во ВЦИК РСФСР. Стремительный и закономерный взлет. И конечно, талантливый молодой партиец был замечен наркомом по делам национальностей Сталиным и направлен на работу в Среднюю Азию.

После избрания Генеральным секретарем ЦК РКП (б) Сталин отозвал Кагановича из Туркестана и поставил его во главе организационно-инструкторского отдела. Через этот отдел шли все назначения на ответственные посты в РСФСР и позже – в СССР. Это определяет степень доверия Сталина к своему выдвиженцу-еврею. Оба они отличались схожими волевыми и властными характерами. Но Лазарь умел проявить лояльность и никогда не вступал в пререкания со своим шефом.

Сталин, который вначале своей политической карьеры был буквально «задавлен» сопротивлением своему курсу и вынужден был участвовать в глупых, с его точки зрения, дискуссиях, эти качества своего ближайшего помощника оценил очень высоко. И Каганович стал одним из наиболее доверенных людей своеобразного «теневого кабинета», существовавшего до тех пор, пока Сталин не добился полной власти в партии и советском правительстве.

В 1925 году по рекомендации Сталина Каганович был избран Генеральным секретарем ЦК КП (б) Украины. В республике национальная обстановка была очень сложной, особенно на западных территориях. Каганович проводил политику, направленную на уничтожение «украинизации» и «буржуазного и мелкобуржуазного национализма». Он так преуспел в своей деятельности, что довел ЦК КПЗУ до раскола и добился ареста некоторых руководителей. В этот период у него часто возникали конфликты с председателем Совнаркома Украины В. Я. Чубарем и наркомом просвещения республики А. Я. Шумским. Последний добился в 1926 году приема у Сталина и настаивал на отзыве Кагановича из Украины, а Чубарь, выступая на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК КП (б)У, охарактеризовал обстановку, созданную Кагановичем в партийном руководстве республики, как нарушившую взаимное доверие и контроль.

Сталину надоели постоянные жалобы украинских деятелей на Кагановича, и, чтобы не обострять обстановку, он отозвал Лазаря обратно в Москву. Тогда Сталин поступал еще так. А поскольку Каганович вполне устраивал своего высокого покровителя, он вскоре стал секретарем ЦК ВКП (б) и был избран членом Президиума ВЦСПС. А в начале 1930 года

он становится первым секретарем Московского областного, а позже и городского комитета партии, а также полноправным членом Политбюро ЦК ВКП (б).

В годы коллективизации в те районы, где возникали наибольшие трудности, направлялся именно Каганович. Когда Сталин уезжал в отпуск к Черному морю, именно он оставался в столице в качестве временного главы партийного руководства. К 1935 году, после того как Каганович принял самое активное участие в реконструкции Москвы, строительстве Московского метрополитена (названного его именем), он взобрался уже на такую вершину своей популярности, с которой, по негласным законам того времени, должно было неизбежно начаться медленное или стремительное падение. На этом примере подтверждается предположение, что Сталин не терпел помощников, которые могли затмить его личную славу. В последний день зимы 1935 года произошла частичная «рокировка» должностей: нарком путей сообщения А.А. Андреев стал секретарем ЦК ВКП (б), а Каганович был поставлен на его место. Руководство Московской городской и областной партийной организацией Сталин передал Н. С. Хрущеву. И вовремя: в глазах народа Каганович тогда уже стал «ближайшим соратником» и «лучшим учеником» вождя. На первый взгляд назначение Кагановича на один из сложнейших хозяйственных участков, каким является железнодорожный транспорт в огромной стране, не выглядело как опала. Да и оно было преподнесено едва ли не как повышение: всюду подчеркивалось, что железнодорожникам оказана большая честь; на вокзалах были вывешены портреты нового наркомпути и без конца повторялось: «Под руководством тов. Л. М. Кагановича выведем транспорт на широкую дорогу побед».

В действительности новая должность никак не могла способствовать росту политической карьеры Кагановича. И уже не за горами было то время, когда он, оставаясь наркомом путей сообщения, навсегда уйдет во «вторую шеренгу». Как ни усердствовал Каганович в восхвалении вождя и в репрессиях, дистанция между ним и Сталиным все больше и больше увеличивалась. Сталин лично вникал во все вопросы и дела, в чем переплюнул даже Петра I и Екатерину II. Нет ни одной области производства, техники, науки и искусства, куда бы не дотянулась его железная рука. Это имело свои минусы. Положительное явление централизации власти и жесткой дисциплины в своем развитии перешло грань разумного и стало приобретать отрицательные черты. Судите сами. Важнейшие хозяйственные вопросы решались на заседаниях Оргбюро Центрального Комитета партии. С формальной точки зрения Оргбюро было так же важно, как и Политбюро. Первое должно было заниматься вопросами управления, а второе – политики. В Оргбюро входили пять секретарей ЦК, секретарь ЦК профсоюзов и секретарь ЦК комсомола. Присутствовал и представитель Красной Армии. К заседаниям «докладчики» готовились месяцами, так как очень боялись опростоволоситься перед вождем.

Его рабочий кабинет в Кремле – это просторная светлая комната, стены которой обшиты мореным дубом. Самая существенная часть здесь – длинный, покрытый зеленым сукном стол. В глубине у закрытого окна – рабочий стол самого Сталина. Но хозяин, обычно покуривая, прохаживается по кабинету медленно, широким шагом, чуть вразвалку. Когда трубка прогорала до конца, он направлялся к своему столу у зарытого окна. Медленно брал коробку папирос «Герцогвина флор», медленно разрывал несколько и, так же не спеша, набивал трубку табаком.

Сталин обладал нюхом на слабые места в докладе или в документе. Слабость тут же обнаруживал и тогда сердито выговаривал за нечеткость, за не проверенность до конца. Обладал редкой памятью. И никогда не упускал случая резко отчитать за забытое. Иногда неожиданно подходил вдруг к докладчику или собеседнику. Остановится и уставится глаза в глаза. Взгляд острый, желтый, пронизывающий. Многие не выдерживали. Но он обычно долго не смущал этим желтоватым взглядом. Секунд пять-шесть, – и этого было достаточно. И вот уже дальше спокойно идет по кабинету. Зачем он это делал – никому было неясно.

Так как этот взгляд не влек никаких последствий за собой. Пронзил человека, прожег снизу доверху – и все.

Докладчику председательствующий давал всего несколько минут, другим ораторам отводилось по две-три минуты, а некоторые, кто усиленно готовился и хотел что-то сказать неординарное, мог вообще не получить права выступить. На заседания в Кремле люди приглашались заранее и находились все вместе в большом зале. Приглашенные на разное время ждали своей очереди часами. Приглашались, как правило, причастные к рассматриваемому вопросу и крупные деятели советского и партийного аппарата, руководители наркоматов. Поскольку большое начальство часами дожидалось своей очереди, а подчиненные знали, что они поехали к Сталину, заинтересованные учреждения простаивали в ожидании решения. Высокие чиновники, ожидая, обменивались правительственными сплетнями и слухами, ели бутерброды с ветчиной и сыром, пили чай и курили бесчисленные папиросы (сигарет тогда не было). Тех, кого в конце концов приглашали в зал заседаний Политбюро, уже трудно было чем-нибудь удивить – так они изматывались долгим ожиданием.

За столом обычно сидели Ворошилов, Молотов и другие члены высшего руководства партии. Сталин, с неизменной трубкой во рту, сцепив руки за спиной, прохаживался взад и вперед у окна. Он редко председательствовал на этих заседаниях, предпочитая оставлять это Калинин, Кагановичу или Молотову.

Сталин и его коллеги с трудом вникали в суть рассматриваемых вопросов, так как для понимания сугубо технических дел даже специалистам, чтобы разобраться, понадобилось бы несколько дней. Но вопрос каждый раз окончательно и бесповоротно решался. Иногда было достаточно одной реплики, чтобы принять то или иное решение. Особенно это было пагубным, когда касалось сроков исполнения. Каждый хотел выслужиться перед товарищем Сталиным, поэтому обещанное ему выполнялось любой ценой.

Внешне создавалась видимость коллективной работы, дискуссии. Сталин не командует, а предлагает. Решение подписывалось всеми членами Политбюро.

Но все знали, что есть только один Хозяин. Формулировки отражали обычную партийную фразеологию; за ними стояло слово Сталина, которое являлось законом.

Социалистическая экономика стала неповоротливой и почти неуправляемой. Страх попасть в немилость выработал привычку избегать ответственности.

Каждый на своем уровне ждал указаний свыше. И поскольку тысячи важных и даже совсем неважных решений должны были обязательно пройти через Сталина, наверху всегда наблюдался затор. Недели уходили на ожидание: наркомы ждали в приемной Сталина, директора заводов – в приемных наркомов и т. д.

В результате такой глупой сверхцентрализации управления на решение любого вопроса уходила уйма времени. Такая система не могла не приводить к авралам, срывам, просчетам и катастрофам, местным и самых больших масштабов.

И тогда находили виновных, судили их, а некоторых, наиболее незаурядных, легко обвинив в преднамеренности, лишали жизни.

Те, кто ничего не делал, обычно выходили сухими из воды, а страдали самые самоотверженные и честные. А приспособившийся привилегированный советский обыватель преобразился, стал наглым, ненасытным, зажрался. Заимел кухарок.

Глава 12

Тайна взлета и падения Михаила Тухачевского

Сплошные загадки... До сих пор не обнаружено так называемое «досье Бенеша» («Красная папка»). На уровне слухов осталась версия, что 8 мая 1937 года президент Чехословакии Бенеш передал Сталину (естественно, через посредников) копии документов о существовании в СССР военного заговора, с именами главных заговорщиков – Тухачевского, Якира, Гамарника и других. Версий на этот счет существует немало. Равно как и о причинах падения Тухачевского. Одни из авторов утверждают, что Тухачевский был невиновен, но приводимые ими при этом аргументы неубедительны, другие утверждают обратное – хотя и они не могут привести безукоризненных данных о существовании факта измены маршала, так стремительно вознесшегося чуть ли не на самую вершину военного Олимпа.

Репрессиям против военных и трагическим судьбам военной элиты в ленинские и сталинские времена посвящена книга военного историка полковника Николая Семеновича Черушева «Невиновных не бывает...». Интрига книги заложена уже в названии. Можно подумать, что все якобы виновны. Когда прочтешь книгу, можно прийти к выводу, что как раз большинство и невиновны. Хотя некоторое противоречие в этом выводе автора книги все-таки замечается. По материалам судебных разбирательств и следственных действий, приводимых автором книги, складывается впечатление, что не все так однозначно. Наговоры были? Были. Была и тенденциозность, и спешка. Однако присутствовало и желание честных людей оправдать невинных. Справедливости ради скажем, что перевешивало желание засудить, нагнать страху.

К чести Черушева, он отрицательно отнесся к некоторым историкам-любителям, которые нынче в погоне за сенсацией вешают читателям лапшу на уши в таком важном деле, как доброе имя тех, кого нет в живых. Черушев свидетельствует, что репрессии против личного состава вооруженных сил Советского государства (Красной Армии) начались почти одновременно с их созданием. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) была создана для защиты от нападения извне и борьбы с вооруженными силами той части России, которая выступала против большевиков. Как она формировалась и из кого состояла, нам известно. О том, какие в ней существовали порядки (вернее, беспорядки), тоже известно. Поэтому большевики не ограничились созданием ВЧК, предназначенной для борьбы с контрой.

С июля 1918 года стали действовать фронтовые, а затем и армейские ЧК, которым ВЧК вменялось ограждение частей, соединений, штабов и учреждений РККА от проникновения туда явных дегенератов, агентов иностранных разведок, представителей различных антисоветских организаций, проводивших работу по сбору разведывательной информации, по разложению личного состава путем антисоветской агитации и пропаганды, распространения провокационных, панических слухов, сплетен, измышлений. Одновременно с ЧК борьбой со шпионажем в армии и на флоте занимались и специально созданные органы военного контроля Реввоенсовета Республики. Такое «двоевластие» распыляло силы, создавало совершенно ненужные межведомственные трения. 19 декабря 1918 года бюро ЦК РКП (б) приняло решение о слиянии фронтовых ЧК и аппарата военного контроля. Созданный орган – Особый отдел ВЧК – сыграл большую роль в организации и повышении эффективности работы подразделений военной контрразведки в частях и соединениях Красной Армии.

С первого дня своего существования особые отделы, этот боевой отряд ВЧК, находились под пристальным вниманием партийных органов. С участием военных контрразведчиков в годы Гражданской войны был вскрыт ряд глубоко законспирированных контрреволюционных организаций в ряде регионов страны, в том числе такие, как «Тактический центр»

и «Добровольческая армия Московского района», имевшая в своем составе более 700 бывших офицеров.

По заданию иностранных спецслужб и разведок Колчака, Деникина и Юденича участники таких подпольных, широко разветвленных групп и организаций проникали (пишет Черушев) в штабы соединений и объединений (бригад, дивизий, армий, фронтов) Красной Армии, занимались сбором секретных данных, готовили вооруженные выступления в крупных центрах Республики. Армейским чекистам (особистам) вменялся в качестве важнейшей задачи контроль за деятельностью бывших офицеров и генералов царской армии, добровольно или по мобилизации поступивших на службу в Красную Армию (их называли военспецами).

Не является секретом тот факт, что среди последних было немало таких, кто отрицательно относился к власти большевиков и диктатуре пролетариата, выжидая удобного случая для перехода на сторону белых. А были и такие военспецы, которые вступали в Красную Армию, уже имея от белогвардейских центров конкретные задания разведывательного или вредительского характера. Недоверие к «бывшим» со стороны особого отдела, естественно, подогревали и случаи измены, перехода на сторону белых военспецов, занимавших крупные посты – командующих общевойсковых армий, начальников штабов армий и др. Имена этих людей известны. Известно и то, что в годы Гражданской войны нередки были случаи, когда карающая десница пролетарского правосудия опускалась на головы невинных людей, честных командиров Красной Армии, бывших офицеров, оболганных и оклеветанных подлыми доносчиками, завистниками, недоброжелателями.

Аресту и следствию подверглись по обвинению в принадлежности к контрреволюционной офицерской организации Главком Вооруженных Сил Республики И. И. Вацетис (полковник старой армии), помощник руководителя Высшего Военного Совета С. Г. Лукирский (генерал-майор старой армии), военрук Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесарев (генерал-лейтенант старой армии), бывший руководитель инженерной обороны Петрограда К. И. Величко (генерал-майор старой армии), помощник начальника Организационного управления и Центрального управления военных сообщений Полевого штаба Реввоенсовета Республики К. И. Бесядовский (полковник старой армии) и др. Названных выше лиц после недолгого разбирательства оправдали, и они продолжали свою службу в Красной Армии на различных должностях, в основном преподавателями в военных академиях. Но стали появляться и смертные приговоры.

Первому объявили смертный приговор выходцу из потомственных дворян, имевшему боевой опыт, капитану 1-го ранга Алексею Михайловичу Щастному, после октябрьских событий перешедшему на службу Советской власти. Щастный с 27 декабря 1917 года по 9 января 1918 года исполнял обязанности 1-го заместителя начальника военного отдела Центробалта. Затем стал начальником Морских Сил Балтийского моря. В 1918 году руководил ледовым походом кораблей Балтийского флота. Спустя месяц после похода, при активном участии Троцкого, Щастный был арестован. Через два дня после ареста, обеспокоенная судьбой своего командующего, в Морскую коллегию обратилась команда линкора «Андрей Первозванный».

Троцкий знал, на что способны «революционные» матросы, как они могут «наводить порядок» и что они могут натворить в случае их мятежа или недовольства действиями властей. Поэтому нарком сразу же после ареста поспешил заручиться поддержкой законодательного органа Республики (ЦИК). Расправа с бывшим капитаном 1-го ранга А. М. Щастным получила широкую огласку на флоте и послужила поводом для ухода со службы значительной массы флотских офицеров. Кронштадтский мятеж в марте 1921 года послужил новым поводом для эскалации репрессий против командиров на флоте. Тогда впервые была названа «Петроградская боевая организация» (ПБО). Из числа арестованных по делу ПБО

большую группу (61 человека) расстреляли в августе 1921 года, остальных приговорили к различным срокам заключения. Но это было только начало. Аресты командного состава флота в 1921 году прошли в Петрограде и Кронштадте, в Мурманске и в Крыму. Моряки подвергались не только аресту, но и другим видам дискриминации. Например, так называемой фильтрации, цель которой была прежде всего политическая аттестация командного состава флота. Эта своеобразная сортировка всех «бывших» на категории политической благонадежности была большим подспорьем в работе особых отделов ВЧК. Всегда можно было наметить лиц, предназначенных к «изъятию», т. е. аресту органами ВЧК.

Эту зверскую «позицию» значительной части руководства ВЧК предельно четко выразил уполномоченный Особого отдела в Морских Силах Балтийского моря А. Грибов в своей докладной от 9 сентября 1921 года (приведенной Черушевым): «Я полагаю, что чем больше их (бывших флотских офицеров. – *Прим. Черушева*) будет изъято, тем быстрее будет строиться наш Красный Флот. А старых военспецов использовать в тылу по специальностям, а когда встретится нужда, мы всегда сможем их заставить работать так, как захочет пролетарская диктатура».

Позиция явно циничная, но, с другой стороны, и ситуация была довольно сложной своей неопределенностью: можно доверять военспецам или нет? Всего за участие в Кронштадтском мятеже к высшей мере наказания были приговорены 2103 человека, а к различным срокам лишения свободы – 6459 человек. С определенного момента целенаправленное уничтожение бывших генералов и офицеров старой армии, начатое в годы Гражданской войны, в конце 1920-х и начале 1930-х годов набирает обороты. Гонениям в эти годы подверглись как действующие командиры РККА, так и находившиеся в запасе и отставке (нахождение в запасе тогда именовалось долгосрочным отпуском).

ОГПУ одну за другой проводило операции по «зачистке» бывших военспецов, которые, как отработанный материал, уже оказались ненужными. Разработка ОГПУ некоторых из этих операций так или иначе связывалась с именем Михаила Николаевича Тухачевского.

Происходя из небогатой дворянской семьи, из которой некоторые служили когда-то на военной службе, Тухачевский блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровском военном училище. С 1 сентября 1912 года он числился в списках училища юнкером 2-й роты. Отличаясь незаурядными способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро стал выделяться из среды прочих юнкеров. К 19 годам стал фельдфебелем и был на хорошем счету у начальства, но, к сожалению, не пользовался любовью своих товарищей, чему виной (по свидетельству сослуживца) являлся он сам, так как сторонился товарищей и ни, с кем не сближаясь, ограничивался лишь служебными, чисто официальными отношениями. На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявил себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Назначенный часовым в сторожевое охранение, он, по какому-то недоразумению, не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному ему посланным юнкером. Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения. На все это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и духу устава. Его произвели в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках. Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский с течением времени стал слепо преданным службе, фанатиком в достижении своей цели, поставленной им себе как руководящий принцип достигнуть максимума в служебной карьере, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть.

При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи. Позже за глазомерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу. Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получил первый приз на турнире училища весной 1913 года – саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя.

По службе у него не было жалости к другим. Став фельдфебелем на старшем курсе, Тухачевский не знал пощады провинившимся: он наказывал самой высокой мерой наказания за малейший проступок новичков, только что поступивших на службу и еще не свыкшихся с обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь. Беспощадный фельдфебель оставил болезненный след в жизни училища: произошел целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия.

По докладу Тухачевского два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище: Евгений Немчинов – за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придиричивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Георгий Маслов (впоследствии был убит в бою с немцами) – за то, что, не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю требовательность фельдфебеля. Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно. Трое же других юнкеров – Красовский, Яновский и Авдеев – по докладу фельдфебеля были переведены начальником Александровского училища генерал-майором Геништой в третий разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. Во всех трех случаях до этой крайности довел их Тухачевский.

Жестокость Тухачевского проявилась и при подавлении бунта тамбовского крестьянства – «антоновщины». К июню 1921 года бунт был уже полностью подавлен, тем не менее командовавший войсками Тамбовской губернии Тухачевский приказал леса, где прячутся восставшие, очистить ядовитыми газами.

По окончании Александровского военного училища Тухачевский был переведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, назначен в 6-ю роту, которой тогда командовал капитан Веселаго – один из достойных и боевых офицеров гвардии, по собственному желанию участвовавших с отличием в русско-японской кампании. Прекрасная подготовка, полученная Тухачевским в первоклассном училище, была подкреплена участием в начавшихся боевых действиях на театре Первой мировой. Он быстро показал свои блестящие способности начиная с первого же боя. Особенно отличилась 6-я рота в бою под фольварком Викмундово. Капитан Веселаго получил орден Св. Георгия 4-й степени, а подпоручик Тухачевский, как младший офицер роты, – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Эта награда его совершенно не удовлетворяла. Ему хотелось Георгия, как у капитана. Но... В бою 5 ноября 1914 года под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в Москву. А потом – опять фронт. В ломжинских боях, в ночь с 20-го на 21-е февраля 1915 года, Тухачевский, при невыясненных до настоящего времени обстоятельствах, попадает в плен.

Читаю воспоминания бывшего офицера Русской армии Владимира Никитича Посторонкина: «Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется “на носу” и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходящих их немцев. Командир роты, капитан, на ходу вступает в командование группой людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым

Георгиевский крест, было обнаружено 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...»

Когда Тухачевский вернулся из плена на Родину, терзаемую смутами и беспорядками, то примкнул к лагерю, где, по его расчетам, было легче сделать карьеру и без особого риска достичь высокого положения и широкой известности. В недрах ОГПУ материалов агентурной разработки оказалось достаточно для формирования дела под названием «Генштабисты». В этом деле были сосредоточены данные на более чем 350 человек. На оперативном учете, наряду с Вацетисом и Каменевым (Сергеем Сергеевичем), оказался и командующий Западным фронтом Тухачевский.

Негативную роль бумеранга в этом деле сыграли материалы,брошенные в западные средства массовой информации в ходе операций «Трест» и «Синдикат». Дело в том, что с целью показать участие в заговорщической организации старого офицерства ОГПУ вкупе с Разведуправлением РККА с помощью своих зарубежных агентов активно распространял сведения о существовании в СССР нелегальных антисоветских организаций с участием в них офицеров и генералов старой армии. Накопленные в ОГПУ материалы агентурной разведки спустя некоторое время послужили основой для создания группового дела под названием «Весна», основные события которого происходили в 1930–1931 годах. Только аресту по этому делу подверглось более 3000 бывших офицеров и генералов – военспецов Красной Армии. Они бездоказательно, на основании только показаний сексотов, обвинялись в принадлежности к различного рода антисоветским офицерским организациям, в проведении вредительской и шпионской деятельности.

Характерно то, что какие-либо колебания и неустойчивость по отдельным вопросам политики ВКП (б) и правительства страны теперь однозначно квалифицировались как преступная организованная деятельность, направленная на подрыв Советской власти. В те годы вновь существовала реальная угроза ареста для ряда руководителей РККА – бывших офицеров: М. Н. Тухачевского (командующего Ленинградским военным округом), Б. М. Шапошникова (начальника штаба РККА), С. С. Каменева (заместителя наркома по военным и морским делам).

Я уже писал, что для Сталина играла роль и личная симпатия или антипатия к том или иному человеку. Тухачевский у Сталина был уже на прочном крючке со времени нашей авантюры в Польше. В возрасте 27 лет Тухачевский имел большой авторитет и занимал в РККА немислимо высокие посты. Вспышки революции в Европе были подавлены, перспектива мирового освободительного пожара отодвинулась на неопределенное время, и большевистская власть пошла на авантюру – попыталась «прощупать штыком» панскую Польшу. Предполагалось через «труп белой Польши» выйти на границу с Германией, где вновь можно было ожидать восстания рабочих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.